

АЛЕКСЕЙ МЕНЯЙЛОВ

СЕФИРОТ

(УТОНЧЕННЫЕ ПРИЕМЫ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ) ЗАПИСКИ ЗЯТЯ ГЛАВРАВВИНА 2

Крафт +

Москва

2003

ББК84.4-6 М 50

М 50 Меняйлов А.А.

Сефирот: Записки зятя главраввина 2. — М.: Издательство «Крафт+», 2003. — 288 с.

15ВМ 5-93675-042-6

После того как «Записки зятя главраввина - 1» стали бестселлером (даже без всякой рекламы!) было бы странно, если бы издатели не напрягли всё и вся, чтобы как можно скорее выпустить и эту в высшей степени интересную книгу.

У автора оригинальный, потрясающий воображение способ анализа происходящего вокруг, позволяющий докопаться до самых корней рассматриваемых проблем. Аналогов в потоке литературы, сами можете убедиться, нет.

Итак, чем же отличается интимная жизнь великих людей от остальных?

Может ли быть у человека *половинка*, как её встретить и распознать?

В чём принципиальное отличие *половинки* от *партнёра*!

Книга увлекательна, написана хорошим языком. Она адресована самому широкому кругу читателей, но главные из них те, кто ещё не успел совершить непоправимых ошибок в своей ЖИЗНИ\

15ВИ 5-93675-042-6

ББК84.4-6

50427¹

© Меняйлов А.А., текст, оформление, 2003

Предисловие ко всей серии

Быстрота, с которой разошелся первый тираж книги «Дурилка. *Записки зятя главраввина* (Утончённые приёмы скрытого управления)», причём разошёлся без всякой рекламы, не могла не подвести нас, издателей, к мысли о целой серии книг «под грифом»: «ЗАПИСКИ ЗЯТЯ ГЛАВРАВВИНА».

Начинать чтение лучше, вообще говоря, с начала, с «Дурилки».

Для тех же, кому этот выпуск попал в руки первым, ввиду непривычности знаний, которыми делится автор, требуются несколько предварительных слов.

Не мудрствуя лукаво, мы решили взять их из различных публикаций автора.

«...Первым браком я, действительно, был породнён с главраввинатом, прямыми потомками тех первосвященников, о которых мы узнаем из Евангелия. Настоящий первосвященник (главрав-вин) это не должность, а очередное воплощение определённого типа души и духа. В частности, у этого рода своеобразное представление о том, что нравственно допустимо, а что нет. Например, Пон-тий Пилат настаивал на том, чтобы безвинного Христа отпустили с миром, а первосвященники, напротив, добивались Его мучений и смерти.

Но настоящий первосвященник (главраввин) кроме души и духа принимает по наследству ещё и некоторое тайное знание, естественно, тщательно оберегаемое от посторонних. К примеру/утончённое умение подчинять и манипулировать — и не только своим народом.

Первые мои контакты с этим родом начались с моих 16-ти лет. Я был, естественно, пропорционально возрасту глуп, но всё-таки смог подметить, что мой сверхудачливый тесть принимает решения по логике совершенно иной, чем руководствуются окружающие. Иными словами, если нас из поколения в поколение приучили и приучают мыслить так, что мы постоянно чешем «репу» под аккомпанемент «хотели как лучше, а получилось как всегда», то мой тесть по наследству владел знанием, которое позволяло ему желаемого добиваться. И, видимо, позволит каждому, кто этим скрываемым знанием тоже овладеет. Тесть меня не любил, что к чему не объяснял, сам же я, как уже было сказано, по молодости и глупости за загадочными обмолвками моего тестя нечто цельное разглядеть тогда не смог. Но обмолвки эти запомнил. Потом был с ними со всеми развод. Не сошлись характером. Очень точная судебная формулировка. Затем была длинная череда из многих событий. А затем я начал усиленно размышлять — как говаривали в старину, с пером в руке. Иными словами, начал писать книги. Первая была художественной — женщины, читая, рыдали. Казалось бы, если в каком-то направлении наметился успех, то его надо развивать и дальше. Но вместо этого я один за другим написал и выпустил три громадных фолианта под общим названием «Катарсис» с характерными подзаголовками: *«Психоаналитическая эпопея», «Психоанализ Великой борьбы», «Психоанализ не того убийства».*

А потом в одном издательстве мне, прознав про мой матримониальный опыт, заказали небольшую книгу, которая, по мнению руководства, должна была стать бестселлером из-за одного только придуманного ими заглавия — «Записки зятя главраввина».

Я согласился.

И вдруг в процессе работы неожиданно выяснилось, что я подобрался к разгадке великой тайны! Жестокие обстоятельства и работа над тремя громадными томами «Катарсиса» подготовили меня к постижению того знания, которое из поколения в поколение в роду моего тестя жёстко охранялось и передавалось строго по наследству.

Более того, выяснилось, что на отдельных направлениях я прорвался даже дальше.

Повторяю: *и даже много дальше.*

И как только в голове у меня всё уложилось — жизнь моя резко перевернулась.

Это добытое таким трудом и болью знание я не утаиваю, а с радостью передаю своему народу и *неугодникам* вообще...»

«...Утонченные принципы скрытого управления («дурилка») просты — надо привить управляемому населению фантомные представления о жизни и её закономерностях... Иными словами, цивилизовать. «Хотел как лучше, а получилось как всегда» — удел замороченного (не знающего *теории стаи*) человека.

Но заморочки, опираясь на которые мы мыслим таким образом, что у нас на плечах оказываются захребетники, можно вычислить. Этих заморочек не много и не мало, но, сколько бы их ни было, они сводимы в систему. Познание же системы устраняет необходимость запоминания, и процесс постижения обращает в удовольствие...»

«...Но нынешние «иудо-внутреннические» «мудрецы» в многоуровневой проповеди суверенитизма вовсе не оригинальны.

Античными текстами восхищаются все, кому довелось с ними познакомиться, — значительные глубины угадываются в них отчётливо. Но почти никто не замечает в этих текстах наличие некоего расслоения, а именно двойного дна и запрятанных там сокровищ.

Удивительное дело эти античные тексты! По большей части их составляли выходцы из правящих родов, занимавшие в государстве ключевые _ посты, даже жреческие. Так вот, обладатель критического мышления в них обнаруживает, что тексты в зависимости от их назначения пронизаны двумя противоположными (!) системами мировоззрения.

Комплекс постулатов внушаемых подвластному населению в качестве веры мы уже назвали суверенитизмом (созвучно с идиотизмом, не правда ли? и это не случайно). Ось этой веры та, что человек психоэнергетически с другими людьми (прежде всего с вождём — формальным или неформальным) не связан, суверенен. А другой системой — *теорией стаи* — правители пользовались для управления исполнителями и в общении между собой.

Для подчинения умов исполнителей суверенитизму древние правители использовали скрытые приёмы. К примеру, они сгоняли население в театры (циклопические сооружения на сотни тысяч зрителей) на бесплатные представления — они шли с утра до вечера в течении пятидесяти дней в году. Якобы бескорыстная забота о населении и служение богам. Но всякий сюжет подразумевает угадывание зрителем развязки, а после «занавеса» — умозаключение, то есть логическое обобщение о

принципах устройства жизни. Сюжеты, понятно, строились таким образом, что потребитель «бесплатного сыра» непроизвольно становился адептом суверенитизма.

Суверенитизм преподавали, естественно, и в государственных учебных заведениях — тоже «бесплатно». Смысл так называемых религиозных церемоний был всё тот же — обработка сознания до полной неспособности исполнителя делать верные суждения...

Обработанный суверенитизмом адепт, естественно, переставал ориентироваться не только в общественных, политических и экономических делах, но даже и во «входах и выходах» семейных взаимоотношений — и, как следствие, постоянно оказывался в ситуации «хотел как лучше, а получилось как всегда». Та же участь ожидала и его потомков. И потомков их потомков... Уж театры разрушились, а «зрители» по-прежнему «восседают» на каменных их ступенях...

А вот в общении между собой представители правящих родов, как уже было сказано, придерживались иной системы воззрений — *теории стаи*. Или, во всяком случае, владели существенными её элементами — что и позволяло им успешно управлять прошедшим через мельницу бесплатных представлений¹ населением.

Если в данной части света объявлялся тот или иной философ, которому удавалось восстановить какие-то элементы *теории стаи*, то он при возможности уничтожался (Иисус из Назарета, Сократ и др.). А если ему удавалось достичь некоторой популярности, то вмешательством СМИ смысл его интеллектуальных наработок извращался (Лев Толстой, Михаил Булгаков, Лев Гумилёв, Платон, Иисус из Назарета и др.). *Неугодников* СМИ — монополизированные не только в наше время, но и прежде — топили в толпе псевдопоследователей.

Тот же Лев Толстой, которому удалось прожить дольше остальных, и который не сходил со страниц прессы, был в ужасе от толп так называемых своих «последователей». Число действительно способных понять Толстого невелико — примерно столько, сколько сейчас. О них и не слышно. И общин никаких нет.

Шли века, национальные правящие роды истреблялись — бывало в междоусобицах, но чаще в войнах с иноземными захватчиками или от яда на пирах. К тому же, никто так не подвержен вырождению, как правящие роды... Только у евреек сбор свежей крови (естественно, в виде спермы) возведен в ранг культа.

Естественное следствие исчезновения национальных правящих родов и, соответственно, утраты знания о реальном устройстве власти: население выбирало вождей из себе подобных «театралов» и всей иерархией они систематическим образом перетекали из одного положения «хотели как лучше, а получилось как всегда» в другое — такое же. Что и определило наступление поры многонациональных империй — с реальными властителями-чужеземцами и заседавшим при них совете делегированных от поработанных народов управляемых клоунов...

И какие бы слова о любви к родине и своему народу не произносили эти «избранники народа», как бы искренне ни верили в эти свои слова они сами, они произвольно оказывались врагами своего этноса.

Причем настолько тупыми, до такой степени суверенитистами, что даже не понимали своей предательской функции...»

«...Итак, *теория стаи*, если совсем коротко, заключается в следующем:

Население в своём большинстве (99,9% и более) не обладает достаточной силой критического мышления, чтобы быть личностями. Они представляют собой, если называть вещи своими именами, стадо.

Их вожди в основе своей такие же исполнители. Вожди и стадо составляют стаю.

Два розовых фламинго, самец и самочка, оставшись в одиночестве, так и умрут без потомства — чтобы оказаться способными размножаться, они должны быть поглощены стаей. Способные к критическому мышлению да разумеют.

Но кроме исполнителей-толпарей есть и *неугодники*,

По принципу «подобное к подобному» они в веках оказываются территориально сближены, образуя *метанацию*. Звериная враждебность мировой стаи к *метанации* — это фактор, который историки и политики от сверхвождя приказ замечать не получили, тем не менее, именно этот фактор определяет мировые катаклизмы.

Неугодники — не «розовые фламинго», хотя и могли влачить в прошлом цепь увлечений и браков.

Их истинная судьба — *поло-винка...*»

«Сефирот» — представляет собой сокращённую в 4,5 раза книгу «Катарсис-1. Подноготная любви.

Психоаналитическая эпопея».

В построении «Сефирота» есть некоторая непривычность. Она намеренна. Цель — пробуждение у читателя резервов бессознательного. *Достойный* — одобрит.

До встречи в «Послесловии» Издатели

Глава первая И В ГОРАХ ТОЖЕ!

Женщину — изнасиловать, что, казалось бы, с точки зрения обычного человека, может быть естественнее для бандита?!

Но нет. Здесь, в этой части Средней Азии, бандиты поступали не так. Изнасиловать? Отрезать груди и бросить собакам — вот что здесь предпочитали делать.

С мужчинами, в силу физиологических особенностей, естественно, поступали иначе, но непременно — с вывертами.

Но Ал об этом не задумывался, — а не напрасно ли? — когда ночью на одной из азиатских станций ждал поезд на Самарканд — древнейший во всей Средней Азии город. Тамерлан, жестокий и кровавый завоеватель средневековой Азии, Железный Хромой (его так называли потому, что одна нога у него была железная), как и Наполеон, Пятлер или Сталин, мечтал покорить весь мир и потому заново отстроил уже тогда древний Самарканд под будущую столицу. Город, судя по сохранившимся мечетям, медресе и дворцам, строился так, чтобы ошеломлять своей грандиозностью всякого в него входящего, даже много повидавшего на своём пути путника. Такие циклопические постройки во все века воздвигались на костях погибших от истощения строителей, но Восток жалости, похоже, не знал никогда.

Прежде, всего несколько лет назад, в этих местах было многолюдно от туристов, но сейчас, в смутное время то затухающих, то вновь разгорающихся гражданских войн, когда даже брат убивал брата, обеспечить безопасность приезжего с европейской внешнос-

тью стало невозможно, и теперь человек, по внешнему виду и по поведению в этих краях чужой, — явление не только редчайшее, но, главное, привлекающее к себе пристальное внимание. Ал, той самой европейской внешности человек, сидел в гулком, с высокими потолками, зале ожидания вокзала. Очертания рядов изломанных сидений казались ещё более причудливыми от сумрака: с некоторых пор перегоревшие лампы здесь заменять перестали, а может быть, просто, после того как начали останавливаться заводы, ламп больше купить было негде. Поезд, если расписание здесь ещё что-то значило, должен был отправиться далеко за полночь, оставалось ещё часа два, и поэтому Ал, чтобы скоротать время, достал из рюкзака книгу и, сев в самом освещенном месте, пытался читать. Но гулкая тишина тревожила, и на всякий необычный звук он подымал голову.

Одевались здесь люди неразлично, и, прежде всего, одинаковыми у них были шапочки — чёрные, шитые белым узором тибетейки. Поэтому Ал сразу же обратил внимание на человека с костистым лицом, на котором тибетейка была тёмно-зелёная, бархатная и без шитья. Да и одежда у него была более облегающая, чем у других обитателей ночного вокзала.

«Горец», — почему-то решил Ал. Так впоследствии и оказалось: да, с Кавказа, из тех, кого сюда, в Азию, депортировал Сталин. Ал опустил глаза и вновь попытался сосредоточиться на книге.

Лулкие шаги человека в тёмно-зелёной тибетейке то приближались, то удалялись, потом приблизились вновь — и неожиданно стихли. Ал поднял голову и увидел надвинувшееся на него костистое лицо, лишённое, казалось, не только глаз, но и самой жизни. Ал непроизвольно подобрался так, как его учили на тренировках по каратэ.

— Вы, случайно, спортом не занимались? — на неожиданно чистом русском языке спросил незнакомец, по-прежнему взглядом не встречаясь с Алом.

— Занимался, — кивнул Ал и медленно уложил книгу в клапан рюкзака, чтобы полностью освободить руки, единственное, как ему в тот момент казалось, его оружие. — Да, занимался.

— Каким? — незнакомец как будто высматривал что-то за его спиной. Алу очень хотелось обернуться, но он сдержался: этот приём он знал.

— Борьбой, — и Ал характерным для борцов движением повёл плечамл. — Потом немножко каратэ. Но бросил: после борьбы каратэ скучновато. А вот борьба — совсем другое дело.

— Заметно, — с хлёсткой, как удар, ноткой уважительной лести в голосе сказал незнакомец. — С первого взгляда.

По костистому мертвенно-неподвижному лицу незнакомца неувовимо скользнуло некое подобие улыбки: он не столько увидел, сколько почувствовал, что Ал удар лести не заблокировал, пропустил — расслабился.

— Почему? — спросил Ал, улыбнувшись: всякий раз ему было приятно слышать восхищённую оценку ширины своих борцовских плеч.

— Плечи. Да — плечи. И вообще... Вы ещё, верно, и офицер?

— Запаса. А вы?

Ал присматривался к незнакомцу, стараясь угадать, чем тот занимается. Он был ровесник Ала, лет ему, наверное, было около тридцати пяти, может, несколько меньше.

— Прапорщик, — сказал человек с костистым лицом.

— Сверхсрочник?

— Да. Войска особого назначения. И куда нас только не десантировали! Были и такие места, о которых газетчики до сих пор ещё не вынюхали.

— Теперь мне понятно, почему вы так чисто говорите по-русски. Армия. Очень интересно, — надеясь услышать больше, ободрил незнакомца Ал.

Действительно, всякий человек — это интересно. Кроме того, тот, кто рассказывает о себе, начинает видеть в собеседнике *человека*, нечто отличающееся от вещи, которую можно по своему произволу только употреблять, начинает видеть нечто значимое, а потому рассказывающий менее опасен. Ал слушал про подвиги человека с костистым лицом, но — странное дело! — доверчивее становился сам — и напрасно. Хотя, как могло быть иначе: негде ему было прежде изучить азиатскую душу.

— Но всё это в прошлом, — криво усмехнулся собеседник, и Алу на мгновение открылись чёрные провалы зрачков незнакомца.

— А теперь чем занимаетесь? После того, как уволились из армии?

— Я? — лицо незнакомца стало и вовсе недвижимым, и он, очевидно, желая сменить тему, представился: — Джамшед.

— Очень приятно. Ал.

— Откуда?

— Из Москвы.

— Ого! Так издалека? Какие-нибудь дела? В наше время гость оттуда — большая редкость. Люди сейчас боятся, всего боятся, значит, только дела — и серьёзные — могут... — Джамшед, не договорив, многозначительно замолчал.

— Да нет, никаких дел. Всё проще. Как раз именно потому, что — редкость, я и приехал. Тут у вас, судя по газетам, творится такое, что не сегодня-завтра границы перекроют — и навсегда, и со Средней Азией уже не познакомишься. А мне в ваших местах бывать не приходилось. Вот и решил приехать. Посмотреть. А что касается до дел, то я... Я — писатель, и...

Джамшед непроизвольно поднял руку, как бы останавливая Ала: он явно не поверил. Дескать, не надо сочинять — правила игры я знаю...

Некоторое время Джамшед молчал, опять как будто что-то высматривая за спиной Ала. Наконец, лицо его исказила ехидная усмешка.

— Значит, любите путешествовать? Ал пожал плечами.

Когда писатель (а так ли уж важно, что до публикации первой книги Ала тогда оставалось ещё шестнадцать месяцев?) переезжает с места на место, он развлекается или что делает? Как объяснить далёкому от творчества человеку, что если хотя бы раз впасть в соблазн и не последовать внутреннему движению души, пусть порой странному, то душа черствеет, и ничего строящего на бумаге уже не получается? Путешествуя, в какой из плоскостей реальности находится писатель? И когда он поймёт, зачем так поступил? И чем обогатился? Но Ал всего этого объяснять не стал даже и пытаться, а начал рассказывать, что иной раз просто полезно поменять место работы, поменять окружение, остаться одному, чтобы не было рядом знакомых и, главное, всех тех, кто почему-то возомнил себя в его жизни советчиком... И вообще, смутные времена — благословение в смысле неожиданных ситуаций. И, соответственно, прозрений... Что, собственно, единственно интересно. Действительно, что в этой жизни может быть интересней, *чем прозрение?.. Да, Джамшед, в этих местах нет никого... Нет, жены нет... Почему?.. (Почему? Ну не рассказывать же ему, едрёна корень, что одна жена предала и развелась, вторая, на удивление, поступила так же, хотя повода для развода он ни малейшего не подавал. И чего им, бабам, только не хватает?) Почему? Наверное, невеста моя ещё не родилась... Нет, здесь нет не только родственников, но и знакомых... Опасно?.. Я не боюсь... Почему? Так... Нет, не секрет... Серьёзно, не боюсь — и всё!..

— А вообще-то, — закончил Ал, — ищу такое место для работы, чтобы было тихо, чтобы никто не мешал,

над головой не топали. Я уже жил так ^— в здешних горах. Но теперь решил сменить место. Сколько жил? Месяц. Один жил. В брошенном лесничестве. Дом — две комнаты. Даже стёкла в окнах сохранились. В получасе ходьбы медведь жил... В пещере. Нормально... Теперь вот потянуло ещё куда-нибудь... Какое-нибудь тихое место...

— Есть такое место! — на костистом лице профессионального убийцы появилось выражение, которое он бы хотел, чтобы воспринимали как улыбку. — Такое место есть.

— Правда? — восторженно улыбнулся Ал. — Ще?

— Тоже в горах. Я как раз туда. Хотите вместе поедем?

— Едем, — взялся за лямки рюкзака Ал. Селение, по-местному — кишлак, действительно, было в горах, причём, как впоследствии выяснилось, всего в нескольких километрах от границы с соседней республикой, в которой взаимная резня между коммунистами и националистами достигла такого ожесточения, что поражала даже истомлённое воображение газетчиков. Вырезали целые семьи, детей в том числе, только за то, что человек был не свой, пусть даже ни во что не вмешивающимся обывателем.

В горах граница прозрачна, для всякого рода банд — в особенности. Ал про это свойство гор знал и, возможно, никогда бы не согласился поехать к границе так близко, если бы знал, куда его везли... Если бы знал.

Но почему он, казалось бы, опытный и неглупый человек, так легко доверился?..

Из окна машины Ал смотрел на приближающиеся, всё выше вздымающиеся горы и время от времени поглядывал на шофёра, пытаясь понять, почему тот так дорого с них запросил. И почему Джамшед даже не стал торговаться? Почему водитель не хотел ехать в эту сторону?

— Настанет лето — всё выгорит, — обернулся к Алу Джамшед.

— Жаль...

— А сейчас — веена. Красиво.

Трава на склонах была того особенно приятного цвета, который бывает только в горах и притом только ранней весной, когда множество красных маков в предгорьях уже отцвели, а в горах целые поля их издали кажутся красивыми, как бы в дымке, красноватыми пятнами.

— Жаль — не жаль, — сказал Джамшед, — а сгорит. В этой жизни всем рано или поздно приходится сгорать...

Есть люди, правильней сказать, индивиды, рядом с которыми другие начинают чахнуть, обезволиваться, трава и та, кажется, начинает вянуть. Они, эти индивиды, о насилии, смерти, трупах не просто говорят — разлагающейся плотью они галлюцинируют. Бессознательно. Это их глубинное стремление к смерти как зараза передаётся другим, причём скрыто, как сейчас порой говорят, психоэнергетически. Среди прочего, эта их способность влиять на окружающих проявляется в том, что у оказавшихся рядом отключается критическое мышление, отключается настолько, что жертвы даже не замечают, что уже попали под чужое влияние. Эти убийцы всего живого порой таковыми себя не осознают, потому что *это* в их подсознании. Они искренне удивляются своему «успеху» и тому, что люди выполняют их желания, часто даже невысказанные. Этих властителей умов можно распознать по всему: по манере держаться и интонациям речи, по выбираемым словам, по мечтам и желаниям, роду занятий, но, прежде всего, по доверчивому поведению оказавшихся с ними рядом. Их, этих индивидов, в разных системах знаний называют по-разному: подавляющими индивидами, антисоциальными личностями, некрофилами. Последнее слово греческое: *некрос* — мёртвый, *фи-*

leo — любить. Поскольку этот термин уже «занят» другими исследователями, то к более полному определению его содержания мы позднее ещё вернёмся.

— Выгорит. Живого не останется ничего. Всё будет серое и коричневое, как те камни... Мёртвое и серое... И только ночью из-под кустов миндаля будут выползать кобры... Поохотиться. Видите, как много кустов? И под каждым — нора. В этих местах очень много кобр. Вам надо об этом написать.

— В тех горах, откуда я сейчас, — сказал Ал, — кобр не было. Были гюрзы. И гремучие змеи. Но гремучек было мало. Ближайшая жила от меня далеко — шагах в тридцати. Да и то — через ручей.

— Сай гремучке не помеха, — одними губами сказал Джамшед.

Кишлак, к которому они подъехали, теснился в небольшой долине между горами, а нужный дом стоял с краю, от сая (горной речки) метрах в двадцати.

Джамшеда ждали, и неприметного вида хозяин дома оказал ему всё возможное на Востоке почтение. Напряжённая, как после удара, красивая хозяйка лет тридцати быстро расстелила на полу дастархан и, поставив посередине блюдо с пловом, стала раскладывать вокруг него лепёшки. Один за другим стали появляться мужчины, которые после ритуала приветствия молча садились на ковры вокруг расстеленного дас-тархана. Чем больше собиралось этих внешне неразличимых людей, тем больше происходящее начинало Алу не нравиться. В особенности не нравилось ему их раболепное отношение к хозяину дома.

Перед тем как все опустили руки в общее блюдо с пловом, Джамшед прочёл на арабском суру из Корана. «Бис милла», — эхомютозвались все и начали есть. Молча, запивая плов водкой. После еды один из неразличимых, заливаясь идиотическим, болезненным смешком, достал пластину прессованной сушёной травы ядовито-зелёного цвета.

— А теперь покурим, — усмехнувшись, посмотрел на Ала Джамшед. Он раскрошил кусок поданной ему пластины, достал две сигареты, вытряхнул из них табак и стал набивать оставшиеся трубочки папиросной бумаги ядовито-зелёным крошевом.

Ал не понял, удивился, но вида не подал.

— Табачок, — усмехнулся Джамшед. — Хороший. Тот, что Сталин любил. «Герцеговина Флор», — и подмигнул.

Тот, с идиотическим смешком (учитель местной школы, как его чуть позднее очень и очень почтительно представили Алу), захихикал. Тень скользнула по лицам и остальных. По-русски здесь явно понимали все.

Все, кроме Ала и главаря (хозяина дома), как по команде, тоже стали готовить себе «сигареты».

— Я не курю, — твердо отказался Ал. — И не надо упрашивать — бесполезно. Да это и не «Герцеговина Флор».

Когда задымила первая «сигарета», Ал пересел поближе к приоткрытому окну. И даже, делая вдох, наклонялся к проёму. На такого рода сборище он оказался впервые, поэтому, даже не пытаясь скрыть своё всё возрастающее удивление, он между вдохами всё время оборачивался на меняющихся на глазах людей. Они становились хуже чем пьяные — как будто расползались бесформенными кучами, превращаясь в нелюдей, в совершенное ничто. И это им, похоже, нравилось.

Дымки от сигарет тянулись вверх и, закручиваясь под потолком гаденькими жгутиками, втягивались в верхнюю часть раскрытой створки окна. Навстречу в нижнюю часть тянуло свежим воздухом, которым и пытался дышать Ал. Но, несмотря на эту предосторожность, ему вдруг стало казаться, что ковров в комнате стало как будто больше и что они как будто стали ярче,

а потом даже и воздух в комнате стал закручиваться. Всё нехорошо и опасно поплыло... То ли снаружи дома, то ли внутри кто-то визжал... Какие-то непонятные голоса то врывались, то вырывались из сознания. А рядом в ухо гнусаво бубнили, путая падежи и вместо «она» всё время говоря «он» про какую-то «чёрненькую», которой много, сколько хочешь, и что сбыть можно замечательно и очень выгодно... Да, бубнил голос, всё надёжно, всё куплено, сбои в цепочке невозможны, а госбезопасность — а госбезопасность и в спокойные-то времена в эти места не рисковала сунуться, а сейчас тем более... Да и товар сейчас уже не как прежде на теле, в мешочках да тайком, а отправляют в любые концы фурами, под овощами, а там сотни килограммов — выгодно!.. Так что он, Ал, не ошибся, значит, судьба: попал в самое то место, самое ему нужное. Ищущий находит. И хорошо, что сам не курит, — их главный тоже нет, — птицу видно по полёту, а потому и связь, которую он ищет, будет особенно крепкой и выгодной. Связь... Хорошо-о-о... О?.. О-о-о-о...

— Брось прикидываться, — отчётливо услышал Ал. — Я тебя сразу раскусил. Ещё на вокзале. Да ты такой же, как я!..

«Что? — сквозь полузабытьё вяло выстраивалась мысль Ала. — Кажется, он меня на вокзале за кого-то другого принял. За «гонца»?.. Или рангом повыше? А может, по плечам, за рэкетира не у дел?.. Что же делать? А? Плохо-то как... Пло-охо-о-о-о... О?.. О-о-о-о-о...»

— А хочешь, мы тебе из города бабу — городскую! — привезём? Какую хочешь? Хочешь вашу, русскую? А хочешь — нашу? Из кишлака? Тебе какую нужно? Чтобы что делала?.. Или тебе, такому мощному, одной мало? Ты скажи — мы сделаем! Мы всё можем!

— Наши, точно, лучше, — вплыл в сознание другой голос. — Русские говорят, что наши грязные, потому что не моются. Не так. Наоборот. Это русские грязные, поэтому им приходится всё время мыться. А нам не

надо; И наши — лучше. Это чувствовать надо. Чувствовать! Как запах. Попробуй нашу! Хочешь?! В это время за окном раздался истошный вопль, напоминающий не то предсмертный крик, не то истерические взвизгивания бездарной актриски, взявшейся изображать страстную близость.

— А!.. И-а!.. Иа!.. а!., а!., а! — была весна, и это был ишак.

— Можно и такую, — голос был совершенно серьёзен, — и так будет орать, и как хочешь будет орать. Что скажем, то и будет делать.

Ал, наверное, отказывался, но что говорил, он сам не понимал или не слышал. Потом, как-то вдруг, из ниоткуда, надвинулся глаз человека с костистым лицом:

— Рустам-ака, — сказал он, видимо, указывая на главаря, — всё может. Рустам-ака — это всё. Или ты ещё не понял?

Но Ал уже понял всё. И если что ещё оставалось непонятным, так это то, каким образом отсюда ему удастся выбраться. Живым. Он один, а этих — вон сколько. Но самое опасное — совсем трезвый, полностью себя контролирующий, главарь...

Голова у Ала вдруг разом прояснилась, и сквозь плывущий и как бы мерцающий воздух он будто заглянул в душу человека с костистым лицом, будто проник в него — и понял, почему тот так старательно прятал глаза свои от Ала: расплываясь по душе смерть пыталась остаться незаметной. Смерть всегда пытается остаться незаметной, в особенности для тех, кто хотел бы понять что-то есть что в этой жизни. Впрочем, незаметной лишь до времени...

Неожиданно Джамшед откинулся назад, на спину, глаза его обесмыслились и нос заострился, как у трупа.

— Не выключай свет, Ал! — одними бескровными губами просипел он. — Не выключай свет! Не выключай, я тебя умоляю!!

— Почему?

— Боюсь! Боюсь! Страшно мне!.. Видишь на потолке яйца? Это змей их отложил. Змей! Страшно! Боюсь! Мамочка, как страшно! О-о-о!.. Видишь яйца?

Ал посмотрел на потолок, а потом в обесмыслившиеся глаза Джамшеда. Змей был. Но в нём, в Джамшеде.

— Нет на потолке ничего.

— Боюсь! Страшно! Приползёт за своими яйцами, вдруг на меня упадёт? И — за горло! Боюсь! Ведь у змея — яйца... — задыхаясь от ужаса, катался по полу и хрипел Джамшед.

— А что это наш гость ни в чём нас не поддерживает?— раздалось знакомое идиотическое подхихикивание учителя. — Не выпьет, не покурит с нами, ни чего другого... Русский — и не пьёт? Как это может быть, чтобы русский... ? — И опять идиотически захихикал и, казалось, смех его, придавливая, наваливался даже из его раскосых глаз...

Появились ещё лица и ещё...

— А в самом деле, почему? Выпей! Выпей! Покури, русский!

«Началось...» — вздохнул Ал. А вздохнул потому, что не рассказывать же им, обкуренным, про то, что для него, наоборот, чем меньше в жизни неестественно-стей, тем больше полнота радости жизни. Но не ответить вовсе было невозможно:

— Мне нельзя: лечить не смогу.

— ТУ — врач? Врач чего? Лечишь чего?

— Психотерапевт. Людей лечу. Семьдесят процентов болезней — от психики. Вместо того чтобы, скажем, операцию сделать, — достаточно с человеком поговорить. Это и есть — психотерапевт.

— Психотерапевт?.. А где на таких учат?

— В университетах. Но не во всех. В вашем республиканском, скорее всего, — нет. А в московском — да. Или — в медицинском. А потом два года ординату-

ры, — неизвестное для кишлачных слово «ординатура» должно было подействовать завораживающе.

— А ты где учился?

— В университете, — подчёркнуто ровным голосом, чтобы бандиты не догадались об обмане, сказал Ал. Обман же состоял в том, что ни в каком специальном учебном заведении психологии и психотерапии Ал не учился. Высшее образование у него было, но другое, техническое. Разумеется, волею судьбы став писателем, он прочёл труды и Фрейда, и Юнга, и Фромма, и Адлера, и Берна, и Бехтерева, и Хаббарда, и Карен Хорни, и Ганнушкина — всех и не перечислишь. Словом, всех в глазах публики авторитетных, но друг с другом не согласных и не согласующихся психологов и психотерапевтов. А потому теория — часто лишь теория, к практике она может не иметь никакого отношения. Практическая же психотерапевтическая подготовка у Ала к тому времени ограничивалась двумя-тре-мя часами беседы с практикующим психотерапевтом, который и разъяснил Алу основы поразительного метода, который как прекрасный цветок иногда распускался в каждом народе и в каждую эпоху, хотя и под разными названиями. Скажем, свою версию этого метода Стивен Хеллер в своей книге «Монстры и волшебные палочки» называет «перестройкой бессознательного». Живший задолго до Стивена Хеллера Лев Толстой, описывая этот метод в своей гениальной «Смерти Ивана Ильича», и вовсе никак его не называет, что наводит на некоторые размышления. Но, повторяем, названий этому до странности мало распространённому среди населения методу существует, очевидно, множество. Пара часов пояснений, пусть даже к гениально простому методу, — это, согласитесь, немного, и поэтому игра Ала с бандитами может показаться чрезмерно рискованной, неоправданно опасной. Действительно, представьте себе, что бы эти люди, вернее нелюди, сделали бы с Алом, окажись он несостоятельным как вра-

чеватель? Что бы они сделали с человеком, который случайно оказался в горах, где за него некому заступиться? Представили? Ну так тем более интересен метод, овладев которым всего за пару часов, человек не робеет даже в незнакомых горах, среди банды выродков, делающих деньги на чужой смерти.

— Столичный университет — самое лучшее в этом смысле учебное заведение, — продолжал импровизировать Ал, — его я и закончил. Так что, если владеть правильными методами, можно вылечить, по меньшей мере, девяносто процентов заболеваний. В особенности, у женщин.

— Женщин? — оживился главарь.

Распознав в голосе главаря особую нотку, все лежавшие и сидевшие на полу немедленно притихли. Только один лежавший навзничь остановиться не мог и что-то тихо бубнил.

— Женщин?.. Значит, лечишь женщин!.. «Жена! — вдруг вспомнил Ал. — Сжавшаяся, как будто под ударом... И потому в постели у них, явно, трудности...»

Действительно, жена у главаря была конституционально чувствительна к психознергетическим травмам, которых в таком окружении она, очевидно, получила множество. Но её же можно вылечить! Прямо сейчас! Это же возможность вывернуться, и какая возможность!!

— Да, лечу. Вот у вас — жена. В ней есть что подлечить. Кое-что.

— Кое-что? О... Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил главарь. — Знаешь... Но откуда? Ал пожал плечами.

— Так вот, чтобы иметь возможность помогать таким, как она, мне надо быть внутренне неосквернённым. Никакой водки и никаких наркотиков. Так что я ничего ни пить, ни курить не буду. Ничего — чтобы и её здоровье было беспорочным. Кстати, даже если я все-

го 15 минут с ней позанимаюсь, вы сразу же почувствуете, что она... э-э-э... изменилась. Но мне нужно, чтобы в комнате никого не было. Будут мешать.

— Они сейчас выйдут, — медленно, отчётливо проговаривая слова, произнёс главарь, и коротко приказал на непонятном Алу языке.

Комната немедленно опустела. Последним вышел сам главарь.

— Надо раздеваться? — войдя, тихо спросила жена главаря и, легко дотронувшись до верхней пуговицы красивого халата, расстегнула её.

Бархатно нежный голос, быстрый женственный взгляд тёмных карих глаз, такой, по которому одному уже можно было догадаться о её природной, но до сих пор подавляемой страстности, маняще нежные ресницы, скромно опущенная голова и великолепная фигура, мягкая, струящаяся в плавных переходах, но в руках такого мужа податливая явно не столько от движения внутреннего огня, сколько от особенностей обращения с ней, — вот какой женщиной безуспешно пытался овладеть главарь! Такая наверняка заставила бы сжаться не одно христианское сердце.

Если бы, конечно, глазам счастливица судьба даровала возможность хоть раз её увидеть. А грудь! Самое главное — это была роскошная грудь, и верхняя пуговица халата уже была расстегнута.

— Надо раздеваться? — вновь, покорно опустив манящие ресницы, спросила она и дотронулась до следующей на груди пуговицы. Бархатно-карие глаза искали согласного взгляда Ала.

— Не надо, — сглотнув комок в горле, сказал Ал. — Ложитесь так.

Женщина, не застегнувшись, послушно скользнула на постель и, приоткрыв губы, посмотрела на Ала.

— Так. Гйаза закройте... Хорошо. Расслабьтесь... Чтобы нигде в теле не было напряжения... Так... У вас ноги напряжены. Расслабьте их, не напрягайте.

Женщина послушно чуть раздвинула ноги.

— Так... Руки... Осмотрите — внутренним взором

— их внимательно... Хорошо... Теперь лицо... Нет ли где зажимов... Так. А теперь скажите: откуда вы так хорошо знаете русский?

— А он меня сюда из города взял. А пока у отца жила — училась. Техникум закончила. Русский.

— Понятно. Хорошо... У каждого человека его проблемы в подсознании отображаются в виде геометрических форм, то есть виден некий предмет. Сейчас вы свои проблемы и увидите. Итак, что вас беспокоит больше всего? В виде чего это? И где?

Жена главаря чуть нахмурилась, как будто всматриваясь:

— Цилиндры, — сказала она, — чёрные цилиндры.

— В какой части тела?

— На шее. И как бы чуть вверх на затылок, сзади,

— и атаманша показала на затылок.

— Так. А из чего сделаны эти цилиндры? Меня интересует только ваше ощущение. Вы меня понимаете? Только ощущение.

— Железные, — сказала атаманша.

— А что они от вас хотят — эти чёрные цилиндры?

— Что хотят?.. Наверное, лишают сил... И голова начинает болеть. Вы знаете, у меня очень часто болит голова... Всё время...

— А эти чёрные цилиндры влияют на ваши взаимоотношения с мужем?

— Влияют... Влияют, да ещё как!

— В худшую сторону? Жена главаря вздохнула.

— А давно существуют ваши цилиндры? Именно цилиндры? Ваше ощущение? Первая цифра, которая приходит в голову.

— Девять лет.

— А кто — по ощущению — «сделал» вам эти цилиндры? Мужчина или женщина?

- Мужчина.
- Вы знаете кто?
- Знаю. Муж.
- А помните ситуацию, в которой они появились?
- Помню. Он тогда бензопровод в руке держал. От автомобиля. И меня — бензопроводом...
- Так... И с того момента и появились эти чёрные цилиндры? Которые так влияют на ваши с мужем взаимоотношения?
- Да.
- А он вас часто бьёт?
- Нет. Тот случай был единственный. Он меня любит. Прощение потом просил. Подарки дарил.
- Ощущение: от его просьб простить цилиндры уменьшились?
- Нет.
- Так. Ощущение: нужны вам эти цилиндры?
- Нет. У меня от них постоянно голова болит.
- А когда особенно?
- Когда он приближается. Даже с лаской. И я сразу ничего не хочу. И он не может получить от меня чего хотел бы...
- «Та-а-ак... — подумал Ал, — не всё, оказывается, может Рустам-ака...»
- Так. Теперь давайте рассмотрим эти цилиндры повнимательней. Сколько их?
- Много. Сосчитать трудно. Снаружи головы, но некоторые проникают и внутрь.
- Так. Дальше.
- Одни толстые, — атаманша, не открывая глаз, показала какие, — другие совсем тоненькие. Но зато они длиннее.
- Так. Как вы будете от них избавляться? Выкинуть их? Или что?
- Не знаю.
- Знаете. Рассматривайте их внимательно, наблюдайте, как они исчезают.

Жена главаря некоторое время молчала. Потом с сожалением вздохнула.

— Нет, не исчезают. Остаются на месте.

— Так... Вы как сами скажете, ваш муж достоин прощения? За этот удар?

— Прощения? Я его простила.

Ал понимал: чтобы доказать ей обратное, понадобится много времени. Простить-то она мужа в определённом (логическом) смысле простила — иначе, согласитесь, уж совсем нестерпимо с мужчиной ложиться в постель. Но, если бы она его действительно *простила*, то искажающих её естество цилиндров не было бы. С женщиной Ал, по обыкновению, спорить не стал, а просто продолжил:

— Вы сказали, он вас любит... Опять-таки — не бьёт.

— Не бьёт. — Атаманша вздохнула.

— Врача до вас допустил. Уже за одно это он достоин прощения.

— Да, достоин, — опять вздохнула атаманша. — А вы знаете, цилиндры посветлели!

— Очень хорошо. Продолжайте наблюдать, как они исчезают.

— Всё, — чуть помедлив, сказала атаманша. И высокая её грудь колыхнулась от вздоха облегчения. — Исчезли.

— Прекрасно, — сказал Ал. — Что и должно было произойти. Какое ощущение в теле? Что изменилось в лучшую сторону?

— Легко стало. И свободно. Как будто даже легче стало дышать. И тепло. Тепло по всему телу. Особенно в ногах.

Ал посмотрел на её ноги, а потом не удержался — и на всё её томное и как будто приглашающее тело. Две верхние пуговмцы на халате по-прежнему были расстёгнуты. Рядом никого не было.

— А отношение к мужу — ощущение — изменится?

-Да.

— А улыбаться вам хочется?

— Нет.

— Вспомните что-нибудь приятное. Вам где-нибудь когда-нибудь было *очень* хорошо?

— Да, — улыбнулась лежащая женщина. — В доме у отца.

— Всё. Открывайте глаза.

Жена главаря открыла глаза, медленно встала, ещё, видимо, не совсем веря, что с ней произошли какие-то изменения.

— Всё, — сказал Ал. — На сегодня всё.

Женщина вышла. Ал ждал, что произойдёт дальше. Было тихо. Прошло, наверное, с полчаса.

Наконец, в проёме двери появился главарь.

— *Вели-икий таби-иб!!* — восхищённо сказал он. Лицо его лоснилось от удовольствия.

— Пустяки, — скромно сказал Ал. Сдержался, не добавил, что это всего лишь первое начальное упражнение психокатарсиса. Ну да для обрезанного и это праздник.

— Я сейчас тебе ещё одну женщину приведу, — с поклоном сказал главарь.

Другая женщина оказалась женой Джамшеда, человека с костистым лицом. В каком родстве она была к главарю, Ал так до конца и не понял — что-то вроде невестки.

— *Ненавижу русских!..* — войдя, раздельно сказала она настолько прочувствованным тоном, что от него содрогнулся бы даже приговорённый к смерти. И опять, когда Ал предложил ей лечь, и спросил, что её беспокоит, она повторила: — *Ненавижу русских!..*

— Сколько вам лет? — спросил Ал.

— Двадцать девять...

Постепенно она разговорилась. Оказалось, что отец у неё, как и муж, чеченец — мусульманин, алкоголик и наркоман, а мать — русская, которая мужа свое-

го ни в грош не ставила и могла, к примеру, совершенно неожиданно уехать на несколько месяцев к себе, в Рязанскую, кажется, губернию, уехать без разрешения мужа, что по местным понятиям было чем-то совершенно невыносимым.

— Мне всегда было отца жалко, — говорила невестка. — Сколько себя помню, я всегда хотела быть отцу женой...

— Женой?

— Да. А почему нет?

— А мать, получается, мешала? Занимала место, по праву принадлежащее не ей, а вам?

-Да.

— А вы внешне похожи на мать?

— Не-е-ет! — с омерзением содрогнулась невестка. — Хотя, конечно, как можно совсем не быть похожей на мать? Я маленького роста — а она ещё меньше.

— А нос, наверное, у неё острый? — Ал с усилием отвёл взгляд от острого кончика её носа.

(Чтобы она не поняла источника его знаний.)

— Откуда вы знаете?! Да, острый...

— А губы тонкие, в ниточку?

— Поразительно! Вы и это знаете! Откуда?!

— Так. Расслабьтесь. Расслабьтесь-расслабьтесь! Так... Какой вам вспоминается случай, связанный с вашей *главной* проблемой?

Произошло это тринадцать лет назад, когда ей только исполнилось шестнадцать. В тот день надо было идти работать на огород, а мать накануне не только оттолкнула мужа, но и вообще отказалась работать в огороде. И тогда дочка решила доказать, что мамка — сука, доказать не только себе, но и, наконец, отцу, и для этого решила обработать весь огород одна. В результате переутомилась. Надорвалась. И на том ощущении зафиксировалась. И с тех пор у неё вот уже тринадцать лет апатия и плохо сгибается в локте левая рука. В геометрических же образах — на её локтевой

сустав налипла тёмная вязкая жидкость и мешает руке двигаться.

— *Ненавижу русских!*.. — вибрирующим от ненависти голосом закончила она.

Работать с ней было намного труднее, чем с женой главаря. Невестка была напряжена, расслабиться не могла, и жидкость, которая лишала сустав подвижности вот уже тринадцать лет, стекать упорно не желала. Время шло, и уже дважды в дверь заглядывал муж, Джамшед. Во взгляде его не было и тени симпатии к Алу. И хотя Ал сидел в двух метрах от лежавшей на постели женщины и даже подчёркнуто на-неё не смотрел, Джамшеду, похоже, мерещилось нечто невообразимое.

— А ваш отец стал употреблять наркотики до того, как познакомился с вашей матерью, или после?

— Конечно — до. В наших местах до свадьбы все этим занимаются. А когда отец женит, то должны бросить. Отец сказал — и бросают. А мой отец против воли родителей женился — на русской — и бросить не смог.

— А матери нравилось, что отец употреблял наркотики?

— Нет, конечно. Сколько раз она ему говорила бросить, а он — никак.

— А вы как к этому относились?

— Я жалела его. Подходила и гладила.

— А вам нравится, что ваш муж этим походит на отца?

— Нет, конечно! Сколько раз я ему говорила бросить, а он — нет. Может быть, вы можете?

— Посмотрим... А ваш муж меньше употребляет, чем отец?

— Столько же, — презрительно хмыкнула невестка. — Слабый он. Да и вообще, что он может?.. «Попробуй он бросить — она ж его загрызёт», — подумал Ал и спросил:

— А деньги? Зарабатывать?

— Деньги — может. Да что с того?..

— Но ведь очень может быть, — помолчав, продолжал Ал, — что вашему отцу ни с кем так хорошо не было, как с вашей матерью. Ведь выбрал же её он?

— Да, — вздохнула невестка главаря. — Он. — И заплакала.

— Выбирал её, а не вас, и вы не жена его, а — дочка. Что тоже, между прочим, совсем неплохо. У вас могут быть свои интересные взаимоотношения с отцом. Удовлетворяющие.

— Да, — всхлипнула жена человека с костистым мертвенно-неподвижным лицом. — Да...
Удовлетворяющие...

— В таком случае, *вся эта проблема, вы понимаете, надумана!!*

Ал ещё заканчивал фразу, как дверь неожиданно распахнулась и на пороге возник Джемшед.

— Да!! — и жалобно добавил: — Я больше не могу так.

Услышав голос мужа, его жена вскочила с постели, извиняясь, снизу вверх улыбнулась Алу и, твёрдой походкой подойдя к мужу, что-то сказала на своём языке. Тон, очевидно, был тот же, каким её мать-сука разговаривала с её хорошим отцом-наркоманом. У Джемшеда вид и вовсе стал как у нашкодившего школьника. Потом она повернулась к Алу:

— А вы знаете, — ласково сказала она, — а ведь у меня *стекло*. Прямо вниз. По пальцам. Значит, точно — левая теперь будет как правая. — И вышла, с удивлением рассматривая свою обретшую подвижность руку.

— Послушай, научи! — снизу вверх заглядывая в глаза Алу, проговорил Джемшед. — Давно мечтаю научиться исцелять.

— Разве?

— Да. Чувствую в себе такое призвание.

— ТЫ знаешь... Ведь у меня нет времени.

— ТЫ не подумай, что я не учился. Я учился!

— Ше?

2 Сефирот

— В университете.

— На кого?

— На учителя истории. Да только со второго курса ушёл. Тошно мне там стало.

— Не получится, наверное, Джамшед.

— У меня получится! Я знаю. Мне один мулла говорил. Сказал, есть во мне что-то от Аллаха. Ал пожал плечами.

— Да что хочешь тебе сделаю. Деньги, вижу, тебя не интересуют — так я по горам много хожу. Раскопки делаю. Сам! Такие места нахожу! Тебе — всё покажу! Монеты старинные можно выкопать. Черепа! Да что там — целые скелеты! Змей вместе будем ловить. Их будем *убивать*!

— Нет, — твёрдо сказал Ал. — Я тебя учить не буду.

— Почему?

— Слишком агрессивен. Не получится.

— А-а-а!.. Алексей-акя! — приторно улыбаясь, мелкими шажочками вошёл в комнату главарь. — Вам чего-нибудь не хватает? Может быть, вы бы чего-нибудь хотели? — Ал понял, что и невестка тоже успела кое-что рассказать.

Дальше... Дальше Ала усадили во главе стола — на самое почётное место.

Он сидел во главе стола-дастархана, неудобно, по-азиатски, подобрал под себя ноги, и его просили сказать духовное наставление. Вы представляете?! Горы, логово, да ещё в стране, где родственники-мусульмане почитали за величайший нравственный подвиг зарезать своего, если он становился христианином, там, где перед едой, молясь, по-арабски наизусть могли прочесть суру, просили его, русского христианина, сказать духовное наставление!!

Вот уж точно — по Евангелию: *«Будет проповедано по всему лицу земли!»*

Разумеется, уже здесь можно было бы сказать: да, благ психокатарсис! Но это лишь начало приключений.

Потом... Потом Ал, пресытившись приторным восточным гостеприимством, ушёл в горы работать над двумя давно задуманными рассказами. И очень плодотворно провёл там две недели. Но жил он на краю окружённого горами огромного макового поля, не понимая его опасности. Ведь Ал к своим тридцати пяти годам ухитрился не знать, что из маковой соломки изготавливается очень выгодный для торговцев смертью наркотик — опиум. И через две недели там его ночью захватила другая банда, на этот раз пришлых, чужих, которые не знали, что Рустам-ака распорядился во всех окрестных кишлаках, чтобы Алу были *все условия*. Во второй было всё совершенно иначе: Лечить было некого. Они хотели развлечься, да немедленно — поиграть, надругаться. Но и тут помог психокатарсис, впрочем, другой его уровень. Для Ала же это было острое... удовольствие, что ли? — ночная погоня, под ногами невидимые в темноте кобры, неожиданные повороты событий... Но воевать и даже *выживать* — дело не столь уж хитрое, поэтому, минуя эту ступень психокатарсиса, мы сразу переходим к ещё более высокому его уровню. Многие, ох как многие пребывают в заблуждении, что в брачных (интимных) предпочтениях существует лишь *одна*, якобы всеми вожаемая, вершина — взаимопонимание. Но это не так. В действительности, вершин две. Причём многим кажется, что штурмуют они одну, и о том, подбирая слышанные ими когда-то слова и фразы, рассказывают, но на самом деле упорно, не отдавая себе отчёта, карабкаются, срываясь вновь и вновь, на вершину другую, противоположащую. Как у кукол с вывернутыми назад головами, в зрачках их глаз отражается склон первой вершины, и, доверяя глазам, они верят, что они точно там, но в действительности телом они льнут к неровностям совсем другого, ими не замечаемого склона — противоположного.

2*

Казалось бы, что может быть проще: всего лишь надо осмыслить, что в эротических предпочтениях мужчин и женщин вершин не одна, а *две*, и вот оно — переосмысление жизни и её победное освоение. Но так ли уж всё просто?..

Продолжение авантюрного сюжета ещё будет (да какое!), будут и экскурсы в эротические тайны (да ещё какие!), но Прежде, чтобы обогащение души шло *пси-хокатарсически*, необходимо осмыслить несколько терминов. Благодарная, надо сказать, работа ума!

На последних страницах книги есть словарь новых терминов и переосмысленных понятий. Если сомневаетесь в значении употребляемого в тексте слова, то очень полезно в словарь заглянуть. Текст сразу же приобретает дополнительную глубину.

Глава вторая ПОЛОВИНКА

Если *он* бежит по дороге со скоростью 9 км в час, а *она* — со скоростью 4, то его раздражает, что она *словно сонная*, а её раздражает, что он как *всегда* препротивно *мельтешит*. Ничего не изменится, даже если он подхватит её на руки: её будет раздражать его частое дыхание, а его — что она уселась и ноги свесила. В постели то же несоответствие; как следствие, они будут грызться от разочарования, точно так же, как грызутся и все наши соседи, в чём мы можем убедиться, присмотревшись к их жизни.

Постель, кстати говоря, всегда стоит там же, где бегут с разной скоростью: в символе «пути» вообще умещается всё. Да, на этой дороге, к несчастью, слишком уж часто *он* и *она* из любой наугад выбранной супружеской пары — биоритмически друг другу явно не со-

ответствуют, а следовательно, не *половинки*. А если не *половинки*, то чужие, в сущности, друг для друга люди — *партнёры*. Чужие, чуждые, а потому друг друга не понимающие, словно разговаривают на разных языках, — и даже враждебные. Что, скажете, в жизни разве не так? Да и сможете ли вы вспомнить того, кто пытался, а тем более смог дать отчётливое определение, что это такое — *половинки*? Интересная, согласитесь, и важная проблема.

Книга эта о любви, о возможности существования *половинки*, поэтому даже психотерапевтические приключения среди азиатских бандитов суть материал для проникновения на тот уровень сознания, который позволяет решить наиважнейшую из всех существующих практических задач.

Да-да, важность не преувеличена, ибо ещё Шекспир сказал:

«Одна Джульетта важнее всех философий мира!»

Лев Толстой настолько был не согласен, как полагают толстоведы, только с художественным методом Шекспира, что на полях собрания его сочинений оставил множество пометок ругательного характера. Но на фразе о Джульетте Лев Николаевич споткнулся, что-то написал на полях, зачеркнул, вновь написал и вновь зачеркнул, и, наконец, после нескольких таких попыток оставил бессмертное:

«Похоже, случайная удача».

Самому Льву Николаевичу в этом удача не сопутствовала. 48 лет брачной жизни он прожил с *партнёром (партнёршей)* — подобно окружающим его индивидам. Почему ему не повезло?

Почему «не везёт» всем прочим?

Ответить на этот вопрос можно лишь в одном случае, если сравнить узловые события жизни и особенности психики реализовавшихся (!) *половинок* с психикой и духом окружающего их населения. Всё, как говорится, познаётся в сравнении.

На феномен *половинки*, оказывается, можно взглянуть естественнонаучно, то есть построить математическую модель соответствия, что в науке есть высший из аргументов. Да не пугается читатель этих слов — расчёт прост и доступен каждому. Параметров для расчёта несколько и, прежде чем ознакомиться с методикой расчёта, надо осмыслить сущность нескольких из этих параметров.

Соединение с *половинкой*, как мы увидим из дальнейшего, в судьбе некоторых людей удача отнюдь не случайная. Как оказалось, вполне закономерная. А потому, возможно, доступная каждому, кому прискучили *партнёры*. По-настоящему прискучили. Подсознательно.

Этапы общения с *партнёром* описаны в литературе (художественной, научной и т. д.) вдоль и поперёк — знакомство, ухаживание, выяснение, кто кого больше «любит», «счастливый» брак, развод или похороны. А о *половинке* не написано ничего, разве что встречаются некоторые догадки, скажем, у гениального Льва Толстого.

Как узнать *половинку*? *Похожа* она или не *похожа*? Почему, скажем, *она* не стала *половинкой* прежде? Чем она занималась вместо того чтобы идти навстречу самой себе?

Если *половинка* — женщина, то только расспросами не обойтись: *слова* женщины в прямом смысле почти ничего не означают, даже если она, рассказывая о своей жизни, пытается быть предельно искренней. Одному французскому писателю удалось красиво и точно выразить эту особенность женщин. Он сказал приблизительно так:

«Размышляя над речью женщины, можно по её словам выяснить только одно: кем по профессии были её любовники».

Так как же узнать, что реально происходило с ней? Без психокатарсиса это невозможно. Но без психика-

тарсиса, как выясняется, невозможно не только рассмотрение прошлого (а в прошлом каждого человека заключено и его настоящее, и его будущее), но и формирование *половинок*, а следовательно, и история их любви.

Это ещё не знакомство с понятием *ПОЛОВИНКИ*. Это ещё только постановка задачи.

Итак, как мы уже сказали, на пути к *половинке* лежат любые неадекватности сзнания, в частности, — *неврозы*.

Глава третья НЕВРОЗ

— Скажите, разбираться в женщинах — полезно это или нет? — обратился П. к начинающим и, помолчав, сам же и ответил: — Полезно. — И, вздохнув, добавил: — И насланительно!

Есть понятия, обозначающие некоторые жизненные феномены, не понимая которые, невозможно разобратся не только в дамах, но и вообще в закономерностях жизни. «Невроз». Это понятие описывает феномен, царствующий в тайной жизни всякой женщины и, в частности, той, которая вас в настоящее время привлекает.

Работники сыска, желая поймать убийцу, часто устраивают засаду на месте преступления. Об этой практике знают все — от мала до велика, и преступник в том числе. Следовательно, в месте засады, казалось бы, он появляться не должен. В таком случае, почему же засады столь часто приносят успех? Почему сексуальный маньяк закапывает трупы изнасилованных и убитых (а часто и наоборот: сперва убитых, а уж затем изнасилованных) им женщин *в одной и той же* клумбе? Ведь

логическое же мышление подсказывает, что лучше не появляться там, где тебя — а это известно наверняка — ждут.

Но это — логика, сознание, здравый смысл. А у людей есть ещё смысл нездравый, если вообще его можно назвать смыслом. Это — *подсознание*. Или, что то же самое, *бессознательное*. Вернее, некоторая его часть. Итак, *невроз* — это неконтролируемый сознанием возврат в особую, случившуюся прежде, ситуацию.

Люди, а женщины в особенности, раз уж мы осмелились называть вещи своими именами, «преступны», хотя бы в том особом смысле, что вновь и вновь возвращаются в ситуации, которые их некогда потрясли. Вы помните случай с атаманшей: когда к ней подходил её муж-бандит, пусть даже с самыми *нежными* намерениями, она немедленно «проваливалась» в прошлое, когда после удара автомобильным бензопроводом она корчилась от боли. А поскольку главарь подходил к ней регулярно, то жизнь для неё превратилась в непрерывную головную боль. Это, согласитесь, кошмар. Для неё. Но каково же и ему, бандиту, если женщина, которая ему нравится, которую он предпочитает, вместо того чтобы млеть от удовольствия, сжимается от боли? Таким образом, *невроз* — это ещё и боль.

Не все мужчины — дельцы наркобизнеса, но каждый оказывается рядом с женщиной. И женщина на мужчину как-то реагирует. И всякий раз выучившийся логическому мышлению мужчина удивляется: почему столь странным образом? В этом смысле всякий из нас, мужчин, оказывается в шкуре того азиатского неудачника. Почему так происходит? (Мы имеем в виду не сам факт реакции, а именно странные, неадекватные, непонятные её формы.) Отсюда, *невроз* — это ещё и неадекватное поведение.

Человек — как мужчина, так и женщина — устроен таким образом, что некоторые события жизни запо-

минаются не только на уровне логическом, но и на уровне эмоциональном (подсознательном) и здесь отзываются болью. Боль — состояние неестественное, от которого можно освободиться правильным усилием ума, поэтому сознание, стремящееся к своему здоровью и к здоровью тела, всячески напоминает человеку об этой болезни непрерывным на боли сосредоточением. Это очень верное поведение организма, но люди естественное течение дел выучились извращать. В большинстве случаев, а правильной сказать, практически во всех, люди не освобождают себя от неврозов (цилиндры не исчезают, вязкая жидкость с локтевого сустава не стекает, камень из груди не выпадает), а к ним *приспосабливаются*. На практике это проявляется в том, что у атаманши от близости мужа-бандита хоть и начинает болеть голова, но дети рождаются, а его невестка *ненавидит русских*. Иными словами, и жена главаря с её частыми головными болями, и его невестка с плохо действующей левой рукой так бы и пребывали: одна в судорогах боли от удара бензопроводом, а другая — на огороде, так бы они и мучились, если бы в их самодовольном мусульманском мире не появился Психотерапевт и не подсказал естественный способ выхода из невроза. Таким образом, *невроз — это ещё и повод от него освободиться*. Невроз, как мы уже видели и основательней убедимся несколько позднее, приводит к потере сил, или, корректнее, приводит к как бы визуальной наблюдаемой деформации энергетического поля. Следовательно, *невроз — это спровоцированная внешними причинами фиксация искажения энергетического поля человека*. (Мы считаем, что пространство (поле) образов человека мы имеем право называть энергетическим хотя бы уже потому, что всякий, кто видит «предмет», может сказать, сколько процентов энергии он «пережигает».) Сейчас для наших целей несущественна

природа «видимых» образов (кавычки, потому, что эти образы можно наблюдать не только с открытыми, но и с закрытыми глазами); для дальнейшего постижения достаточно, что всякий человек — *всякий*. — может наблюдать это искажение непосредственно, без всякой подготовки. В чём можно убедиться, предложив закрыть глаза вашей соседке.

Сообразительный читатель, верно, уже обратил внимание, что невестка, хоть и ненавидела свою мать (а потому и всех русских), тем не менее была вылитая она и поступала со своим мужем точно так же, как мать — со своим. Кроме того, она в точности повторила брачную судьбу своей матери, которая предпочла наркомана всем прочим. Социологические исследования показывают, что, погибни её муж, она бы вновь вышла замуж только за агрессивного наркомана, пусть из всех претендентов наиболее тупого и сексуально ущербного, но, главное, *агрессивного наркомана*. Точно так же дочка военного делает всё, чтобы выйти замуж за военного, а попова дочка — за попа. Поскольку на словах, на логическом уровне, они до брака декларировали, что ищут себе в мужа человека умного, благородного, честного, доброго, то внешне поведение данных женщин напоминает невротическое. Так оно и есть, только это не невроз ситуации, а невроз характера. Но в научной и иной литературе психологическое основание подобного рода поведения носит название не невроза, а *комплекса*. С точки зрения исцеления — а мы сейчас приступим к обучению читателя технологии исцелений — *комплекс от невроза* принципиально не отличается: и то, и другое ведёт к неадекватному поведению, и то, и другое имеет границы, работать же можно с «предметами» любой формы. Мы не осмеливаемся быть дерзкими настолько, чтобы изменять признанную научную терминологию, поэтому под *комплексом* будем понимать тот вывих сознания, который возник

не одновременно, а на протяжении продолжительного времени, скажем, всего детства. Желание дочери выйти замуж за отца и, отсюда, ненависть к матери как к более удачливой сопернице свойственно практически каждой женщине и носит название комплекса Эдипа (или комплекса Электры, см. «Орестею» Софокла и труды Фрейда).

Освобождение от неврозов (иначе — кодировок, психоэнергетических травм), комплексов и т. п. — естественное стремление здорового организма. К тому существуют естественные пути. Однако люди, привыкшие воспринимать мир только как муштру, т. е. как подавление прочих при одних обстоятельствах и подчинение подавлению — при других, выработали приёмы, освобождающие не от причин неврозов, но лишь от внешних проявлений (симптомов). Например, к атаманше приближается её супруг и сладким голосом, *особенно улыбаясь*, говорит: «Пора». У неё немедленно начинает болеть голова, и возникает сильнейшее желание убежать, уползти, закопаться, зарыться, закрыться, забросаться, чтобы он ни в коем случае её не нашёл и до неё не дотронулся. Но она твёрдо помнит слова муллы о том, что Аллах не хочет, чтобы жена сопротивлялась мужу. Она делает над собой усилие... и детей у них уже шесть или семь. Многократное повторение подобных волевых усилий приводит к тому, что женщина муштрой выучивает себя действовать вне зависимости от своей головной боли. И если бы атаманша от рождения не была столь женственно слаба, а была бы более похожа на окружающих нас мужеподобных женщин, то ей бы и в голову не пришло признаться, что у неё с головой что-то не в порядке. Атаманше повезло. Теперь, всякий раз ложась в постель, она, атаманша, возможно, будет вспоминать оказавшегося в их доме христианина.

Если верить Библии, то весь мир погряз в заблуждениях и уродствах мышления. Мышление, вымушт-

рованное на ложное понимание окружающего, подменило мышление истинное, адекватное, данное Богом. Это уродство настолько прогрессировало, что один из естественнейших способов мышления (освобождение от неврозов) большинством людей остаётся невостребованным. Дело дошло до того, что из обыденного языка исчезли даже подходящие слова для описания здорового процесса самоосвобождения. Но истина неистребима, и проявилось это в появлении слов, которые поначалу воспринимались как научные, а теперь уже во всех более или менее культурных слоях населения привычны настолько, что не вызывают ужаса. К примеру, «невроз» или «психотерапия». «Невроз» — мы уже разобрали. *Психо* — это душа, *терапия* — врачевание. Здесь необходимо сделать некоторое отступление. Книга эта предназначается, прежде всего, для юношества, т. е. обращена не к «богатыщимся», которых Козьма Прутков метко окрестил «колбасой — чем бы ни начинили в молодости, то они всю жизнь и носят». Юношество же обилием жизненных ошибок ещё не принуждено их (эти ошибки) отстаивать и даже обожествлять. Потому некоторые молодые духом ещё не отказали себе в праве задумываться. Ту же самую мысль Христос выразил в несколько иных словах: *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»* (Матф. 5:3). Для тех, кто задумывался над страницами Священного Писания, комментарии излишни.

Методы восстановления привычки мыслить естественным способом разнообразны. Разнообразны, среди прочего, и по необходимому для их освоения количеству времени. Психоанализу, например, требуются годы и даже десятилетия не только для того, чтобы разрешить проблемы, сходные с проблемами невестки главаря, но, главное, для обучения. Долго. Мы понимаем нетерпение молодости и её стремление в кратчай-

шие сроки овладеть практическими навыками психотерапии настолько, чтобы, как минимум, не была страшна ни одна из азиатских банд, поэтому, минуя сравнительное рассмотрение различных приёмов восстановления естественного (адекватного) мышления, мы сразу переходим к изучению метода *психокатарсиса*. Катарсис (греч. *καθάρσις*) — очищение.

Чрезвычайно важно осознать, что *психокатарсис* — это, прежде всего, *самокатарсис*.

И если, как мы видели, атаманша и невестка освободились от мешающих им предметов *в присутствии* нашего Психотерапевта, то только потому, что это был их первый на пути психокатарсиса шаг. Какова дальнейшая в этом смысле судьба атаманши и невестки, неизвестно, а вот Возлюбленная (в нашей истории любви она и есть — *половинка*) в тот же (!) вечер после «исповеди» на первом их свидании, вернувшись домой, перед сном *одна* самостоятельно (!) выгатила из своего позвоночника *молоток*. Таким образом, ясно, что психокатарсис — это *самокатарсис*, а обучение ему может занимать в определённых случаях буквально несколько минут. А ведь, согласитесь, заманчиво пусть не за несколько минут, а за несколько часов достичь такого уровня врачевания, что по сравнению с ним уровень многих современных общепризнанных магов, целителей и врачей — совершенное ничто. Заманчиво? Да.

Психокатарсис, как и всё естественное, прост и включает в себя всего четыре этапа:

1. Вхождение в *изменённое состояние* (о том, что это такое, будет рассказано в главе «*Двигаемся дальше*»).
2. Концентрация на деформированном участке *тела памяти* (см. ниже).
3. Вдох облегчения после освобождения энергетического поля от деформации.
4. Выход из изменённого состояния.

Или, выражаясь засушено-специализированным языком:

1. Самодиагностика.
2. Самооценка состояния.
3. Самокоррекция.

Но прежде чем приступить к обучению перечисленным этапам, мы обсудим новое понятие — «тело памяти».

Глава четвёртая ТЕЛО ПАМЯТИ

Физическое тело — это понятно. Его можно ощутить, его можно пощупать, его можно увидеть и даже взвесить. Словом, это *физическая реальность*.

Скажите, а психика человека — реальность? Если человек реален, то его психика — тоже. Отсюда неудивительно, что с первой же попытки и атаманша, и невестка, и Возлюбленная *увидели* в себе соответственно: чёрные цилиндры, нечто тягучее на локтевом суставе и камень в груди. Но самое, быть может, неожиданное для обыденного сознания заключается в том, что тело памяти (другого человека!) может видеть и психотерапевт (с маленькой буквы, т. е. любой человек). Для этого требуется лишь некоторый навык, опыт — и не более того; никаких специальных упражнений не требуется. Таким образом, тело памяти обладает сходными с физическим телом свойствами — его можно видеть и рассматривать.

Тело памяти имеет вес. Спросите любого, видевшего в своём теле памяти какой-либо предмет, сколько тот предмет весит, и вес точно определят. В граммах или килограммах.

Тело памяти можно даже пощупать. От пояснений воздерживаемся, поскольку это приходит с опытом и, что самое главное, — само.

Как и физическое, тело памяти обменивается с пространством энергией — вам безошибочно скажут, сколько сил отнимает камень в груди — например, процентов 50 или 80.

Как вы сможете удостовериться на собственной практике, тело памяти с телом физическим может и не совпадать. Если вы помните, чёрные цилиндры лишь частично были погружены в череп атаманши, большая же их часть находилась вне. Итак, физическое тело отличается от тела памяти лишь большей отчётливостью поверхности раздела с внешней средой.

Итак, тело памяти, будучи реальным, обладает, в смысле внешнего его восприятия, почти теми же свойствами, что и тело физическое.

В последующих главах мы рассмотрим понятие «тело сознания» («тело мировоззрения»), — понятие более широкое, чем «тело памяти». Внешне эти тела похожи и отличаются тем, что образы тела сознания спровоцированы не извне, а возникают в результате только внутренней умственной деятельности самого человека. Это фундаментальное отличие проявляется во множестве следствий. Следствия мы обсудим позднее, после того, как научим читателя уверенно себя чувствовать даже в плену у банды азиатов. Или европейцев.

Представленные понятия могут у некоторых читателей ассоциироваться с восточными моделями строения человека, в частности индуистскими или теософскими; на самом же деле, они не тождественны.

Термин «тело памяти» нами ниоткуда не позаимствован, — хотя сомнительно, что он оригинален. В силу естественности метода психокатарсиса многие люди как бы заново его открывают и, соответственно, пространству образов деформаций давали *своё* название. Поскольку нам неизвестны все эти названия, то мы просто вынуждены дать *своё*.

Как читатель, видимо, заметил, формализованного определения тела памяти мы не дали. Всё как бы предоставляется интуитивному восприятию. Это сделано осознанно. Вы имеете право на интуицию и на рассмотрение самого себя.

Описываемые в этой книге феномены могут быть объяснены также и с точки зрения ставшей в последнее время признанной «право-левополушарной» теории. По этой теории человек обладает двумя системами мышления, каждая из которых связана с одним из двух полушарий мозга. Левое полушарие специализируется на словесных построениях, числах, аналитическом мышлении и линейно-цифровых рассуждениях. Правое полушарие специализируется на про-странственности, визуальной образности, воображении, цветовых ритмах, кинестатических переживаниях и творчестве. К этому выводу можно прийти, изучая людей с пораженным в результате травм или инсульта тем или иным полушарием — одни утрачивают логику, другие — образное мышление. Поскольку полушария относительно независимы, то чисто логически (функция левого полушария) решить проблемы правого невозможно. Или почти невозможно. Отсюда все системы психотерапии (а их более 250) направлены на преодоление проблем, возникших при восприятии жизни именно правым полушарием. Итак, танцевальная ли психотерапия, самопознание ли посредством рисунков, ~одитинг ли по Хаббарду, драматические или какие иные потуги, откровенный ли гипнотический транс в присутствии эстрадного гипнотизёра — все основанные на этих подходах результаты связаны с особенностями функционирования правого полушария. Психокатарсис — не исключение. А в чём преимущество именно психокатарсиса, вы увидите далее.

Глава пятая КАМЕНЬ С ДУШИ

Теперь мы приступаем к изучению второго и третьего этапов техники лечебного психокатарсиса, т. е. обсуждению стадии концентрации на объекте невроза и, в случае необходимости, освобождению от него (первый этап мы рассмотрим чуть ниже). Освобождение внешне проявляется немедленно — часто в виде глубокого вздоха облегчения. «Как будто камень с души свалился», — говорят в народе, и не без основания: чрезвычайно часто в груди («на душе») лежит камень.

Итак, мы в «каморке папы Карло», в комнате, где совершенно нет мебели и только у дальней от двери стены, справа от окна, стоят два табурета, взятых с кухни без спроса у соседки. Окно высокое, но подоконник разве что не на уровне асфальта, и потому оно занавешено чем-то вроде простыни. На полу горят три тонюсенькие церковные свечи, отбрасывающие на стены обаятельные своей причудливостью волны тёплого света, и поэтому комната кажется родной и давно знакомой, как любимая с детства сказка. С сердцем В., как только она увидела П., случилось нечто особенное, нечто иное и большее, чем влюбление с первого взгляда, хотя В. и не отдаёт себе ещё в этом отчёта. Она нежна и вежлива (в наше время редкое среди женщин качество!). Да, она нежна, вежлива и привлекательна — Возлюбленная Психотерапевта. Это их после знакомства первое свидание.

И ещё: обратите, пожалуйста, внимание на то, что реплики Психотерапевта почти всегда построены в форме вопроса. Конечно, чувствуются некоторые интонации, свойственные для допросов, но это осознаваемый П. недостаток, идущий от его сыскного прошлого. Впрочем, не так всё однозначно: не стоит забывать, что перед П. стояла подсознательная задача угадать из

всего многочисленного населения планеты одну — свою *половинку*.

* * *

В.: А *это* не больно?

П.: Нет, конечно. Сама то как чувствуешь — могу я тебя обидеть?

В.: *Ты* — нет.

П.: А откуда такая уверенность?

В.: Так...

П.: Ну и прекрасно. Тогда прислоняйся к стене и закрывай глаза.

В.: Закрyla.

П.: Сейчас мы обратимся к твоим внутренним ощущениям. Как ты скажешь: тебе удобней *это* делать с открытыми глазами или с закрытыми?

В.: С закрытыми.

П.: Обрати внимание на свои ноги. Что надо сделать, чтобы им было удобно?

В.: [*Чуть раздвигает ноги.*]: Всё — хорошо, удобно.

П.: Ийе — на уровне тела — твоя *основная* проблема?

В.: ...В груди.

П.: А она в виде чего?

В.: Она?.. Это... Это — камень.

П.: А сколько он весит, этот камень? Меня интересует внутреннее ощущение.

В.: Тяжёлый.

П.: А всё-таки, сколько?

В.: Килограммов десять.

П.: А какой он? Опиши. Какие у него края?

В.: Неровный. И края острые.

П.: Однородный? Он по составу однородный или есть какие вкрапления? Слоистость? Или ещё что-нибудь?

В.: Однородный.

П.: А он притягивает к себе твою энергию?

В.: Нет.
П.: Он тебе нужен, этот камень? Он — *твой*, или тебе чужд?
В.: Чужд.
П.: Мешает?
В.: Да.
П.: Скажи, а давно у тебя этот камень?
В.: Давно.
П.: Сколько лет?
В.: Десять.
П.: Тебе его кто-то подложил?
В.: Да.
П.: Мужчина или женщина? Ощущение?
В.: Женщина.
П.: То есть это полностью чуждый тебе камень, и ты хочешь от него избавиться, я правильно понял?
В.: Да.
П.: Как от него избавиться?
В.: Выбросить.
П.: Прекрасно. А через какое место ты его выбросишь?
В.: Отсюда. [*Возлюбленная показывает йа ямочку у основания шеи.*]
П.: Прекрасно. Будешь делать?
В.: ...Не получается.
П.: А почему? Что-нибудь мешает? ЭДе-то держит? Посмотри внимательно.
В.: Держит. Сбоку верёвочкой привязан.
П.: А как от неё освободиться?
В.: Перерезать.
П.: Так. Будешь перерезать?
В.: Уже. [*Глубокий вздох облегчения, как будто с души свалился камень килограммов эдак в десять.*]
П.: Камень?
В.: Вышел.
П.: И где он? Ъл его видишь?
В.: Нет. Выбросила в форточку.

{Далее следует процедура освобождения от другой наиболее значимой для Возлюбленной проблемы, возраст которой — пять лет. Предмет оказался в голове, и Возлюбленная избавилась от него опять через ямочку у основания шеи.}

...П.: Какое ощущение в голове? В.: Очень хорошо. Приятно. Вроде как голова посвежела.

П.: А в груди?

В.: Хорошо. Тепло. Спокойно. П.: Будем заканчивать? В.: Да.

П.: Можешь открывать глаза.

* * *

Итак, реплики Психотерапевта почти всегда были сформулированы строго в виде вопросов. Приказов не было совсем. В этом величайший принцип психокатарсиса. Психокатарсис, в сущности, как мы уже сказали, есть *самокатарсис*. «Само» потому, что всякий человек имеет право желать для себя лучшего и иной раз именно так и поступает. Только *он* знает, что для него оптимальней всего: перерезать верёвочку, перегрызть её или пережечь. Только *сам* обременённый ношей знает, через какую часть тела лучше всего избавиться от ненужного. Поэтому позволить человеку *самому* справиться со своими проблемами — это величайшее по отношению к нему благо. В этом психокатарсис. Остаётся только пожалеть, что многочисленные школы психотерапии лишают людей этого естественного и наилучшего пути. Во время психокатарсиса непременно задействовано подсознание, та громада человеческого творческого естества, которая редко отображается в виде слов и понятий в так называемом сознании (логическом мышлении).
Рассмотрение *кам-

ней» и «верёвочек» — это не просто так. Это верстовые столбы на пути овладения собой, возможность поиска и подбора вариантов.

Но общение Психотерапевта посредством вопросов имеет ещё один уровень глубины: таким путём уменьшается возможность *кодирования*. Код — это *словесный* приказ, который зафиксирован ещё и в подсознании (в теле памяти, т. е. от него *невозможно* освободиться путём чисто логического размышления); бессознательно и беззаветно выполняя этот приказ, человек совершает любое число неадекватных поступков. Посторонние объекты тела памяти *не могут* быть подвергнуты критическому анализу общебытовым логическим мышлением. Прежде всего потому, что попадают они в тело памяти, минуя это логическое (критическое) мышление. Подсознание наиболее доступно для кодирования, когда логическое мышление отключено — когда человек без сознания, под наркозом, в состоянии опьянения, под воздействием энергетического поля *подавляющего индивида*. В вводной главе [«*И в горах тоже!*»] мы уже говорили, что подавляющие индивиды способны энергетически отключать критическое мышление вообще (ниже мы рассмотрим это подробнее. — *А. М.*), а в оценке действий самого источника подавления — в особенности, поэтому каждое его (индивида) слово обретает силу кода. Каждый из нас несёт в себе хотя бы «горчичное зерно» греха, что проявляется в поле большей или меньшей подавляющей силы. Отсюда, словесная помощь в психокатарсисе желательна не в виде директивных распоряжений, а в форме вопросов. Это, как полагают, уменьшает возможность кодирования. Уменьшает, но не гарантирует. Если взявшийся «помочь» — яркий подавляющий индивид, то он кодирует одним своим желанием. К счастью для Возлюбленной (а она в силу своей сверхчувствительности распознала это сразу), наш П. практически не подавляет.

И ещё: помните, Психотерапевт спросил Возлюбленную, сколько лет назад появился тот камень? А потом, кто его «удружил» — мужчина или женщина, помните? Для собственно излечения ни эти вопросы, ни ответы на них нужны не были. Для освобождения от деформации энергетического поля и получения вдоха облегчения в них нужды нет. В классически простом варианте психокатарсиса всё решается анонимно, достаточно сконцентрироваться на предмете, в данном случае на камне, а затем подсказать и сознанию, и подсознанию, что оно может, *если хочет*, от этой деформации избавиться. Не отвернуться от проблемы, как поступают утратившие естественное мышление, а решить её. На языке образов тела памяти решение проблемы — это обрезать верёвочку и выбросить камень через ямочку у основания шеи и далее — в форточку. Зачем же в таком случае эти «когда» да «кто»? Всё очень просто: это была слабость Психотерапевта — ему так страстно хотелось побольше узнать (подсмотреть?) о приглянувшейся ему женщине, милой и вежливой. А подсознание — это единственная область женского естества, где о женщине можно узнать нечто достойное здравого размышления. И что же он узнал? Очень много. Во всяком случае достаточно, чтобы это знание породило вдох облегчения у самого Психотерапевта. Но об этом после.

Мы не будем здесь обсуждать, правильно ли он поступил, или нет, но в камерке Психотерапевт хотя бы отчасти сохранил верность основному принципу психокатарсиса (что это, прежде всего, *самокатарсис*), чего нельзя сказать о его поведении с бандитскими жёнами. Там он не выяснял, какая проблема наиболее значима, не спрашивал у подсознания бандитских жён, стоит ли вообще быть милой с бандитом, — он, Ал, просто шёл на результат, на некое подобие чудотворства: оживить плохо действующую руку и прекратить

головные боли. В его общении с бандитскими жёнами, наверное, можно разглядеть и другие несовершенства. Но не торопитесь его осуждать: ещё не известно, как бы поступили *вы*, оказавшись впервые в логове азиатских торговцев смертью.

В дальнейшем будут, как вы сможете убедиться, и некоторые другие отклонения (к примеру, от того же принципа кратчайшего пути). Но что делать? Прежде всего, мы хотим рассказать про эту удивительнейшую историю любви, показать, ничего не приукрашивая, как всё это происходило на самом деле, поэтому сеансы психокатарсиса воспроизведены стенографически точно. Нам кажется, что вы, дорогой читатель, достойны знать правду, достойны возможности поразмышлять и способны отделить пшеницу от плевел.

Глава шестая ДВИГАЕМСЯ ДАЛЬШЕ

Из условных четырёх этапов лечебного психокатарсиса мы рассмотрели второй и третий и теперь, прежде чем обратиться к последнему, четвёртому, вполне логично рассмотреть первый — собственно начало работы.

Читатель, верно, обратил внимание, что во всех приведённых примерах лечебного психокатарсиса освобождающий себя человек работал с закрытыми глазами? Но закрывать глаза вовсе не обязательно. Можно работать и с открытыми. И даже на ходу, когда вы после работы через парк возвращаетесь домой. На деревья наткаться не будете. Это проверено. Объясняется это тем, что человек во время психокатарсиса, в отличие от состояния гипнотического транса, полностью владеет своим критическим мышлением.

Таким образом, психокатарсисом можно заниматься чуть ли не в любом положении — сидя, лёжа, на ходу. Но сидеть всё-таки удобней, чем стоять. Лежать же удобней, чем сидеть, но лежание ассоциируется со сном. И если Ал в доме у главаря укладывал женщин на спину, то это вынужденно: в кишлаках бели сидят, то на полу, скрестив под собою ноги. Возлюбленная, помните, сидела.

В обществе среди прочих суеверий бытует устоявшееся представление, *как* должен происходить сеанс психотерапии. Поскольку нарушение стереотипов требует дополнительных сил и часто приводит клиентов в состояние гипнотического транса (следствие переутомления от размышлений), то ниже мы приведём некоторые советы, как начать сеанс психокатарсиса в рамках, приемлемых для обыденного сознания. Тем более что к предпочтению такой позы — сидеть с закрытыми глазами — есть некоторое основание.

Разум человека принято подразделять на сознание и подсознание. Сознание — это та область разума, движения в которой человек пытается выразить словами. Сознание — это область логического мышления, которое, среди прочего, может достаточно адекватно описать полученное внушение. Но чаще сознание внушения *рационализирует*, т. е. пытается представить невротическую неадекватность поведения как якобы обоснованную некой реальной необходимостью. Рационализации даже часто выдают за логически обоснованную истину. Логическое мышление — это то, что, как утверждают женщины со слезой обиды в голосе, у них есть. Подсознание — всё остальное, что можно отнести к области разума. Подсознание, как мы уже говорили, есть местопребывание невротозов. Невротическая нелогичность подсказывает атаманше при появлении мужа сжаться от боли и прижать руки к вискам. Сознание (а в случае атаманши, возможно, другое внушение)

подсказывает, что на особенно кривую улыбку главаря надо послушно кивнуть. В результате возникает компромисс: дети рождаются, а голова болит.

Подсознательное желание атаманши убежать от мужа подавляется неким другим внушением или усилием рациональной воли, но словесно свой выбор и своё дурное самочувствие она совершенно искренне объясняет причинами, с действительными не имеющими ничего общего. Например, голова болит, потому что плохие: климат, погода, соседи, правительство, времена, и т. п. Эти порождения ума и называются заблуждениями или *рационализациями* (от лат. *га!ю* — ум, расчёт, мера). Логическое мышление в подобных случаях оказывает своему обладателю дурную услугу: вместо того чтобы помочь от внушений освободиться, начинают воздвигаться логические оправдания, к действительности отношения не имеющие.

От заблуждений лучше всего избавляться. Но *только* логическими перепостроениями от них не избавиться, потому что чаще всего в их основании — неврозы, психоэнергетические внушения, местопребывание же последних — сфера не логическая.

Как же вернуться к действительности? Простейший для начинающего способ — прикрыть глаза, чтобы не быть связанным с внешними объектами. Парадоксально? Но это так. Внешние объекты практически все «завязаны» с рационализациями, и их, объектов, присутствие «отбрасывает» разум в область ложных фантазий.

Итак, глаза закрыты. Это состояние специалисты обозначают термином *«транс»*. Это слово вызывает V \ несведущих обывателей судороги ужаса. Если же перевести этот галлицизм на более удобопонятный язык, то это всего лишь *изменённое состояние*. Изменённых состояний возможно множество, но нас интересует лишь то, которое хотя, к несчастью, и непривычно, но в котором человек полностью собой владеет, ясно и

адекватно мыслит, творческие его способности расширены. Мы его назовём *рабочим*. Излишнее напряжение не на пользу. Оно отнимает силы, которым можно было бы найти более достойное применение. Спросите того, кому вы собрались помочь, в наилучшем ли для психокатарсической работы положении его тело. Спросите, *где то*, что мешает ему принять наилучшее положение. Нужно ли ему *это*. Но лучше один раз самостоятельно сделать, чем десять раз прочесть. Начните с простого. Возьмите даму, желательно смешливую (они с большей готовностью расслабляются), усадите в удобное кресло и спросите, *что* и *где*. Бывает, что дама засмущается и не ответит. Не разочаровывайтесь: просто *что* оказалось в пикантном месте, такое случается. Если у вас от юношеской пылкости не задрожит голос, то предложите ей всё-таки ответить. Если задрожал — возьмите другую даму. С *что* в другом месте. Если же дама уверенно заявит, что *ничего не видит* — это серьёзно. Женщины в состоянии простить мужчине всё что угодно, кроме неумения их расслабить. Попробуйте пойти этой женщине навстречу. Или возьмите другую даму.

Глава седьмая СТАДИЯ ЧЕТВЁРТАЯ — И ПОСЛЕДНЯЯ

Четвёртая и последняя стадия психокатарсиса — возвращение из изменённого состояния. Чтобы правильно понимать основополагающие принципы выхода из изменённого состояния, необходимо иметь в виду, что человек, занимающийся психокатарсисом, находится как бы *одновременно* в двух

системах мышления. Во-первых, полноценно функционирует сознание (критическое мышление), человек анализирует происходящее и вне, и внутри себя; во-вторых, он сконцентрирован на внутренних ощущениях, то есть находится в неких областях подсознания. В рамках право-левополушарной концепции это означает, что задействованы оба полушария ^мозга. Это состояние ума мы называем изменённым по той лишь причине, что оно непривычно — хотя и естественно.

Особенность этого состояния заключается в том, что неправильный из него выход в некоторых курьёзных ситуациях может привести к продолжительным (до нескольких дней) отрицательным эмоциям. Например, однажды женщина тридцати шести лет не успела в присутствии нашего Психотерапевта сконцентрироваться на сухом берёзовом полене в левом бедре — довольно, надо сказать, печальном полене, — как началось сильное землетрясение. Землетрясение, имеется в виду, не в её сознании, а в буквальном смысле: в квартире, где они сидели, сдвинулась мебель, а люстра, похоже, решила и вовсе переселиться на пол. Сеанс был, разумеется, прерван — все жильцы срочно выбирались из своих квартир. Продолжить женщина впоследствии отказалась. Почему?

Наиболее вероятное объяснение заключается в том, что её подсознание зафиксировалось на моменте выхода. А он был для неё неприятен. С одной стороны, концентрация на сухом берёзовом полене означала (на эмоциональном уровне) возвращение в некую неприятную, возможно даже болезненную для неё ситуацию. С другой стороны, она испугалась ходящей ходуном мебели. На этом страхе и зафиксировалась. Отсюда, всякое напоминание о возобновлении лечебного психокатарсиса возвращало её в состояние страха при землетрясении и одновременной невротической боли из давно ушедшего в прошлое случая.

Таким образом, очевидно, что безграмотный выход неприемлем даже для начинающего. Нормальный выход из изменённого состояния не должен сопровождаться фиксациями на отрицательном и фиксациями вообще.

При правильно проведённом выходе гарантируется хорошее настроение работающего, хотя бы уже потому, что он получил освобождение от ненужного бремени.

Классический выход таков:

П.: Милая, ты сегодня не устала? Силы ещё поработать есть?

В.: Нет, на сегодня хватит.

П.: Хорошо. Хочешь подвести итог сегодняшней работе?

В.: Да... *Ты* знаешь, стало лучше. Лёгкость во всём теле, приятное ощущение в руках и ногах. В голове светло. Радостно. Улыбаюсь, так, что остановиться не могу. *[Вся сияет)*

П.: Открываешь глаза?

В.: Да.

Это классический выход, когда устранение искажений зримо проявилось во вздохе облегчения. Однако, не всегда удаётся достичь достаточно положительных результатов, часто из-за недостатка времени и сил. Но даже если времени было достаточно, то всё равно мусора психических травм в теле памяти любого человека множество и очиститься от них за один сеанс невозможно. Может случиться так, что человек настолько устанет от работы с собой, что не может самостоятельно сделать выход на уровне эмоциональной приподнятости- Человек, работая с какой-либо травмой прошлого, вдруг осознаёт, что *больше не может*, работать прекращает и на этой отрицательной эмоции фиксируется, подчас на несколько дней. Из двух зол

меньшее предпочтительней, поэтому обстоятельства вынуждают иной раз сказать так (причём, директивным тоном):

П.: А теперь представьте себя в каком-нибудь очень приятном для вас месте. Там, где вам очень хорошо. Так... Открывайте глаза.

Это насилие над личностью, к которому прибегают медики любого мировоззрения. Это можно осуждать как нарушение высоких принципов. Но как бы на месте Ала поступили вы, если бы над вами заходил потолок, если бы жизнь ваша зависела от чувств атаманши, если бы было жизненно необходимо, чтобы всякий, на неё в тот момент взглянувший, понял: да, ей стало заметно лучше. Но мы и не скрываем — это, в каком-то смысле, нарушение принципов психокатарсиса.

А теперь вернёмся к тому случаю, когда во время сеанса началось землетрясение. Как оптимальней всего было в том случае поступить? Задать вопрос типа: «Не считаете ли вы, что бояться землетрясений не самое адекватное в данной ситуации поведение?» — бессмысленно хотя бы уже потому, что столь сложное переплетение слов опоздает, человек раньше испугается звона рухнувшего шкафа с посудой.

Поскольку человек, овладевший логикой психокатарсиса, в идеале ориентируется в окружающей действительности лучше, чем все остальные, то в *исключительных* случаях брать ответственность он должен (может) на себя. Это — *вынужденно директивный метод*: «Вас не беспокоит то, что сейчас происходит с вашей квартирой. Мы спокойно продолжаем работать».

ё?

«У вас сейчас невероятный прилив сил. Настолько сильный, что вы спокойно, открыв глаза, поднимаете рухнувший на нас потолок, и мы выходим».

«Спокойно, тётка!! Всё путём!»

Словом, психокатарсис — это не твердолобое следование неким в кабинетной тиши сформулированным принципам, а *творчество*. Это творческое отношение к жизни вообще. Доводить до абсурда пусть даже весьма привлекательно звучащие принципы мы никому не советуем.

Глава восьмая НЕКРОФИЛИЯ

Дорогой друг! Читая нижеследующие натуралистические, а потому отвратительные описания, не забывайте, что основная цель нашей книги — рассмотрение прекраснейшего из феноменов — *половинки*. Но окружающий нас мир сер и даже почти чёрен, хотя и пытается обмануть, предстать белым. Выдать себя за нечто иное — прекрасное. Потому и полезны разоблачения. Для этого в некоторых рассуждениях и необходим натурализм описаний — для полноты осмысления происходящего. Перетерпите его, пожалуйста!

* * *

Итак, что это была за женщина, которая «удружила» В. камень в грудь? К какому типу она относилась? К тому же самому, что и главарь бандитов, автор проникающих в череп цилиндров. К тому же самому, что и Джамшед, которому без особого труда удалось увлечь Ала в горный кишлак. Про Джамшеда мы уже знаем, что он убивал в прямом смысле.. Его способность подавлять критическое мышление (подавляющий индивид) также можно рассматривать как частичное умерщвление человека, а именно, его воли (т. е. его личности). Это есть именно умерщвление, в чём можно убедиться, рассматривая обессиливающие деформации

тела памяти: камни в груди, чёрные цилиндры и т. п. Иными словами, этого типа люди одержимы страстью превратить любого оказавшегося под их властью человека в *неличность*, марионетку, *труп*. *Таковыми* они им больше *нравятся*.

Э. Фромм определяет некрофилию [*некрос* — мёртвый, *филео* — любить, т. е. влечение к мертвечине или страсть к смерти, уничтожению, разложению) как «страстное влечение ко всему мёртвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто механическому. Это стремление расчленять живые структуры» (Кготт Е. Тье апа!оту оПштап <1ez1гис1:1Уепе85).

Таким образом, у современных психологов ЭТОТ термин описывает круг феноменов более широкий, чем осязаемая «любовь» к буквальным трупам.

В наиболее эффектных формах эта «любовь» наблюдается среди некоторых работников моргов. Оставаясь во время ночных дежурств в мертвецкой наедине с трупами, они выбирают приглянувшиеся им мёртвые тела, часто молодых девушек, и с ними совокупаются. При этом иногда соблюдаются канонические приёмы: перед коитусом ласкают у трупа соски, гениталии, шею и т. д. Новшества же вполне определённые: перед *главным* могут со всей силой впиться зубами между ягодицами, ввести трубку в мочевой пузырь трупа и выпить остатки уже загнивающей мочи (не морщитесь, среди ваших знакомых есть склонные к такого рода удовольствиям, просто с вами, как ещё не с трупом, они не считают необходимым быть откровенными), а выпив мочи, возбуждаются настолько, что нечеловеческим усилием проникают, наконец, в до судорог холодное, в условиях морга, тело. Наконец, ещё большее удовольствие они получают, когда, перевернув неподатливый труп девушки, совершают над ним акт содомии.

И вот здесь, похоже, и заключается основная странность: почему *такая* неестественность, почему именно акт содомии (совокупление в анальное отверстие), а не общепринятые формы соития? Далеко не всякому яркому некрофилу выпадает такая редкостная удача — пристроиться работать в морге. Многим приходится каким-либо образом приспособливаться к своим влечениям иначе. Некоторые по ночам приходят на кладбище и, отыскав свежую могилу, вырывают труп; наладившись же им, затем его ещё и расчленивают. Другие трусливы настолько, что боятся пойти ночью на кладбище — ночью так страшно! — и потому своё влечение к мертвечине сублимируют, то есть желаемые *буквальные* поступки заменяют *символическими*. Что это значит? Это значит, что совокупляться могут и с живым, но непременно в гробу. Или требуют просто рабского повиновения. Роль мёртвого тела может выполнять даже, скажем, государство, родина, которую, чтобы получить интимное удовлетворение, необходимо умертвить, разрушить или уничтожить хотя бы тем, что больше её не видеть.

Родину в качестве замещающего объекта для расчленения выбрал яркий некрофил, оставивший заметный след в истории, — Адольф Гитлер. Существует множество исторических трудов, в которых описывается поведение Гитлера в период, когда союзные войска вступили на территорию Германии, и из этих трудов — даже не психологов — отчётливо видно, что приказы и распоряжения Гитлера не имели никакого практического смысла для обороны Германии, а было одно лишь изготовление из своего фатерлянда разлагающегося трупа. Это и уничтожение городов, и уничтожение водопроводов, и сжигание магистратурных списков тех немцев, которые нуждались в помощи по старости. Впрочем, Гитлер свои скрываемые за высокопарными словами внутренние побуждения однажды скрыть не

смог. Раз он проговорился: «Если Германия не может себя защитить, то немцы не имеют права на существование». Достаточно подробно об этом пишет Фромм в книге «А. Гитлер: клинический случай некрофилии».

Истинный некрофил характеризуется не столько количеством уничтоженного (к тому необходимы соответствующие объективные возможности, но они могут и не случиться), сколько, прежде всего, силой *некрон"-оля*, характером энергетического воздействия на окружающих. И здесь для исследования последствий пребывания в некрополе более удобны женщины — они более чувствительны и у них слабее контролирующая рациональная воля.

Известно, что Адольф Гитлер был импотентом, но, несмотря на это, у него было огромное количество женщин.

Изучая внешний рисунок поведения фюрера, Фромм пришёл к выводу, что Адольфа Гитлера привлекали два типа женщин. Вернее, он строил с женщинами два типа взаимоотношений. Одних он не уважал и нисколько с ними не считался. К этому типу, полагает Фромм, относилась, например, его любовница, Ева Браун, с которой он вступил в брак за несколько часов до самоубийства. Эта, прежде достаточно здоровая женщина, покончила с жизнью вместе и одновременно с новобрачным. Не надо заблуждаться, полагая, что за этим самоубийством скрыты некие возвышенные стремления типа «любовь до гроба» или «во всём быть рядом с тем, кому трудно». На самом деле зафиксированы, по крайней мере, две её попытки покончить с собой ещё в те времена, когда Гитлер физически уничтожал не себя, а окружающих. В первый раз она стреляла в сердце, причём от выстрела даже потолок был забрызган кровью, но пуля в сердце не попала, и Ева Браун выжила.

Был и другой тип женщин. Они преимущественно принадлежали к высшему свету или были профессио-

нальными актрисами. Перед ними Штлер заметно робел и, не стесняясь присутствующих, унижался как мог. Рената Мюллер (вскоре покончившая жизнь самоубийством) после интимной близости с фюрером рассказывала, что, оставшись с ней наедине, Адольф встал передней на четвереньки и стал требовать, чтобы она его била и пинала. От каждого удара он приходил в волнение всё больше и больше, и всё убедительнее и убедительнее кричал, что он *ничтожество*, что он *ни на что не годится*.

Итак, к какому бы типу ни относились попавшие в зону энергетического влияния Адольфа Нгглера женщины (ползал ли он перед ними на четвереньках сам или заставлял ползать их), они *неизменно* впоследствии кончали жизнь самоубийством или, как Ева Браун, пытались, во всяком случае, это сделать.

Интересно, что многие приближённые Гитлера (в т. ч. охранники) были гомосексуалистами и, в отличие от остальных, обращались к фюреру попросту — на «ты». Некоторые из ближайшего окружения любимца Германии были бисексуалами, т. е. им, в сущности, было *всё равно: мужчину или женщину*. И это понятно: как пишет Адлер, для авторитарного индивида существуют только два пола — те, *которые ему подчиняются*, и те, *которым подчиняется он*.

Энергетическое воздействие ярких некрофилов вообще и Гитлера в частности проявляется двояко. Во-первых, от непосредственной близости с некрофилом появляется влечение к смерти, подавляется воля к *самостоятельным* поступкам и затухает критическое мышление. Это страшно, но от этого можно избавиться: можно просто отойти подальше или уехать. От второй компоненты воздействия так просто не избавиться. Близость с некрофилом оставляет в теле памяти психоэнергети-

ческую травму, которая служит кодом, приказом к последующему самоубийству. Что и исполняли те женщины, которые допускали близость с фюрером.

Нечто похожее произошло с женой главаря азиатской наркобанды, когда у неё появились чёрные цилиндры. Удар бензопроводом — это не просто физическая боль, это фиксация в своём теле памяти особого в тот момент состояния психики главаря, это — психоэнергетическая травма.

Литлер мог обойтись и без бензопровода.

Итак, некрофил — это индивид, который проявляет себя в поступках или, хотя бы, в стремлениях, и, что самое опасное, проявляет себя в энергетике.

(Стремление к уничтожению окружающих или стремление к уничтожению самого себя — по сути одно и то же, отличие лишь в объекте приложения влечения.) Последнее самое опасное, потому что проявить себя как убийца некрофил может и побояться, и вынужден будет сдержаться, а вот состояние своей души им не контролируется, что через энергетическое воздействие и провоцирует невроты у большинства окружающих. Это так хотя бы уже потому, что понятие «невроз» или любой другой термин, обозначающий искажение психоэнергетического поля, известно и осмыслено (а это уже некоторая защита) лишь незначительной частью населения.

Некрофила распознать можно по-разному, в том числе и по его специфической мимике. Вы, наверное, не раз встречали людей, которые всё в^мя как бы принимают (вариант — брезгливое выражение). Это, как пишет Фромм, — они и есть. Те самые некрофилы. К чему только они принимают?

Некрофил, служитель морга, как вы помните, вводил в мочевой пузырь трупа молодой девушки трубоч-

3*

ку и высасывал гниющую уже мочу, от чего так возбуждался, что, наслаждаясь, совершал акт содомии (случай фактический, приведён Фроммом, который использовал материалы уголовного дела). Этот случай не только типичен, но и характерен. Дело в том, что у некрофилов^ особое отношение к пищеварительному процессу вообще, а к процессам выделения — в особенности. Процесс пищеварения для них — это процесс расчленения и уничтожения ещё недавно *живых* растений и плоти *трупов* животных. Отсюда — *результаты* пищеварения для них есть верш совершенства, а отверстия, это совершенство выделяющие, — нечто сакральное. Некрофилы бывают разных типов и, среди прочего, различаются по наличию или отсутствию сексуальной энергии. Если сексуальная энергия есть, то он/она будут возбуждаться от одного вида испражнений или от облизывания партнёру *всех* отверстий выделения. (Любителей этого больше, чем может показаться. Такой секс, конечно, своеобразен, но бежать от всего этого надо сломя голову, пока эти любители не начинили вас ещё б"ольшим числом психоэнергетических травм!) Другой вариант — когда у некрофила сексуальная энергия резко снижена. Тогда вопросам пищеварения (заниматься-то человеку, у которого главная эrogenная зона — анус, больше нечем!) и вовсе придаётся религиозный статус.

Да, в Писании, действительно, сказано, что тело всякого человека — потенциальный храм Святого Духа., и осквернять его дурными видами пищи — грех. Подобные осквернения (продуктами гниения, ядами, канцерогенами и т. п.) есть ступени самоубийства, поэтому Богу, Который есть Жизнедатель, они столь же неприемлемы, как и всякому *биофилу* [*биос* — жизнь, *филео* — любить). Можно выразиться и иначе: раз осквернение как вид самоубийства Богу неприемлемо, то оно неприемлемо всякому истинно любящему жизнь.

Он будет есть не то, к чему приучили себя окружающие, а то, что полезно. Для некрофилов же внутренняя сущность ритуала питания, естественно, иная, чем для человека Божия. Вегетарианцем был пророк Даниил (Дан. 1), но вегетарианцем был и Гитлер. Форма — одна, сущность — противоположная, что распознаётся по множеству прочих деталей способа существования этих двух типов людей. (Скажем, рядом с биофилом его жена расцветёт, а рядом с некрофилом если и не покончит жизнь самоубийством, то, во всяком случае, зачахнет.) Об этом полезно поразмышлять, сравнивая, скажем, тех же Гитлера и пророка Даниила.

К чему же приносятся некрофилы? Да-да, вот именно к этому: к самому совершенному из выделений. Приносятся они и брезгливо морщатся не только вблизи переполненных общественных уборных, что, казалось бы, естественно, но и в местах поистине неожиданных, скажем, в продовольственном магазине, музее или церкви. И это понятно: если запаха, как признака присутствия *этого*, нет, то любимой массой можно галлюцинировать — и тоже приноситься. Несколько смазанное выражение приношения (некоторые бы это назвали высокомерной брезгливостью) заметно на фотографиях любимца Германии — Гитле-ра.

Возможно, местом съёмки парадного портрета главы государства действительно был выбран общественный туалет, но скорее нет: не во всякую уборную может поместиться вся необходимая осветительная аппаратура. А то, что на лице кумира Германии выражение смазано — так ведь это всё-таки парадный портрет, можно и попозировать.

Всё время находиться в любимом местз* — там, где выделяются испражнения, — некрофилу может помешать необходимость зарабатывать деньги или запрещающие внушения, полученные в детстве. Поэтому атмосферу любимого места приходится имитировать путём внутреннего перевоплощения (перенесением аст-

рального тела?), что и отражается в специфическом выражении лица, с годами фиксирующемся недвусмысленной сеткой морщин («привычное выражение»). Часто некрофилы настолько совершенствуются в управлении выражением своего лица, что гримаса принюхивание проявляется на их лице только когда они остаются наедине с собой. Но и в этом случае привыкшего к двойной жизни выдают специфические морщины искателя любимейшего из запахов.

Некрофилов также можно распознать по состоянию их комнаты, а женщин — кухни. Вы, наверное, обратили внимание, что у женщин, которые вкусно готовить не умеют, на кухне редко убрано, беспорядок страшный, грязь по стенам накапливается годами, раковина вечно переполнена немойтой посудой, или же — наоборот, везде *стерильная* чистота.

Противоположность кажущаяся. Г)эязь — это попытка создать желанную среду помойки, а стерильная чистота — это результат борьбы с привычной галлюцинацией на нечистоте. На кухне же у здоровой женщины *достаточно* убрано для того, чтобы и готовить, и жить. Она не проедает плешь ни мужу, ни детям за естественные последствия их пребывания на земле и, в частности, на кухне. Она, *биофилка*, живёт; она готовит и убирает для того, чтобы *жить*. Да и готовить она тоже умеет.

Почему знать о некрофилах важно? Стоит ли вспоминать в этой жизни о чём-либо ещё, кроме прекрасного?

Представьте себе некий собирательный образ симпатичного молодого человека, которому выпал жребий родиться от матери — яркой некрофилки, а отца существенно менее подавляющего. Это тип толстовского Пьера, Самого Толстого и, если угодно, во многом нашего П. Естественно, он (наш гипотетический молодой человек) отличается от ребёнка, родившегося от внутренне благородных родителей, и отличается во многих отношениях. Во-первых, в среднем, по пред-

метам, где требуется сообразительность, он учится хуже, чем мог бы (подавлено логическое мышление), да и здоровье его существенно слабее, чем могло бы быть, слабее из-за многочисленных психоэнергетических травм, которыми мать его начиняла от зачатия. Потом он, беспомощный, лежал перед ней на столе, пока она его пеленала, внушая: «Не шевелись!» Забитое ещё с младенчества тело памяти будет всю жизнь болеть и в определённых ситуациях отнимать сил особенно много. Ребёнок вырастает вялым и малоподвижным, может быть, позднее он сверхкомпенсирует это усиленными занятиями спортом (Лев Николаевич *одной рукой* подымал пятипудовую гирию), а может, всю жизнь будет «не шевелись». Детство, школа, взбучки от матери-некрофилки за плохие отметки, которые он получил, чал по её же вине, из-за её состояния души и духа. Затем отрочество и юность с неудачами, которых могло и не быть. Наступает пора жениться. Научные изыскания выявили, что сын и в интимной жизни остаётся верен своей матери, вернее, именно в интимной жизни сын особенно ей верен: в жёны себе выбирает непременно такую же некрофилку, как и мать. На уровне же логическом он может, повторяя чужие фразы, твёрдо полагать, что стремится к счастью. Он женится, полный радужных надежд не повторять в своей семейной жизни ничего из того, что он видел в детстве. Но, к удивлению своему, вскоре обнаруживает, что женщина, которой он восхищался, пока она была невестой, и которая поначалу совсем не была похожа на его мать (в наиболее отвратительных своих привычках), вдруг превратилась в такую же зануду. Да, не осознавший себя биофильный сын некрофилки (навсегда биологическое сыновство, но не духовное) в смысле семейном жить будет непременно плохо, потому что с женой (не-крофильной) он ни о чём не сможет договориться. (Это одна из особенностей некрофилов: с ними ни о чём договориться невозможно, потому что для некрофила су-

ществует только собственное «я», а все остальные, даже муж, или жена, или дети, существуют исключительно для того, чтобы выполнять его, некрофила, желания.) Он непременно подчинится жене, пусть даже в неявной форме, потому что мужчина-некрофил хоть как-то может противостоять своим чувствам, опираясь на своё логическое мышление. Некрофилы ещё имеют и неприятное свойство размножаться — производить себе подобных. Вот и у нашего гипотетического биофила с некрофильной матерью и женой родится ребёнок, которого на глазах отца будут уродовать воплями и ненужными клизмами (проникновение в сакральные отверстия выделения). Нашему молодому человеку будет жалко младенца, он будет пытаться договориться с женой — безуспешно, и вынужденно подчинится. А как иначе? Единственная форма сотрудничества биофила с некрофилом — подчиниться последнему, потому что с *биофилом-то* договориться можно, чем некрофилы и пользуются. Рождаются ещё дети. Они подрастают, их здоровье и ум деградируют. Сам же биофил работает всё больше и больше, чтобы в семье было всё, а у жены-некрофилки, как следствие, появляется всё больше и больше времени. Она ему начинает изменять. Но изменяет она ему совсем не потому, что он плох или хуже других как *мужчина*, или потому, что глуп; нет, она ему *изменяет просто потому, что она — некрофилка*, то есть стремится *уничтожить* всё: благополучие, спокойствие, достоинство — не только его, *ненавистного*, но и своё, по возможности, тоже. (Если ту же мысль попытаться выразить богословским языком, то следует вспомнить седьмую заповедь Десятилетия: «Не прелюбодействуй»). Для биофила верность — естественное блаженное состояние. Для некрофила же прелюбодействовать — кайф!)
Бытует мнение, что, составляя любовный треугольник, ведущая сторона пытается компенсировать в дополнительной связи то, что недополучила в браке. И

V

действительно, при анализе любого отдельно взятого треугольника при определённых умственных усилиях можно выявить некий у супруга недостаток, требующий компенсации: слаб интеллект, незначительно социальное положение, недостаточен рост, избыточен вес, легковесен и т. п.

Однако, анализ *множества* любовных треугольников в жизни одного человека показывает, что компенсируют, похоже, всё подряд, или, что то же самое, — ничего. Отсюда, измены явно *самоценны и самодельны*, просто потому, что *измены*, это просто следствие безудержного стремления ко греху. И всё же есть смерть, и мы вновь возвращаемся к понятию «некрофилия».

Итак, некрофильная жена нашего молодого человека, не сформировавшись как личность, живёт, просто выполняя ранее полученные внушения. Возможен вариант, что ей некогда было внушено таким же, как она, некрофилом, что брак *один* — и на всю жизнь. Если такое внушение есть — то она может быть безупречно верна или, во всяком случае, изменяя, ни за что не допустит развода. Но ведь тело памяти может такого внушения в себе и не носить. Если так, то повод развестись находится. Наш же молодой человек через некоторое время вступает в очередной брак с очередной женщиной, совсем внешне на первую не похожей. Скажем, притомился от истерик — выбрал непоколебимо сдержанную. Но поразительно — история в точности повторяется вновь, с той лишь разницей, что вместо заросших грязью стен на кухне там устанавливается ошарашивающая гостей стерильная чистота. Выбрав женщину с другим темпераментом, он, тем не менее, остался верен своей матери в главном — фимаса принюхивания характерна и для новой жены. Этот цикл браков может повторяться некоторое число раз, пока молодой человек вдруг резко не сойдёт с круга: сопьётся, станет холостяком или, наоборот, стиснув зубы, бу-

дет доживать свой век с матерью своих детей, стараясь не думать, что в семье могут быть какие-то красивые, добрые отношения; возможен и другой вариант: ознакомиться с закономерностями эволюции носителей некрофилии. Если он эту концепцию воспримет, то у него появляется возможность уже не бездумно, а по молитве принять себе в дар биофилку.

Поскольку способность *понимать* — дар, который мало кто соглашается принять, то типичная судьба находит своё завершение в старости, отягощенной женой, болезнями (которых с биофильной женщиной не было бы) и горестным созерцанием несчастной семейной жизни своего сына, которому (удивительно!) также попала неудачная жена.

Уже хотя бы из этого примера, узнаваемого в судьбах многих, видно, что говорить *только* о приторно-прекрасном есть опасное заблуждение, которым упиваются любители дамских журналов, но в которое не впадали люди, им противоположные, — скажем, библейские пророки. Зеркальная судьба реализуется и у многих женщин. Первый муж — алкоголик. Она «горько» плачет, устраивает ему сцены, погромы, всенародные судилища и хладнокровные истерики. Наконец она, сообщив всем, что это «во имя детей, которым нужен нормальный отец», расходится с ним и выходит замуж за другого. Через некоторое время она всем сообщает, что и этот, сукин сын, её, несчастную, обманул: и этот, мерзавец, алкоголиком оказался. У неё было десять претендентов, предложивших ей рутсу и сердце, из них девять непьющих, пьющий же — только один, самый тупой, уродливый, для которого всё вокруг — дерьмо. Но наша героиня из десятитерых выйдет *именно за него*, всем сообщив, что именно он самый *интересный*, и только несчастная его судьба не позволяет никому, кроме неё, в этом убедиться. Спустя некоторое время она, прокляв

всех алкоголиков вместе взятых, опять «прозревает», разводится... но затем вновь из десятиерых новых претендентов, в числе которых девять убеждённые трезвенники, выбирает самого *интересного*.

Этот цикл тоже может повториться бессчётное число раз как в судьбе самого человека, так и в судьбе его потомства (помните невестку главаря, одновременно дочь и жену наркомана?) до тех пор, пока человек не задумается и не изменит способ принятия решений. (Интересно, что слово «покаяние» в исходном своём значении — «изменить мышление».) Облегчающие к тому условия — это знания вообще, но прежде всего размышление о том, какой же жизни достоин созданный «по образу и подобию *Божию*» человек.

Некрофилы умеют воевать, в особенности завоёвывать. Не умея *созидать*, они нуждаются в рабах, которые бы их обслуживали. А рабы тем эффективней трудятся, чем более они уверены, что занятие их значимо. Они ждут внушений, украшенных вселенскими символами, отсюда не удивительно, что некрофилы создали целую культуру, навязчиво «убеждающую» человечество, что именно они, некрофилы (на деле не способные более ни на что, как только внушать), крайне необходимы для его, человечества, выживания. Отсюда и столь обширный класс начальников, которые ничего не умеют делать, кроме как доказывать, что без них всё развалится. И когда в коридорах учреждений посмеиваются, что дело двигается не *благодаря* всякого рода начальству, а *вопреки* ему, то там недалеко от истины.

Психологи говорят, что актёр — это *цр* профессия, а диагноз. Действительно, после подмостков сцены, на которой актёр перевоплощался — безразлично в кого, в Ромео, Отелло или Гитлера со Сталиным, — он возвращается в ту жизнь, которую позволяет себе создать сам. Всякий нормальный человек, сталкивавшийся с

частной жизнью актёров, приходит к выводу о её ненормальности. «Садомазохизм, — констатируют психиатры и уточняют: — Эксгибиционизм». От себя же мы добавим, что садомазохизм и эксгибиционизм (навязчивое стремление демонстрировать себя и часто — свои половые органы), почти синонимы, смягчённые обозначения близких симптомов уже известного нам явления — некрофилии. Извращения существуют не сами по себе, не изолированно от остальных событий жизни — это проявления больного состояния души. Сами же о себе актёры, в особенности — более других признанные, — говорят, что они *утиваются* самым наибольшим из удовольствий — *властью* над людьми. В их силах *заставить* зал чувствовать всё, что они пожелают: радость, жалость, стыд, унижение, страх, гадливость... Власть над людьми — вот главное удовольствие актёра, даже играющего так называемые «возвышенные образы». Каким же образом им удаётся, выражаясь языком Станиславского, добиваться того, чтобы им *верили*. А всё тем же самым, что и Джамшеду, когда он соврал, что «спокойное место есть» — подсознательным психоэнергетическим. В мемуарной литературе подчас можно найти воспоминания о «великих» актёрах, которым удавалось «создать образ» без единой реплики, а «одним лишь жестом», «мановением руки» заставить зал взорваться восторженными аплодисментами. Якобы одним лишь жестом. Самым великим актёрам вообще ничего не надо делать — все и так впадают рядом с ними в состояние безудержного восторга. Не всем актёрам это удаётся, из чего следует, что понятие «актёр» — диагноз вероятностный, т. е. яркие некрофилы среди них не все, но процентное их в этой профессии содержание выше, чем в среднем по населению. Но некоторые оказались притянутыми к этой профессии под влиянием некрофилогенной культуры,

высот «профессионализма» достичь не в силах, и, устав слушать обличения в «бездарности», могут сменить род занятий.

Итак, некрофилы предпочитают некоторые профессии, поскольку определённые виды занятий позволяют им не только обеспечивать себя материально, но и психически самовыразиться, получить должность, под видом исполнения которой они обретают желанную власть над людьми. Это, например, как мы уже сказали, — актёры. Это — военные: люди, которые профессионально облекли своё стремление к смерти в своеобразную её форму — муштру, превращая и своих подчинённых, и себя в некий лишённый общения с Богом винтик огромного механизма. А коль скоро многие военные — некрофилы, то нечего и удивляться тому, что среди них при доступности женщин столь часты случаи половых извращений, скажем, гомосексуализма. Гомосексуализм в Библии осуждается не за оригинальность способа, а за то, что это проявление *нежити*, некрофилии, греха. Осуждается нежить, некрофилия, а гомосексуализм — лишь одна из её форм. С военных удобно начать изучение привычной гримасы приноживания. Удобней всего это делать, когда военный (желательно, старший офицер) погружён в собственные мысли и перестаёт замечать окружающих — при этом наигранные выражения исчезают, и открывается истинное лицо. Военные ратуют за дисциплину, то есть со страстью создают иерархические системы, в которых наиболее полно проявляются их садомазохистские потребности: с одной стороны, перед начальством он ничто, полное г..., с другой, с подчинённым — всемогущий господин, по своему произволу могущий надругаться или возвысить нижестоящего, который - в свою очередь - в этот момент есть г...

Тут, пожалуй, есть смысл вспомнить, что лучший военный Второй мировой войны, фюрер Адольф Гитлер

лер, во время Первой мировой был рядовым, затем ефрейтором и характеризовался как исполнительный, дисциплинированный солдат, его награждали за отвагу в бою. Так вот, поучительно знать, что будущий кумир германского народа — не только черни, но и военных, врачей*, актёров и так называемых учёных — во время Первой мировой войны был исключён из списков на присвоение очередного звания, как отмечено в документах тех лет, из-за *высокомерного* отношения к товарищам и *раболепства* перед начальством (Фромм). Но не только военные тяготеют к созданию иерархий. Это ещё и администраторы всех родов и видов, т. е. отдающие приказание и приказание получающие. То, что начальники не *могут* ничего создать — не секрет, наблюдения же за особенностями их поведения в быту, в частности в сексе, ещё более расширяют наши познания о некрофилии.

Прежде чем мы продолжим перечень профессий, наиболее предпочитаемых некрофилами, — а почему выявить эти профессии чрезвычайно важно, будет ясно из дальнейшего, — следует выяснить, сколько же их, некрофилов, среди нас. Некрофилов можно разделить на ярких и неярких. Яркие и проявляют себя ярко: в убийствах, расчленениях, сексуальных контактах с собственно испражнениями и с системами, с испражнениями связанными; проявляют себя в патологическом стремлении к власти, в бурном интересе к вестям о расчленении тел, в идолопоклонстве металлическим (т. е. мёртвым) конструкциям вообще, а к ажурным и геометрически «правильным» — в особенности, и т. п. Людей, проявляющих признаки *яркой* некрофилии, по цитируемым у Фромма исследованиям, до 15 %. По некоторым другим косвенным данным — их треть. По оценке Хаббарда, ярких некрофилов (угнетателей ближних), которых он называет по американской тра-

диции антисоциальными личностями, — 20 %. Это — «неподдающиеся», их бесполезно лечить психотерапевтически, во-первых, потому, что они попросту измениться не в состоянии, ведь желание и готовность улучшить себя — это достаточно большой плод души, а, во-вторых, работая с ними, ^одиторы, как замечено, от обессиливания попросту начинают болеть, а потому помочь не в силах.

20 %! Это очень много. Это — каждый пятый! А раз каждый пятый, то это значит, что если вы оказались в толпе, на митинге или в автобусе в час пик, то к вам непременно прижимается хотя бы один яркий некрофил. Минимум один! Если же вы из середины автобуса пробирались к выходу, то к вам их прикоснулось несколько. Но не следует заблуждаться, что богатые, которые в автобусах не ездят и демонстративно пользуются всем тем, что позволяет им казаться «независимыми», лучше ограждены от омертвляющего поля некрофилов. Вовсе нет. Как раз-то среди них, среди богатых, ярких некрофилов больше всего. И среди тех, кто добивается близости с ними, — тоже. Скажем, супруга: только самая яркая некрофилка сможет победить конкуренток в борьбе за возможность растранижить его деньги.

Это, разумеется, упрощение. Деньги — аргумент, преимущественно, логического мышления. На самом деле «самая яркая» оказывается рядом с потенциальным богачом ещё до того, как у него впервые появились по-настоящему большие деньги. А большие деньги, очевидно, появляются лишь у определенного типа людей — у того, кто может других заставить (в прямом смысле) на себя работать, и у того, кто в состоянии заставить партнёров поверить, что предлагаемое им распределение доходов справедливо. Это «умение заставить» женщинами легко подсознательно распозна-

ётся и определённым их типом особенно ценится. Да, теми самыми, кто может *заставить* конкурентов потесниться.

20 %! Это значит, что в вашей жизни к вам прижимались сотни ярких некрофилов, каждый из которых в состоянии нанести вам (и нанёс!) пси-хоэнерг^гтические травмы. Возлюбленная из светлой части нашего повествования из-за своей сверхчувствительности получала травмы разве что не от всех встречных и поперечных некрофилов, и на работе тоже. Её психознергетические травмы связаны преимущественно с людьми внешними, чаще случайными.

А вот у нашего Психотерапевта иначе. У него, судя по сумме данных, к подавляющим индивидам относятся *и мать, и мать матери, и жена дяди*. Дядя П. (брат матери) в выборе себе жены должен был остаться верен своей матери и сестре — он и остался: его жена, похоже, по мощности болезненного влияния превосходила их обеих. И вот дядя, участник двух войн, защищавший Родину на фронте с первых дней войны с немецкими некрофилами, а спустя четыре с лишним года бравший Берлин, вернувшийся с войны живым и невредимым, всего в пятьдесят лет умер в постели ночью от разрыва сердца. Разумеется, сказала и война, и трудное детство, но, очевидно, что при прочих равных условиях, окажись он неверным своей матери и сестре и женись на женщине, которая бы ему не изменяла и в силу черноты души не наносила травм, он жил бы и дольше, и иначе. Кстати, и наш Психотерапевт в 36 лет из-за травмы, полученной от жены дяди, оказался на грани смерти: неделю не ел и не спал и за эти несколько дней посидел, пока не прибег к психокатарсической помощи (эту ожившую травму он получил, когда ему было 6 лет).

Подобную многолетнюю, в данном случае в 30 лет, отсрочку в проявлении невроза Фрейд назы-

вал *латенцией*. Действительно, часто до первого особо разрушительного проявления стародавнего невроза могут пройти десятки лет. В сущности, латенция детских неврозов — явление настолько распространённое, что можно, видимо, принять её как обязательную форму эволюции детских травм.

Итак, всякому человеку для обретения полноты здоровья необходимо освободиться от всех травм, когда б они ни были получены.

Из четырёх женщин ближайшего окружения нашего Психотерапевта (бабушка, мать, сестра и жена дяди) три — яркие некрофилки. Соответственно, брак с яркой некрофилкой для П. был неизбежен. Что и произошло. Затем развод (по её инициативе) — и новый брак, естественно, тоже, как впоследствии выяснилось, с некрофилкой. Менее истеричной, но более яркой, скорее даже ярчайшей. Желание понять причины неудачных браков привело его к изучению психокатарсиса. Поиски познания истины (а её познание делает человека незарисимым) подавляющие женщины не прощают — развелась с будущим П. и вторая. Теперь психокатарсис открывал путь к биофильной спутнице. Но о том, как, почему и каким образом стало возможно это сближение, несколько позже.

Все приведённые выше соображения необходимы единственно для того, чтобы обратить внимание читателя на *количество* присутствующих в нашей жизни ярких некрофилов. Их много. 20 %!!! И вновь обратите внимание: 20 %!!! В своё время Ал, изучая по книгам проявления некрофилии вообще и в сексе в частности, на цифровое значение внимания не обратил и воспринял явление некрофилии как некий курьёз, как редкое заболевание, свойственное преимущественно главам правительств и обитателям моргов и психиатри-

ческих лечебниц*. Каково же было его удивление, когда он всё чаще и чаще стал замечать симптомы яркой некрофилии то у одного знакомого, то у другого. Чем более человек был «социально значим», то есть, если он был военным, актёром или руководителем любого ранга, тем больше была вероятность обнаружить у него как у подавляющего индивида симптомы яркой некрофилии. Естественно,

* Этим он продемонстрировал свойство людей, даже читая книгу специалиста, подчиняться авторитету анонимному, негласному — неизвестному (конформизм). Действительно, именно так называемое общественное мнение «полагает», что некрофилия — это заболевание, которое проявляется в отклоняющемся поведении только одного рода — в совокуплении с трупами. Однако, прошёл уже не один десяток лет, как психологи, начиная с Мигеля де Унамуно, расширили понятие «некрофилия» до целого комплекса психологических феноменов деструктивной личности вообще. В сущности, можно говорить, что в прежнем значении непосредственной «любви» к трупам этот термин со времён Мигеля де Унамуно не употребляется. Справедливости же ради надо заметить, что в современном смысле термин «некрофилия» ввёл в употребление, как это ни покажется на первый взгляд странным, не Мигель де Унамуно, а товарищ Ленин. (Это исторический факт, что Ленина *вдруг* начинал «любить» и поклоняться всякий (!), кто оказывался в поле его влияния. Те же, кому повезло, кто рядом с пролетарским вождём не оказывался, чувств первых не понимали. Так ли уж случайно, что именно некрофил Ленин обогатил язык таким словом?) Лучшие же труды по исследованию некрофилии написал Эрих Фромм. В начале своей научной деятельности в школе психоанализа Фромм противопоставлял идеям Фрейда воззрения, основанные на модном в тот период понятии «инстинкт самосохранения». К счастью, каждый будущий психоаналитик, по установленному Фрейдом порядку, сам проходил курс психоаналитического лечения, в результате которого хотя бы отчасти освобождался от неадекватности мышления. Через эту процедуру прошёл и Эрих Фромм, после чего и обогатил человечество исследованиями феномена некрофилии.

эти наблюдения обусловили вывод о том, что некоторые профессии представлены в большинстве своём яркими некрофилами. Да, целые профессии. И это не удивительно — 20 %!!! Некрофилы участвуют, наверное, во всех видах деятельности, но есть профессии, где их содержание существенно выше, чем в среднем по населению. Теперь мы расширим перечень профессий, некрофилами особо облюбованных, перечень чрезвычайно важный для осмысления закономерностей окружающего мира.

Мы привыкли слышать от садомазохистов (актёров, администраторов, жрецов верноподданных идеологий), что врач — это благороднейшая из профессий, а потому представители этой профессии — наиболее близкие к совершенству люди. Действительно, всякий врач, получая диплом, даёт клятву Гиппократу в том, что он будет с любовью служить обратившимся к нему за помощью. Если подобного рода клятвам верить, то можно только удивляться, почему после посещения поликлиники остаётся в душе какой-то странный осадок, который при психокатарсическом рассмотрении оказывается конгломератом психоэнергетических травм. Но и без опыта лечебного психокатарсиса всякий способный к обобщениям человек, узнав, что появился очередной маньяк, расчленяющий тела своих жертв, внутренне уже догадывается, что, если это произошло не в пролетарском районе, то, вероятнее всего, маньяк по профессии — врач. Читая газетные отчёты о судебном над ним процессе, не удивляешься, что ещё до того как ему пришлось по душе эта «благороднейшая из специальностей», он отличался повышенной жестокостью, тягой к актёрству, и речи его были *убедительны*. Что естественно, ведь все эти черты характера взаимосвязаны. То, что среди врачей доля ярких некрофи-

лов существенно больше, чем в среднем по населению, соглашается всякий медик, хоть немного проработавший в медицинском коллективе. Сомневаются в этом обычно люди, к этой среде внешние, то есть те, которые врачам выгодны: от них зависят заработки врачей.

Врачи — ^ тип несколько иной, чем актёры: в отличие от актёров они не склонны афишировать постыдные ненормальности своей профессиональной и интимной жизни и с б"ольшим, чем актёры, *трепетом* относятся к процессам пищеварения и испражнениям (или — в инверсированной форме — *цинично*).

Следующая специальность, о которой мы привыкли слышать, что она исключительна по своему благородству, — это профессия учителя. Случаи патологического садизма учителей по отношению к детям настолько часты, что начинаешь догадываться, что большинство учителей *такие*, просто до времени себя не проявляют. Есть учителя, которые наоборот *слишком* много говорят о достоинстве ученика, высоких идеях и т. п. Это то же самое, только наоборот, всё по тому же принципу инверсии, который подробнее мы обсудим позже. «Лучше» всех организуют «учебный процесс», как известно, иезуиты.

Иезуиты — это монашеский орден, самый, как они утверждали, христианский, который в истории отличился тем, что не осталось ни одного преступления, подлости или гнусности, к которой они не прибегли для достижения светской власти, а тем самым и власти над умами. Известные слова «цель оправдывает средства» — это их лозунг. Естественно, кто как не такого сорта люди успешнее других смогут калёными гвоздями фиксировать в телах памяти учащихся «знания», которые по первому требованию будут отчеканены? Такого рода обучение, действительно, должно приводить — и приводит — к воспитанию великих актёров, модных врачей и иезуитов-учителей. Способности давать та-

кого рода воспитание надо бы стыдиться, а не нет, в не-крофилогенной культуре этим чванятся. Гитлер не скрывал, что именно у иезуитов выучился многому.

Л. Н. Толстой, великий интуитивист и образованнейший мыслитель, предвосхитивший знания своего века на десятки лет, в своё время оставил университет не потому, что не хотел учиться, а наоборот, именно потому, что учиться хотел, но только *по-настоящему* — и оказался прав. Не умея объяснить причин своей антипатии, Л. Н. Толстой не приемлил и модных врачей, и учителей толпы, и приводящих в восторг публику актёров.

Елена Уайт, величайшая из женщин-писательниц, на пути познания тоже продвигалась семимильными шагами самообразования и разве что не в первой молодости перестала заблуждаться относительно модных врачей, актёров и учителей...

— Как?! — может возмутиться кое-кто из учительского корпуса. — Вы назвали самые лучшие из профессий! И пытаетесь нам доказать, что всё, во что верят все, — наоборот! Что носители наиболее почитаемых профессий опасные, отвратительные люди. Может быть, вы осмелились и художников в этот список зачислить?

— А как вы догадались?

— А?.. Э-э... Но какие же, в таком случае, остаются профессии? Разве ещё остались не охаянные?! Профессий (по справочнику) тысячи и даже десятки тысяч. Истинная их ценность определяется исключительно тем, выбрана ли она человеком по велению сердца, в смысле абсолютной, вселенской гармонии. На словах с таким определением ценности профессии согласны все. Но почему же, в таком случае, всеобщим оказалось мнение, что из десятков тысяч профессий ценны лишь десяток-другой? И притом те, которые облюбовали яркие некрофилы? Тот из читателей, кто сможет ответить на этот вопрос с использованием ка-

тегорий «подавляющий индивид», «внушение», «гипна-бельность толпы», сразу же окажется, с одной стороны, на пороге удивительных открытий относительно реальных закономерностей мира, а с другой - явно не среди большинства. И то, и другое заманчиво.

Да, подавляющие индивиды, и прежде всего яркие, отличаются тем, что хотят доминировать, властвовать над окружающими не только административно, но и на уровне сознания, хотят чтобы их уважали, ещё лучше — боялись, совсем хорошо — боготворили, чтобы их значимостью *восхищались*. И они себя меняют так, чтобы смочь к этому окружающих *принудить*.

Когда вы идёте к врачу, скажите, почему вы его боитесь? Загляните в тело памяти, и вы найдёте в нём полученные от врачей психоэнергетические травмы. А травма возникает потому, что нанёсший её медик — убийца, пока ещё себя полностью не реализовавший. Во время учёбы ему нравилось бывать в анатомичке и расчленять трупы. Он бы и вас расчленил, если бы за это не следовало уголовное наказание, поэтому, чтобы вас умертвить, ему приходится ограничиваться ненужными для вашего здоровья мучительными процедурами и вместо психотерапевтического безболезненного лечения рекомендовать хирургическое или медикаментозное (наркотическое) вмешательство.

А почему дети так не любят школу? Почему они, ещё не отказавшиеся от непосредственного восприятия, так панически боятся учителей? Не потому ли, что выбравший профессию учителя руководствовался неосознанным стремлением быть в центре, мечтал быть объектом восхищения, пусть хотя бы детей, безоговорочно его слушающихся? Подыгрывая такого рода типам, окружающие считают хорошим учителем того, кого дети слушаются, боятся, ходят по струнке — не будем повторяться насчёт обессиливающих психоэнергетических травм, которыми дети вынуждены

расплачиваться и которые оборачиваются тяжелейшими неврезами в будущем. И так, эти несколько «избранных» специальностей у всех на слуху не потому, что они более для нашей жизни значимы, не потому, что они действительно «избранные», но лишь потому, что нас на психоэнергетическом уровне в это *заставляют* верить. Ту же самую мысль можно выразить иначе: поскольку некоторые профессии открывают перед некрофилами более широкие возможности доминирования над людьми (военная служба, медицина, психиатрия, психотерапия, педагогика, административная работа и т. п.) или же дают возможность больше соприкоснуться с испражнениями (врачи-урологи и проктологи, золотари — чистильщики уборных, гомосексуалисты), то непременно они будут почитаться как *интересные* не только среди собственно ярких некрофилов, но и среди гипнабельных людей. Во всяком случае, как бы само собой получится, что о ярких некрофилах (преступниках, правителях, художниках, чемпионах, гомосексуалистах, актёрах) не смогут не говорить. Чтобы убедиться в этом, загляните в любую газету — о ком там пишут.

Какие же профессии остаются? Их, как уже было сказано, много. Тысячи. Скажем, любые ремесленники. Интересно, что древнегреческие философы и столь же древние пророки Божьи в своей оценке ценности профессий расходились. Древнегреческие философы считали, что свободному гражданину не пристало и даже позорно что-либо создавать собственными руками. Но это философы. А вот Иисус был плотником. Будущий пророк и апостол Павел, учившийся в самой лучшей теологической школе того времени, освоил ремесло делателя палаток. Став апостолом, Павел во время своих миссионерских путешествий этим ремеслом подрабатывал. [*«После сего Павел, оставив Афины, пришёл в Коринф... и нашед...: Акилу... и Прискилу,*

жену его... пришёл к ним, и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток». - Деян. 18:1-3.) Казалось бы, странно: ремеслу — и в теологических школах, но так было заведено в школах пророков со времён их основателя, пророка Ильи. На то была воля Божья. Ведь Создатель живого — биофил.

Ну а почему, в таком случае, греческие признанные философы, а вслед за ними и греческое общество не справились с распознаением ценности созидательного труда? Очень просто: среди хороших ремесленников — тех, кто мог сделать что-либо стоящее, — было недостаточно некрофилов (их суммарное некрополе достаточно слабо), чтобы *принудить* к этому мнению население. А вот учителя, наипризнаннейшие греческие философы, которые, как на подбор, подобно жителям уничтоженного Содома, все сплошь были гомиками (примечательный факт!), принудить внимающее, готовое раболепствовать население к почитанию себя смогли.

Учительство — феномен не только сферы естественных или гуманитарных знаний, но и сферы «духовной». Вы помните, кто был инициатором распятия Христа? Да, это были *признанные духовные учителя* народа израильского, священники и книжники. Во-первых, они были *признанные*, во-вторых — *духовные*, в третьих — *учителя*. Меняются времена, но не люди, и израильяне тех лет, по сути, не отличаются от любого другого народа современности. Учителя по-прежнему ценятся признанные.

Гитлер, хотя подобно фараонам древности любил циклопические постройки, как созидатель был бездарен. Но как разрушитель и как руководитель — успешен. Когда молодым его призвали в армию, он оказался образцовым солдатом, очень исполнительным. Он настолько полюбил мундир, что не снимал его вплоть до полноты самовыражения — самоубийства. Но Гйт-

лер не всегда дополнял собой только мундир. Был период, когда он подвизался художником. Себя он, очевидно, считал художником очень хорошим, работал много, но платили ему только за копирование чужих работ. Но почему солдафон, садист, убийца и импотент Гитлер из множества специальностей выбрал образ жизни художника, пренебрёг такими специальностями, как актёр (у него были блестящие к тому дарования!), врач (он занимался оккультизмом и магией, следовательно, способами воздействия на самочувствие человека владел), учитель (он им стал позднее)? Как и во времена Гитлера, в наше время художник не профессия и даже не увлечение — это символ. Это символ заведомого над всеми превознесения, символ приобщения к высшим «духовным» сферам, «просветления», а потому превосходства над другими. Любая мазня — чёрная ли точка на чистом холсте или красный квадрат, — если это делалось определённого сорта людьми, — для конвульсирующей от восторга публики становится проникновением в иные миры, эзотерическим откровением и познанием Вселенной. А разве можно спорить с публикой, которая хочет быть восторженной?

Некрофилия проявляется в любой без исключения сфере бытия, будь то сновидения или судьбы. Если рассматривать только одну сторону судьбы — профессиональные занятия, то схемы достаточно типичны. Возьмём, к примеру, средь военных. Она, дочка военного, выходит замуж за военного. Но прежде поступает в высшее учебное заведение, учится на химика. Работает несколько лет руками, но, по её словам, не получает «внутреннего удовлетворения». Затем бросает своё ремесло и становится воспитателем детского сада, после чего заявляет, что «нашла» себя. Сына, как и отца и мужа, воспитывает как будущего военного, он им и становится. Это конкретная жизненная судьба. Но она типична.

Другой подвариант того же самого. Она — дочка офицера и алкоголика, возможно, не гомика. Закончив школу, поступает на актёрско-режиссёрский факультет. Однако «не сложилось», и она выбрала новую профессию, тоже «неожиданную» — учителя. Замуж за военного не пошла, а вышла за... медика, психотерапевта. Когда он Проявляет хоть малейшее непослушание, она тут же грозит одеть ему на голову сковородку: не нравится ему это, видимо, только на логическом уровне. Он хотя и не военный, но, тем не менее, глубоко убеждён, что целый ряд психологических открытий, опубликованных ещё до его рождения, на самом деле сделаны им, и поэтому он, чтобы его идеи у него не украли (как он подозревает — *для обретения власти над миром*), старательно изъясняется намёками и недомолвками. Как психотерапевта его очень ценят многие модные врачи, а пациенты видят в нём ещё и духовного учителя. Тоже конкретная судьба. И тоже типична. С точки зрения познания о некрофилии, неожиданностей ни в его судьбе (мать тоже учительница), ни в судьбе его жены не было. Как и в судьбе дочери офицера из первого примера. У некрофилов характерны и сновидения. Эта тема для большой диссертации, поэтому в примерах ограничимся. *Уважаемая хозяйка* литературного салона однажды поделилась с нашим П. — Да, — сказала она, — сегодня, например, мне снился удивительнейший сон! На моих глазах расчленили женщину, вернее, молодую девушку! Сначала ей отрезали одну руку, потом, не торопясь, другую... Ногу... И так дальше... Что бы это могло значить? П., решившись, спросил: — Извините, а вам иной раз испражнения, пардон, не снятся? Уважаемая хозяйка рассмеялась. — А как же! И даже в разных видах! Один сон, на удивление, преследует меня разве что не с самого детства. Почти что на эту самую тему.

— А какой?

— Иду я по туалету. Большой такой туалет, *величественный*, как здание Университета. Да и вообще похоже, что происходит это всё в Университете. Вернее, иду я даже не по туалету, а по *анфиладе* туалетов. В каждой из кабинок — по человеку, и... ха-ха!

— Что?..

— Занимаются *этим самым делом*... За которым пришли. Двери, разумеется, закрыты, но... видно. Так вот, прохожу я по этой бесконечной анфиладе, а затем попадаю в такой величественный зал, где заседает... заседает правительство! Да-да! Ни больше и ни меньше! Само правительство!..

Что ж, общность испражнений и правительственных мужей доказывать не надо. Не удивляет, надеюсь, читателя и частое повторение слова *величественный* и геометрическая правильность анфилад туалетов и кабинок.

Это был пример русского некрофилического сна. А теперь приведём немецкий из работы Эриха Фромма «Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии» (в книге: Кротт Е. Тьё апалоту оГ Битап <1 ез1 :гис-Шгепезз*), учёного, который после прихода к власти нацистов вынужден был эмигрировать из Австрии в Соединённые Штаты. Сон следующий:

«Я сижу в уборной: у меня понос. Испражнения из моего тела выходят с ужасающей силой, как будто взрываются бомбы, которые могут разрушить дом. Я хочу помыться, но когда пытаюсь пустить воду, обнаруживало, что ванна уже наполнена грязной водой: я вижу, что вместе с нечистотами в ней плавают отрезанные рука и нога».

Сновидение, как пишет Э. Фромм, Принадлежит ярко выраженному некрофилу и является одним из серии подобных снов. Будучи спрошен психоанали-

* Цит. по: *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности*. М.: «Республика», 1994.

тиком, какие чувства он испытывал во сне по поводу происходивших событий, он сказал, что ситуация его не напугала, но что ему было неловко пересказывать этот сон.

Неловко... Если это было неловко человеку XX века, так те[^] более неловко пересказывать все подробности своих снов женщине-дворянке XIX века, получившей домашнее воспитание и образование, а потому в семье пытавшейся играть роль создания трогательного, ранимого и нежного. А уж тем более ей неловко записывать подробности снов в дневник, зная наверняка, что дневник её непременно будут читать не только дети и внуки, но и все интересующиеся психологией искусства, как всегда читают мемуары тех, кому посчастливилось оказаться рядом с великим писателем.

Вот такой снр описала жена Льва Толстого, Софья Андреевна, в своём дневнике 14 января 1863 года (первый год после свадьбы):

«Я сегодня видела такой неприятный сон. Пришли к нам в какой-то огромный сад наши ясенские деревенские девушки и бабы, а одеты они все, как барыни. Выходят откуда-то одна за другой, последняя вышла А., в чёрном шёлковом платье. Я с ней заговорила, и такая меня злость взяла, что я откуда-то достала её ребёночка и стала рвать его на клочки. И ноги, голову — всё оторвала, а сама в страшном бешенстве. Пришёл Лёвочка, я говорю ему, что меня в Сибирь сошлют, а он собрал ноги, руки, все части и говорит, что ничего, это кукла...»

Сон достаточно типичен. Не удивительны и оценки этого сна самой сновидицей («неприятный») — ведь, венчаясь 23 сентября 1862 года с уже тогда прославленным писателем, она прекрасно осознавала, что и написанное ею будет привлекать всеобщее внимание. Поэтому, разумеется, сознаться в письменных документах в своём одобрительном отношении к расчлене-

ниям и чрезвычайной заинтересованности к экскрементам она не могла. Однако домашние её не могли этого интереса не заметить.

В частности, её дочь Татьяна (Т. Л. Сухотина-Толстая) в своих «Воспоминаниях» отметила, что даже в тех немногих случаях, когда при всём разнообразии вкусов в какой-либо ситуации радовались уже все домашние, мать же, Софья Андреевна, всё равно находила повод посчитать себя несчастной и обиженной. Она же, дочь Татьяна, также записала высказанное отцом, Львом Николаевичем, наблюдение, что жена его оживляется только тогда, когда у кого-нибудь в семье болезнь или расстройство желудка. Состояние же абсолютного счастья, как заметил Лев Николаевич, у Софьи Андреевны, очевидно, наступит лишь тогда, когда дом будет охвачен всеобщим поносом.

Не следует заблуждаться, что эти черты характера развились у Софьи от совместного проживания её с графом Львом Николаевичем Толстым. Всё это проявлялось у неё и до её замужества. К рассмотрению этих многочисленных и отчётливых проявлений мы вернёмся несколько позднее. Вообще говоря, обострённый интерес к испражнениям есть вернейший признак (как то показали клинические наблюдения) деструктивного состояния души, поэтому все виднейшие психоаналитики мира пытались в рамках своих концепций этот интерес объяснить. Скажем, Фрейд, который во главу угла ставил ли-бидозное (так ли уж любовное?) влечение, считал, что развитие человека, то есть смена его интересов, есть следствие последовательной смены эрогенных зон, раздражение которых доставляет приятное удовольствие. Зоны следующие: область рта и губ (оральная возбудимость), область анального отверстия (анальная) и гениталии (генитальная). Зона, от раздражения которой человек получает наибольшее удовольствие, по Фрейду, определяет характер и поведение человека

во всех сферах жизни. Оральная младенческая возбудимость (главное — материнская грудь или соска) сменяется анальной (процесс испражнения становится центральным событием дня) и, наконец, генитальной (начинают работать половые органы). Генитальная возбудимость[^] есть, по Фрейду, высшая точка развития человека и признак душевного здоровья, а отклонения связаны с задержкой развития на предыдущих стадиях. Остановка развития на стадии анальной возбудимости приводит к формированию так называемого *анально-накопительского характера*, что проявляется не только в затягивании процессов дефекации (испражнения), но и в жадности, страсти накопительства, влечении к власти, деструктивности, гомосексуализме, садизме и т. п. Таким образом, интерес к испражнениям, рассмотрение их как центр и суть бытия есть лишь следствие досадного недоразвития организма. И, естественно, если человеку анально-накопительского типа характера станет плохо, то стоит что-нибудь сломать или попить мочи, и ему становится легче.

Адлер придерживается более традиционной у мыслителей того времени точки зрения, что в основе всего — властолюбие, и потому пришёл к выводу, что стремление к доминированию над ближними, а в перспективе — над всем миром есть злокачественная сверхкомпенсация чувства неуверенности, ощущения своей неполноценности. Чувство же неполноценности появляется в результате подавления ребёнка родителями, это чувство невозможно ничем утолить, но только приглушить. В детстве это возможно только когда рядом оказывается мать, причём в подчинённом положении. Но занятые матери устают развлекать своих чад, им ведь надо заниматься и собой, поэтому ребёнок, чтобы завладеть вниманием матери, выучивается совершать поступки более эффективные в смысле привлечения её внимания, чем плач и крики — он выучивается калечиться или перемазываться испражнениями. Только в

таким случае мать, как по мановению волшебной палочки, оказывается рядом. Таким образом, испражнения приобретают смысл чего-то могущественного, властвующего над окружающим миром, значащего, несущего чувство успокоения, чего-то особо ценного. Своеобразного лекарства от всех бед. Отсюда, всякий человек, не изживший чувства неполноценности, стремится к сверхкомпенсации в материальном мире, т. е. к административной власти, к деньгам как символу власти, к чудотворному магизму и к дерьму (буквальному) как фундаментальному символу этого мышления, а символически — ко всяким нравственно-грязным ситуациям.

Фромм не соглашается ни с Фрейдом, ни с Адлером. По Фрейду, *если* у человека главная эrogenная зона — анальное отверстие, то *поэтому* его влекут специфические способы долевого удовлетворения, деструктивность, садизм и т. п. По Адлеру, *если* мать подавляет ребёнка, то *поэтому* он, начав сопротивляться ей, впоследствии остановиться не в состоянии и превращает в дерьмо всё вокруг. По Фромму же человек *внутренне таков, он деструктивен, поэтому* у него стремление к власти, к подчинению, к испражнениям, ему хочется достичь умопомрачения, подольше посидеть в туалете, перемазаться в испражнениях, кого-нибудь расчленивать и стать гомосексуалистом. Всё это уже следствия, следствия состояния души, не более чем проявления внутренней сущности.

По нашему мнению, теоретические построения Фромма полнее охватывают феномены деструктивного поведения людей и ценностей человеческих сообществ.

I

Феномен некрофилии Фромм в своих трудах рассматривает на примерах Гитлера, Сталина, Геббельса, что явно путь самый простой: Гитлер, которым так восхищалась немецкая нация, после поражения во Второй мировой войне растерял большинство своих со-

ратников. Действительно, в традициях какой культуры принято восхвалять грабителей, разоривших собственную страну?

Но не все яркие некрофилы при жизни проигрывают. Поэтому и после смерти они остаются несомненными объектами восхищения. Многие — и Софья Андреевна Толстая (урождённая Берс) в том числе.

Образ мышления некрофилов отличается от мышления биофилов: удовольствие некрофилы получают не только от искажения языка (матерщина, слащавое бляение дамских изданий, канцелярит), но и от искажения правильной мысли (не путать с парадоксами!). Так во всём, поэтому их принципы, в конечном счёте, можно свести к следованию или преступлению заповедей Десятилетия. Для биофила религия — это общение с Богом, Истиной, следование Ей, жизнь праведности, *естественным*[^] образом не противоречащая заповедям: не кради, не убий, не прелюбодействуй, не ври, не завидуй — и остальным. У некрофилов иначе. Они могут быть нерелигиозны, но так бывает далеко не всегда. Даже, наоборот. Яркий некрофил религиозен чаще, чем неяркий, поскольку религия подсознательно извращается им в *отрицание жизни* или в способ возвышения *над* ближними: дескать, вы убогие, не познали, что я познал... Он получает повод внутренне перевоплотиться в нечто более значительное, чем все окружающие. Об этой психологической технике мы поговорим позднее.

Так вот, если некрофил религиозен, — он получает удовольствие не только от унижения окружающих, но и от *искажения Божьей заповеди*. Некий очень болезненного вида тощий индивид, которого можно было бы назвать сектантом, если бы вся его секта не ограничивалась им и его приятелем, самовыразился блестяще: «Исполнение заповеди Божьей именно в том и состоит, чтобы её нарушить». В этом — удовольствие. Некрофий-лическое. Таких «тощих» среди верующих гораздо

больше, чем может показаться на первый взгляд. Вспомните пыточные камеры инквизиторов, ложь иезуитов и нравы, бытующие в женских монастырях, о которых даже католические историки не могут не сказать, что они по разврату превосходили публичные дома, Для корректности дальнейших рассуждений есть смысл договориться о значении терминов. Слова-синонимы по смыслу далеко не тождественны, оттенки — различны. Мы попытаемся разъяснить оттенки употребляемых в нашем тексте не вполне синонимичных терминов. Некрофилы. Термин указывает на свойство этого типа людей хотя бы что-нибудь, но «любить» [филед]. Хотя к чему-то они да тянутся. И это *что-то* — разрушение, вечное небытие, смерть [некрос].

Подавляющие индивиды. Термин обращает внимание читателя на то их свойство, что в межличностном общении они стремятся подавить, энергетически подмять волю и разум собеседника или собеседников. Поскольку в межличностном общении значимы не логические построения, а лишь психоэнергетическое подавление, то подавляющие индивиды не скупятся на сколь угодно сладкие и правильные слова. После общения с ними необходимо не забыть методами психокатарсиса освободиться от психоэнергетических травм. В некоторых системах психологии вместо «подавляющего индивида» прижилось иное сочетание — «подавляющие личности». Нам же кажется, что «личность» — это чрезмерное преувеличение, даже если речь идёт о ком-то общепризнанном.

Антисоциальные индивиды. Это понятие указывает на истинное, хотя и скрываемое (час#о подсознательное), отношение некрофилов к обществу как общности индивидуальностей, а также к роли этих людей в обществе как целом. Не только Штлер как властитель общества, социума, был антисоциален. Ярко антисоциален каждый десятый и даже пятый.

4 Сефирот

Подонки (происходит от слова «дно»: «придонки» или «чернь»). Неоднородность населения не одно тысячелетие привлекает внимание мыслителей. В трудах писателей античной культуры, культуры, которую по глубине философской мысли — причём ясно выраженной — так ^{не} смогли превзойти последующие века, интерес к Неоднородности населения выражен отчётливо.

Некрофилы, как правило, при деньгах, а ту их часть, у которых денег нет, называли «подонками» или «чернью». Обеспеченные некрофилы эту «чернь» презирали. Подонки, напротив, презирали обеспеченных. Часто «подонков» отождествляют с «народом», потому что они (вспомните зазывал, нищих и коммунистических вождей), точно так же, как и князья, в состоянии население за собой увлечь. Механизм тот же — энергетический. Отсюда необходимо разделение смыслов термина «народ», коих, как минимум, два. К этому выводу мы неизбежно приходим, размышляя над текстом Евангелия. С одной стороны «первосвященники и начальники» не решались открыто схватить Иисуса, «потому что боялись народа» (Лук. 22:2), а с другой стороны, в той же главе (Лук. 22:47) написано: «Когда Он ещё говорил это, появился народ, а впереди шёл один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошёл к Иисусу, чтобы поцеловать Его». Тут, очевидно, речь идёт о совершенно ином народе, не о том, которого боялись священники и начальники. Далее в 23:33-35 Лука пишет: «И пришли они на место называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий. И стоял народ и смотрел». Поскольку на казнь, очевидно, пришёл весь город, то тут под словом «народ» подразумеваются люди обычные, то есть некрофилы не настолько яркие, чтобы открыто проявлять потаённые глубины сердца и при свидетелях требовать казни Христа. Иными словами, это. были некрофилы

жухлые, которых первосвященники и начальники боялись, основная часть любого народа, жизнь которых — *стоять и смотреть*. Это всё, что им обычно, кроме работы, позволено. Некрофилы яркие, то есть та самая «чернь», «подонки» — ярче жухлых, они в состоянии добровольно и с радостью прийти и арестовать Христа, они — неизменная составляющая любого общества, любой исторической эпохи. Теркин «подонки» подчёркивает ту сторону феномена некрофилии, что подавляющие индивиды далеко не всегда стремятся занять доминирующее положение в казённых иерархиях. Есть род некрофилов, которым достаточно быть в грязи.

Начальники. Это слово тоже указывает на определённую сторону некрофилии. *«И стоял народ и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники...»* (Лук. 23:35). Библейские авторы, похоже, неплохо разбирались в феномене некрофилии. Или умели наблюдать.

Император. Это слово, по сравнению со словом «начальники», несёт в себе существенно больший заряд сарказма. В Библии символ дракона указывает на способность сатаны принимать форму государственной системы. Во главе её, разумеется, стоит *человек*, начальник над начальниками — император. Император Тибериус, утвердивший на должность наместника Иудеи Понтия Пилата (того, который казнил Христа), был гомосексуалистом и развлекался резнёй ни в чём не повинных людей. Император Нерон, по приказу которого среди многих прочих был казнён и апостол Павел, уже к тридцати своим годам вынужден был прибегать к невероятным ухищрениям, чтобы возбудиться — и, похоже, безуспешно. Гитлер тоже и той же компании. О Тамерлане и Сталине мы уже упоминали. О половой ущербности Наполеона ещё скажем. Словом, императорам несть числа, но все они какие-то одинаково ковенские, шаблонные, как будто с одного клише отпечатанные. Разумеется, перед летописцами все они ло-

4*

мали разного рода комедии, рационализируя свою страсть к убийствам. Также они пытались скрыть свою неспособность в той области жизни, в которой труднее всего быть лжецом, но и тех крох истины, которые достались историкам, достаточно, чтобы сказать: да, это были действительно *императоры*.

Император отнюдь не противоположность черни, в особенности в нравственном отношении. Чернь упивалась казнями аристократов, но полагала, что обожает Ъ*берия за, якобы, справедливость; после самоубийства Нерона народ о нём вспоминал не одно десятилетие как о прекрасном человеке; за Тамерланом шли убивать плотной стеной и добровольно; Гитлера и Сталина боготворили, и толпы преклоняющихся текли нескончаемыми полноводными реками; а Наполеону благие побуждения со слезой умиления приписывали даже те народы, которых он утопил в крови.

Справедливости ради стоит заметить, что император — профессия редкая. Если уж говорить об императорах, то тем более надо вспомнить о представителях несколько более распространённой профессии — тру-порезчиках. Это те, которые подготавливают трупы к последнему их целованию родственниками: вырезают быстро загнивающие внутренности и т. п. Трупорезчи-ками, как и императорами, становятся по призванию: им *это* нравится. Императоры и трупорезчики — это почти одно и то же. Только инструменты и форма одежды разные.

Садомазохисты. Термин ёмкий и употребляется в тексте для того, чтобы подчеркнуть распространённость и многоликость сексуально окрашенной некрофилии. Вряд ли найдётся хоть один обыватель, который бы не знал, что для получения сексуального удовольствия садисту нужно *мучить*, а мазохисту — *мучиться*. Однако распространено заблуждение, что садомазохизм столь редко в жизни встречается, что существует преимущественно в репортажах газетчиков.

Также распространено мнение, что бывают либо садисты, либо мазохисты. В изложении газетчиков именно так и получается. Только убогое состояние интеллекта публики позволяет такого типа газетчикам оставаться популярными. Но это не повод считать, что эти два удовольствия — садо и мазо — существуют независимо друг от друга. Наоборот! Одно без другого не существует! Грозный на службе майор — дома абсолютное ничтожество и пустое место, половик для ног и прихотей жены. Повелитель Европы Гитлер, подписав для подбострастных подчинённых очередной приказ об уничтожении миллионов людей, вечером становился на четвереньки перед актрисой и говорил, что он дрянь; о руководящих способностях гомосексуалистов повторяться не будем. Итак, термин «садо-мазо» — указание на сексуальную сторону жизни подчинивших себя некрофилии, а кроме того, на всеобщую распространённость и всеобъемлемость явления любви к разрушению.

Авторитарный человек — наиболее широкое понятие, полностью совпадающее с общепринятым значением этого слова. Такой человек любит не только командовать, но и подчиняться. Этот термин более указывает на поведение индивидов вне постели: на производстве, в политике, на стадионе, в магазине и храме, на приёме у врача.

Говнюки. Некоторые могут посчитать этот термин исключительно народным, другие, наоборот, — научным. Мы придерживаемся последнего мнения. Верность же народного слова о великих мира сего говорит о том, что нет необходимости быть книжным человеком, чтобы догадаться о сути происходящего вокруг. Что касается термина как такового, то его не чурался и сам Лев Толстой. Чтобы, в этом убедиться, достаточно заглянуть, скажем, в его рассказ «Свечка».

Признанные — особое в этой книге слово. Оно указывает на относительность знания, а главное, на отно-

сительность выбора людьми авторитетов. Познание о некрофилии даже при лишь интуитивном постижении противоположного начала неминуемо должно привести к переоценке существующих авторитетов. Понять, что превознесённые народом и чернью индивиды — артисты, пидвители, учителя и прочие говнюки — стали признанными только потому, что они некрофилы, не сложно; сложнее переоценить ближайшее своё окружение. Это не просто - после пятнадцати лет восхваления перед всеми своими знакомыми своей жены (как Толстой) признаться, что поклонялся злу, обману, лжи... А если некрофилка — мать? Или — брат? И так, *признанные* — один из центральных в последующем тексте терминов. Ожидается, что всякий раз, когда читатель будет встречаться с ним в тексте, у него будет возникать желание перепроверить, а так ли уж на самом деле достойны признанные толпою признания от мудрых. А может быть, феномен «признания» — лишь следствие психоэнергетического принуждения?

Проститутки. Небезызвестный Отто Вейнинггер, 23-летний доктор философии, который застрелился после того, как написал свою известнейшую монографию о ничтожестве женщин «Пол и характер», пришёл к выводу, что из двух основных женских типов: мать и проститутка — самый привлекательный последний, проститутка. Ведь именно они, по Вейнинггеру, хоть как-то замечают мужчин. «Матерям» — так тем замечать попросту *нечем*. (Классическую «мать» интересует только власть, и ребёнок ей нужен исключительно как объект полного подчинения. Поэтому мужчина «матери» нужен *только* для однократного участия в производстве ребёнка.) Проститутки, действительно, подражают элементарным женским функциям. Но, как говорится, не приведи Господи с ними расслабиться — психоэнергетическая травма обеспечена. А если не расслабиться — то какое же *это* удовольствие? Достаточно зарабатывать древнейшей профессией могут толь-

ко те, кто в условиях значительной конкуренции в состоянии внушить, что им есть за что платить, что их услуга наиболее ценная. Таким образом, ценность проститутки определяется силой её некрополя. Следовательно, те женщины, о которых внушено, что они са-мые-рассамые *женщины*, как это ни парадоксально, самые, в области секса, бездарные. Этот парадокс, возможно, останется недоступен для понимания большинства. Чтобы этот парадокс освоить, необходимо рассмотреть, перечувствовать, вобрать принцип противоположный. Этот принцип можно назвать биофи-лией. Его можно назвать творчеством. Можно — истиной. А можно — и жизнью вечной.

Отто Вейнингер ошибся: его «мать» вовсе не противоположность «проститутки». Это две роли, присущие женщинам одного типа характера, по Фрейду — анально-накопительского. Вейнингерова «мать», родив ребёнка, обретает убедительный повод получать содержание, которое более стабильно, чем заработки проститутки. К тому же, своё отвращение к здоровому мужчине она может прикрыть жалобами на усталость от домашних хлопот, из которых следует, что муж сам же во всём и виноват. Если он настолько глуп, что или начинает сам самоотверженно ворочать по хозяйству, или нанимает для этого прислугу, то «мать», стремясь сохранить своё положение «переутомлённой», воспитывает своего ребёнка беспомощным. Если этого недостаточно, то «мать» обычно встраивает ребёнка в такого рода неприятности (наркомания, увечья), разрешая которые, она действительно тратит все свои силы; и она *не может*, предпочитая пробавляться онанизмом или иными анальными развлечениями. |

А с какой лёгкостью «проститутки» превращаются в «матерей», и обратно — из «матерей» в «проститутки»! «Проститутки» более динамичны, чем «матери», поэтому неудивительно, что жизнь обитательниц публичных домов привлекала внимание всех значительных писа-

телей. Вспомните хотя бы «Преступление и наказание» Достоевского, «Яму» Куприна, «Воскресение» Толстого. Чего у «проститутки-матерей» не отнять, так это умения, подавив критическое мышление, вызывать сильнейшие эмоции (скажем, тот же Лев Толстой у кровати своей первой проститутки (в отличие от других — платной, в публичный дом его привели братья) разрыдался), и мы утверждаем, что страстно влюбляются только в проститутку.

Глава девятая СТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТАК НЕ ЛЮБИЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Есть вещи, которые становятся понятны только с возрастом. Ничего особенного делать не надо, необходимо просто физиологически сформироваться. Ребёнку, скажем, девочке, страстно баюкающей свою любимую куклу, сложно объяснить, что в одно прекрасное утро она проснётся и вдруг, неожиданно, без всяких переходов, поймёт, что детство уже кончилось и что кукла, которая ещё вчера заполняла для неё весь мир, всего лишь только кукла и не более того. И что отныне ей станут интересны только те вещи, которые она прежде, морща носик и с особой интонацией в голосе, называла «взрослыми». А есть познания, которые приходят только с жизненным опытом. Гений отличается от современников, кроме прочего, ещё и тем, что он *ВИДИТ* больше и многие вопросы понимает глубже, чем окружающие. И вряд ли когда-нибудь его смогут понять многие. Сколько бы публика ни повторяла имени Христова, — Он знал наперёд: Истина так и останется для большинства непонятой.

Толстой ставил перед собой существенно более скромные задачи, чем Христос, но, тем не менее, и они были столь значительны, что оказались недоступны для обывателей.

• Из серьёзных исследований о Толстом мы узнаём, что он был чуть ли не *единственным* в мировой литературе писателем, который выступил против страстной любви! И действительно, уже этот достигнутый гением уровень познания жизни не может не вызвать к его выдающимся романам и даже просто их сюжетам исключительного интереса.

Мало кто из читателей «Войны и мира» знает, что Л.Н.Толстой начинал это замечательное произведение как роман о декабристах, книгу о людях, которые, как он верил, в 1825 году совершили исторический поступок, за что потом расплачивались бесконечными годами каторги в рудниках. Да, Толстой собирался писать о 1825 годе, но «Война и мир» оканчивается событиями памятного 1812 года, и только в эпилоге, незначительном по объёму, он показывает своих любимых героев в 1820 году. Отказался ли Толстой от своего замысла? Никоим образом! Не отказался, потому что гения волновали не столько внешние события 1825 года, сколько события внутренние, становление душ тех, кто смог решиться на героический поступок на Сенатской площади, *на протест против подавления одного человека другим*.

Да, дворяне — высшее сословие (и потому, как многим кажется, избранники судьбы) — после Сенатской площади пошли разве что не добровольно в рудники, но, что ещё поразительней, их жёны, которым царь подсказывал от мужей отречься, последовали всё-таки вслед за ними в Сибирь. За предательство своих мужей царь сулил женщинам оставить их жить в красивом городе Санкт-Петербурге, оставить с сохранением всех прав, — а что женщинам, согласитесь, ещё нужно? — но от тех, кому перед Богом обещали быть верны в любых трудностях, отреклись не все. Многие, но не все.

Итак, замужем за некоторыми из декабристов оказались женщины не совсем обыкновенные, точнее, совершенно необыкновенные: они сохранили верность мужьям и, несмотря на трудности, отправились за ними, чтобы хоть как-то облегчить их участь.

Вполне естественно, что всякого мужчину интересует, какова же та редкая женщина, которая не предаёт? Если нет возможности полюбоваться на такую в собственной жизни, то хочется хотя бы представить или почитать о такой в умной книге.

В «Войне и мире» есть героиня, которая у разных читателей вызывает самые противоречивые оценки: одни, и их большинство, считают её взбалмошным существом, которая, да, была, непонятно почему, симпатичной в юности, но потом, выйдя замуж за Пьера — и почему ей такое счастье, такого мужика? — совершенно «опустилась»: только муж да дети её и интересуют. Муж, дети и опять муж, словом, ничего от женщины, достойной поклонения. Да и вообще — несколько шлю-ховата: то Борис, то Пьер, то князь Андрей, то Анатолий, потом опять Пьер...

Другие воспринимают Наташу Ростову совершенно иначе: милая она и прекрасная.

У Толстого любимый герой, безусловно, Пьер: в первой молодости — толстяк и неуклюжий, по-юношески наивен, и потому им управляет любая оказавшаяся рядом гадина; неудачным был первый брак с Элен, с этим расчётливым, холодным и развратным чудовищем, которому поклонялись все мужчины петербургского света. Но вот Пьер — граф и добряк, который прошёл через ужасы французского плена и много в тех страданиях осмысливший — в конце «Войны и мира» был награждён наивысшим из земных благ — хорошей и преданной женой, Наташей Ростовой.

Пьер — это сокровенный Лев Николаевич, поэтому, в сущности, так одаривая своего любимого Пьера, Толстой, в мечте, награждал себя. В мечте, потому что

у него самого, женившегося по страстной любви, семейная жизнь сложилась несчастливо. Когда гений, осознавая несправедливость владения имуществом, которое он не только не наживал, но и предкам его оно досталось несправедно, решил раздать это имущество бедным (своеобразная Сенатская площадь с последующей Сибирью), жена ему в этом (в Сибирь) не последовала, воспротивилась, отравляя впоследствии существование не одно десятилетие. Любила ли она его? Многие, утверждающие «да», доказывают это, в том числе, тем, что она не могла заснуть, не прочтя всё, написанное великим писателем за день. Утверждающие «нет» рассказывают, *как* жена каждодневно унижала своего мужа. То, что Софья Андреевна издевалась над мужем, соглашаются все исследователи, но ей симпатизирующие утверждают, что началось это в последние год-два жизни Льва Николаевича, когда с её стороны началось откровенное хулиганство, когда она ломала вещи, имитировала бесконечные самоубийства и повсюду разносила скабрёзную выдумку, что Лев Николаевич — гомосексуалист. Этим же исследователям нравится утверждать, что это Лев Николаевич свёл жену с ума своими идеями.

Нет, издеваться Софья Андреевна любила ещё до замужества (подробнее об этом в следующих главах); соответственно, этим занималась не только в последний год земного существования мужа, но и всю свою 48-летнюю с ним жизнь. В первый период супружества она беспрестанно обвиняла мужа в развратности и развращённости, что, по её мнению, следовало из его желания иметь детей, а ведь она — ведь все же видят, она не скрывает — и без детей, несмотря на обилие прислуги, так обременена, так обременена... Да и не здорова... Гинекологически... Устала... А он — постель, дети! Сволочь развратная! Она же возвышенное существо, и никакие мужчины ей не нужны. *Она так несчастна...*

Если Софья Андреевна в первый период своего супружества всех поражала демонстрациями своей болезненности, то во второй, наоборот, - демонстрациями своего неуёмного здоровья (скачки на лошадях и т. п.) и её как всегда принародными заявлениями, что Лев Николаевич уже старик, а она молодая, ей так хочется мужчину, ей*так хочется мужчину, так хочется... *Она так несчастна...* Вот так. Много — виноват он, мало — тоже он! Он, он! А, главное, виноват!! Казалось бы, между «много» и «мало» должен был быть период когда «как раз». И достаточно долгий период. Но его нет! Как тут не вспомнить (даже без снов с расчленениями и бурных чувств по поводу испражнений) об Отто Вейнинге-ре с его «матерью» и «проституткой»!

Толстой не смирился с таким обращением жены и после 48 лет супружества, в 1910 году, без всего ушёл из дому. Но он был стар и обессилен таким супружеством, поэтому простуды не перенёс и умер на железнодорожной станции, не успев уйти далеко от ставшего ему ненавистным дома. «Войну и мир» Толстой писал уже опытным (как мужчина) человеком: начал работать над романом, когда ему было тридцать четыре года, в первый год после свадьбы, а закончил воспевать Наташу спустя пять лет — в 40. (Совпадение или закономерность — это решать читателю, но нашему Психотерапевту в начале нашей истории примерно столько же — каморка папы Карло случилась у него в 36. Интересное совпадение, если это всего лишь совпадение, а не закономерность!)

Достоинно размышления также и то, что Толстой взялся за поиск образа достойной Пьера женщины — женщины, готовой, оставив всё, следовать за мужем вплоть до сибирских рудников, — уже вскоре после свадьбы, хотя до буквальных измен жены (об этом тоже позже) оставались годы и годы. Взаялся за поиски *подсознательно*, потому что на словах Толстой всячески

хвалил и свой брак, и повенчанную с ним жену. Он что, предугадывал будущее? История жизни Наташи Ростовой — по Толстому — такова. Впервые на страницах романа мы встречаем её тринадцатилетней девочкой. Она темноглаза, темноволоса, очень подвижна и непосредственна, всеобщая любимица не только в семье, но и среди дальней родни. Впервые мы застаём её с куклой в оранжерее московского дома: она просит молодого человека, своего двоюродного брата Бориса, в то время жившего в их доме, прежде поцеловать куклу (она только что подсмотрела, как с её братом целовалась двоюродная сестра Соня), а после того, как он просьбу исполнил, она требует, чтобы он поцеловал и её. Далее следует неременное после первого в жизни поцелуя объяснение в любви и клятва в верности *на всю жизнь*. Однако далее мы узнаём, что Наташа последовательно влюбляется в Пьера (будущего её супруга), в учителя танцев и других.

И вот *первый* Наташин бал. Это, действительно, событие: она надевает «взрослое» платье! На этом балу Пьер, тогда ещё женатый на красавице и чудовище Элен, направляет к Наташе, заботу о которой он добровольно взял на себя, своего душевного друга князя Андрея. Князь Андрей, тридцатилетний вдовец, сумел разглядеть в Наташе удивительную душу, и его разочарование женщинами как рукой сняло. Наташа в князя Андрея влюбляется. (Это и понятно: Пьер занят безнадежно, а Наташино сердце явно ищет высоких образцов одухотворённости и чувства.) Всё психологически достоверно и в этой любовной истории Наташи, даже то, что Толстой избрал именно Пьера, будущего её мужа, чтобы направить к ней своего друга, князя Андрея — у друзей много общего. Здесь для читателя открывается простор для размышления: а возникло бы у Наташи чувство к Андрею, если бы его направил к ней

не Пьер, *будущий*, которому она всегда особенным образом доверяла, а кто-нибудь другой?) Взаимное чувство Наташи и князя Андрея встречается, однако, препятствие: отец князя Андрея, старый князь Болконский категорически против породнения с семейством Ростовых. Князь Андрей уважает своего отца чрезвычайно, и поэтому влюблённые решают отложить свадьбу на год — если уж через год отец не смирится, то они обвенчаются без его благословения. После помолвки князь Андрей уезжает за границу долечивать рану, полученную в сражении, когда, подхватив знамя из рук сражённого знаменосца, он исключительно личным мужеством (так во все времена было принято объяснять подобные феномены) остановил бегущих русских солдат и повёл их в наступление.

Итак, впереди у юной Наташи целый год. Она непосредственна, поэтому даже и не пытается скрывать свою тоску и непонимание, почему она должна пропадать *целый* год, пропадать, когда должна *любить*. Этим чувством Наташа живёт, и вот уже подходит к концу годовой срок. Всё семейство Ростовых в ожидании возвращения князя Андрея перебирается в Москву. В усадьбе остаётся только мать. И тут с Наташей происходит странный, на первый взгляд, любовный вираж, на основании которого столь многие читатели «Войны и мира» приходят к выводу, что Наташа — дура и шлюха. Тем самым, они утрачивают для себя не только весь глубинный смысл самого романа, но и всю особенность подсознательного восприятия людей Толстым. (Подсознательного, потому что всякий большой художник непременно работает в *изменённом состоянии*, он не считает себя обязанным ограничиваться обычным бытовым безмыслием.) Не уразумев, что произошло между Анатолом и Наташей, они не в силах понять, почему же именно Наташа, и только она, есть тот идеал женщины, который высмотрел в этом мире сорокалетний, ко времени завершения романа, гений.

Сразу же по приезде в Москву Наташа с отцом и сестрой идёт в театр. В соседней ложе сидит чудовище красавица* Элен.

Отец Наташи, которого она боготворит, а следовательно, доверяет всякому его слову, сообщает, что Элен — хороша. Как вы думаете, поверила ли Наташа? Разве можно не поверить тому, кому доверяешь?

То, что Наташа боготворит своего отца, в тексте романа нигде прямо не сказано, однако полагать, что великий психолог Лев Николаевич Толстой не заметил, что всякая здоровая женщина выделяет своего отца настолько, что его облик определяет всю её последующую жизнь, было бы уж совсем несправедливо. Отец Наташи был симпатичный человек, но рациональная воля** его была слаба. Проявлялось — по роману — это, в частности, и в том, что он, даже понимая, что тот образ жизни, к которому он привык (охоты, балы и прочее), совершенно ему не по средствам, оказался не

* Кто из поэтов не подмечал, что «красавицы» как-то особенно в семейном отношении неблагополучны, да и дети их часто хронические инвалиды? Понимают это так: уродилась красивая, поэтому несчастлива. Всё есть: поклонение, власть, для самовыражения кроме себя самой ничего не надо. Но ведь можно рассудить и иначе: есть тип некрофилов (актёрского типа), для которых важно, чтобы восхищались именно их внешностью — все и восхищаются. Главный их порок прописан на лице, и именно его оформление (выражение лица, тонус кожи) именуется «красотой». Таким образом, данный индивид — некрофил особого типа, и поэтому все восхищены его внешностью, дружбы в семье нет, дети — уроды. Маска «принюхивания» (брезгливости) — не единственная маска некрофилов. Пример мужчины с постоянно кукол ьно-сладенько-благообразеньким лицом — патологический садист Сталин. Таким образом, «красавица» красива только для тех, кто позволяет ей себя поработать.

** Воля бывает рациональной и иррациональной. Иррациональная воля — это выполнение *подсознательных* установок и внушений. Рациональная воля — это сила к исполнению *осмысленных*, адекватных обстоятельствам намерений.

в силах тот самый образ жизни изменить и тем самым своих детей разорил. Виноват отец перед Наташей ещё и тем, что свою чувствительность он не смог ограничить мировоззрением, которое оберегло бы его самого, а тем самым и его детей, от влияния подобных Элен женщин. Почему, ведь как *отец* чувствительной дочери старый граф[^] *обязан* был это сделать?

Люди не ограничены только пространством своего физического тела. Простейшее тому доказательство — то, что многие матери за тысячи километров чувствуют, когда с их ребёнком приключается беда. Мать чувствует, или, что то же самое, ребёнок за тысячи километров на неё воздействует. В современной терминологии среда, посредством которой передаётся это и другие воздействия, называется энергетическим полем. Чувствительные люди воспринимают это поле обострённее прочих, а предрасположенные ещё и попадают под его подавляющее влияние, если, наученные многочисленными несчастиями, не выработали способов защиты от агрессивных устремлений окружающих.

Что такое *предрасположение*? Как уже было сказано, поведение любого некрофила, в конечном счёте, есть проявление неудержимого влечения к своеобразному удовольствию — к нарушению заповедей Десяти-словия (Закона Божьего). Рассмотрим заповедь «не кради» в приложении к красавице Элен, отцу Наташи (графу Ростову) и судьбе самой Наташи.

Отавным влечением отца Элен князя Василия была страсть к обогащению. Это качество Элен унаследовала и с помощью отца женила на себе Пьера с одной единственной целью — завладеть его состоянием. Как и всякая «красавица», она достаточно цинична и без обиняков заявляет прозревшему со временем супругу, что готова с ним развестись, если его деньги станут её. Поведение её достаточно прозрачно, тем более что всему великосветскому обществу известно неприглядное

поведение её отца князя Василия во время кончины отца Пьера, старого графа Безухова. Тогда князь Василий пытался, подменив завещание, обобрать Пьера и нажиться сам. Всё это не могло не быть известным отцу Наташи графу Ростову. Для всякого человека нравственного, то есть не преступающего среди прочих и заповеди «не кради», Элен — урод, но для отца Наташи, растратчика приданого своих дочерей, она — *хороша*. Осознай отец Наташи свою неверность Богу, исповедуй Ему свой грех и покайся перед дочерью, — и тех несчастий, которые вскоре произошли в жизни чудной и милой Наташи Ростовой, могло и не произойти. Ната-шин грех, как это ни парадоксально, — безоглядное доверие родителям.

Однако всё произошло так, как не могло не произойти. Отец Наташи был человеком чувствительным, в особенности к вора, а Элен была так называемым *подавляющим индивидом*, то есть человеком, который способен энергетически подавлять волю и критическое мышление других людей и превращать их в свои орудия. Толстой об этом говорит в художественной форме в самых первых главах — Элен была центром кружка молодёжи.

Может быть, поэтому, как некоторые полагают, Пьеру дарована внешность силача, он большой и толстый — писатель тем подсказывает, что необходима большая внутренняя сила, чтобы, попав под влияние Элен и даже женившись на ней, тем не менее, суметь объективно оценить это чудовище и, в конце концов, стать тем Пьером, который нам так нравится. И если сильный Пьер не сразу смог разобраться в Элен, в *подавляющих*, то Наташе, видимо, это также было не просто. Итак, Наташа Ростова. В театре, в толпе (а в толпе мы все несколько иные, наше критическое мышление ослаблено суммарным некрополем столпившихся вокруг людей) отец Наташи, чувствительный, но слабовольный и поддающийся под влияния человек, рекомендует

дочери подавляющую Элен. Наташа относится к отцу, как к отцу, и потому переходит в соседнюю ложу, к Элен, где сама как чрезвычайно чувствительный человек (да ещё семнадцати лет) непроизвольно оказывается под энергетическим воздействием гадины. Это, как мы говорили, приводит к дополнительному ослаблению и организма, и критического мышления. Она невольно — сама того не желая — отдаёт себя волнам некрополя и начинает «копировать» скрываемую сущность внешне соблюдающей приличия Элен. Иными словами, Наташа стала неким подобием Элен, *как бы Элен*.

Элен, как и всякая воровка, развратна и неженственна (это сочетание кажется странным только на первый взгляд — оно закономерно, развратник в любви бездарен). Она развратна настолько, что несколько лет назад достоянием петербургского света стала история её интимной связи с Анатодем, своим собственным братом. Инициатором отношений, как обычно и бывает, была сама Элен. Усилиями родственников их разъединили, историю замяли. Энергетически порабощенная юная Наташа должна была проявить сокрытые для внешних хотения Элен.

Теперь представьте себе ложу театра, Наташу, непосредственную, чувствительную, всего семнадцати лет; Наташу, выросшую в семье, в которой она не видела зла, во всяком случае, в откровенной форме; Наташу, привыкшую в вопросах добра и зла полагаться на мнение своих родителей; Наташу, чьё лицо, к счастью, не того типа, который *принято* называть красивым, но на котором отражена красота нравственная, лицо, к тому же, одухотворённое верностью своему жениху князю Андрею, пусть и не суженому от Бога; Наташу, только что вернувшуюся из усадьбы, от естественной жизни природы, и ещё не привыкшую к городу, а тем более к столице, — теперь она вынуждена смотреть на сцену театра, уставленную крашеными досками, которые есть, якобы, сад, и вынуждена слушать французс-

кую садомазохистку с эксгибиционистским оттенком, то есть признанную актрису, которой аплодирует весь петербургский свет, а рядом — похотливое создание, в помыслах совокупляющееся в том числе и с собственным братом и обладающее оглушающе мощной отрицательной энергией, подавляющей всё или почти всё естество милой девушки. Происшедшее дальше Наташа изменить не могла — всё происходило закономерно и как бы помимо её воли.

Начинается опера. Внимание присутствующих сосредоточивается на крашенных досках. Но когда всё смолкает, посреди действия входит, тем привлекая к себе всеобщее внимание, Анатолий, брат Элен. О том, что он плоть от плоти своей сестры, в первую очередь в смысле нравственном, читатели догадываются сразу. Проявляется это во всём: это чувствуется и в том, что он, пренебрегая слушающими, входит во время действия, точнее сказать, употребляет присутствующих для того, чтобы почувствовать себя в центре внимания; это чувствуется и в его осанке, походке, словом, во всём; и чем дальше идёт повествование, тем больше мы узнаём в нём не столько его сестру Элен, сколько некий *тип* безнравственного человека, научившегося и привыкшего подавлять волю оказавшихся в сфере влияния его порочной энергии. Жаждавшие внимания и поклонения часто проницательны, это вырабатывается практикой: надо уметь сразу различать слабые стороны человека, чтобы, зацепившись, навязать ему свою волю. Анатолий взглянул на Наташу, узнал в ней доверчивого человека, и ещё — может, не осознавая — не столько Наташу, сколько свою любовницу — сестру Элен. И он захотел её (Элен или Наташу?). Наташа встретилась взглядом с Анатолием, конечно же, никак не предполагая, что смотрит на мир уже не своими добрыми глазами, а взором женщины, которая только что овладела её волей и подавила

критическое мышление. «Элен» смотрела на «своего» брата, и возникающее у неё в груди чувство посчитала влюблённостью. В самом деле, разве могут молоденькие девутпки иначе назвать *любое, какое бы то ни было* возникающее у них в груди *чувство* к человеку противоположно^ пола? А тем более если это чувство — *восхищение*, кбторое в некрофилогенной культуре считается наиважнейшим?

Это — травма, и отныне Наташа всё видела иными глазами: крашенные доски на сцене казались прекрасным садом, дрянная опера — обогащающим душу действием, а французская садомазохистка с эксгибиционистским оттенком — кем-то возвышенным.

Далее Наташа и Анатолий несколько раз встречались на людях, при этом, как можно догадаться из описаний Толстого, Наташа полностью утрачивала некоторые свойства, которые в здравом уме, то есть полностью себя контролируя как личность, она бы никогда не захотела утратить — она утрачивала стремление следовать определённым нравственным принципам.

Потом было тайное письмо, был составлен план её похищения из дома с целью скрыться за границей. Предполагалось даже фальшивое венчание — Анатолий был уже прежде женат, и тоже тайно, но он, разумеется, скрывал это. Было приготовлено всё: шуба, тройка лошадей, вино. Однако судьба пощадила Наташу: родные прознали про готовящийся побег и в самый последний момент Наташа была спасена от, изящно выражаясь, некоторых неприятностей. И тут происходит то, что родные никогда от Наташи не ожидали, да и читатель тоже. Наташа кричит, нет, визжит, что все её не любят, не хотят её счастья, и вообще — она всех ненавидит, ненавидит, ненавидит! Такие слова! И от кого? От Наташи!!

Хорошо, мы с вами теперь понимаем, что визжала не Наташа, а визжали Элен и Анатолий, или, в нашей с вами терминологии, Наташа телом памяти, замусо-

ренным некими *предметами* от Элен и Анатоля. Но читатель непроницательный этого не чувствует и приходит к выводу что это Наташа дура и гадина.

Наташу спасает Пьер. Он сообщает, что Анатоль женат, и тут — видимо, во многом благодаря собственно присутствию Пьера, а его воздействие прямо противоположно воздействию Элен и Анатоля — Наташа вдруг начинает осознавать, что с ней произошло что-то дурное, нехорошее. Но от долгой болезни, в результате которой она чуть не умерла, уже ни родные, ни Пьер её не могли уберечь. Свадьба расстроилась, князь Андрей Наташу стал презирать, от неё удалился и только искал случая вызвать Анатоля на дуэль и убить его.

Что же происходит с Наташей дальше?

По счастью, от болезни она оправляется, и, пользуясь выражением Льва Толстого, — правда, высказанным по поводу другого в жизни Наташи эпизода, — встаёт «с обновлённой нравственной физиономией». Что это так, очевидно и из дальнейших её поступков.

Начинается Отечественная война 1812 года. Бородинское сражение столь кровопролитно, что после первого же его дня доселе непобедимые французы более не в силах наступать. Тем не менее, спасти Москву от захвата её французами не удаётся. Москвичи спешно оставляют город, настолько заботясь о своём имуществе, что для раненых из госпиталей, в том числе и для офицеров, повозок не достаёт. (Малоизвестный факт: при сдаче Москвы Наполеону в ней было оставлено 23,5 тысячи русских, раненных в Бородинском сражении, которые большей частью сгорели заживо во время пожара столицы.) Ростовы покидали родной город среди последних. Спешно увязывались многочисленны[^] возы, взятые из родовых поместий. Для раненых, по мнению домашних Наташи — и отца, и матери, и Сони, и всех прочих, — места нет. И тут Наташа, может быть впервые, сделала то, на что обычно не решается абсолютное большинство девушек: она, в *хорошем* смысле, восста-

ла против авторитета родителей (отец — вор, но, как все кругом это называют, добряк и широкая «барская» натура) и уговорила, умолила и выстыдила своих родителей бросить драгоценную обстановку графского дома и отдать телеги под раненых. Да, именно восстала, поскольку тот тайней побег с Анатолом, как это на первый взгляд ни парадоксально, был не восстанием против воли родителей, а, наоборот, высшим проявлением преданности им, именно, следованием их образу мыслей, тому образу мыслей, в котором для раненых в веренице повозок со скарбом места не остаётся.

Наташа ещё не знала, что судьба распорядилась так, что вместе с ними ехал и раненный в низ живота князь Андрей. Не знала она, не знал и он, и они долго ехали из оставляемой французам столице всего в нескольких шагах друг от друга. Но они встретились. Наташа просила прощения — за что? — она просила прощение за нечаянную неверность и была прощена. Она не отходила от постели тяжело раненного князя. Но всё-таки он умер.

Дальше? А дальше суженого своего Наташа всё-таки обрела, суженого истинного, которого предчувствовала, начиная от первого своего влюбления ещё в детстве. Пьер всегда, даже когда Наташа была ещё маленькой, любовался ею. Наташе не мог простить её «измены» князь Андрей, не могут этого сделать и большинство современных читателей, но Пьер, добряк, а потому умница, много читающий человек, похоже, этого даже и не заметил. Но понимание того, что у Наташи с Анатолом было не более чем несчастье, — завоевание не только ума очень образованного, но прежде всего обретшего «нравственную физиономию», — ему достаточно было просто *воспринять* Наташу, *какая она*, и он понял, что *прощать* было нечего. Для добряка и умницы она была прекраснейшим человеком на земле.

Судьба участников этого «многоугольника» следующая: Анатолю во время Бородинского сражения ам-

путируют ногу, и он впоследствии умирает. Князь Андрей, как мы уже сказали, умирает, успев Наташу «простить». Общеизвестная красавица Элен решает развестись с Пьером и выйти замуж сразу за двоих, для чего она духовно «прозревает» и обретает истинную по своей душе религию, и притом самую массовую — католицизм. Но, не успев оформить со всеми этими мужчинами связи, она умирает от модной в то время болезни, освободив тем самым Пьера. Пьер становится сектантом в высоком смысле этого слова, то есть пытается мыслить самостоятельно, *не как все*, мужает, наблюдая жизнь и размышляя; между ним и Наташей возникают, наконец, те взаимоотношения, к которым они были предызбраны от начала, — и они женятся в 1813 году. В последний раз мы их видим в 1820-м, окружёнными детьми, — Наташа вся в муже, Пьер всё больше умнеет. До событий, породивших слово «декабристы», остаётся около пяти лет, но проницательный читатель уже догадывается, что декабристами будут не только Пьер, но и воспитывающийся рядом с ними сын князя Андрея от первого брака, юный князь Николай Андреевич. Соответственно, та женщина, которая оставит все удобства жизни ради того, чтобы облегчить участь мужа в Сибири, — это нежная и милая, но многими не понимаемая Наташа. Достоин ли будущий специалист по психокатарсису общения с гениальным текстом Л. Толстого? Нам кажется, что достоин. Некто однажды спросил Толстого, о чём его роман. На это Толстой ответил, что если бы он мог рассказать содержание кратко, то так бы и поступил, а не стал бы столь много сил тратить на работу над целой книгой. В этих словах заключена большая мудрость. Действительно, человеческий понятийный язык хоть и богат, но по сравнению с необъятностью жизни, человека и Вездесущего Бога ограничен. И именно поэтому художественный *образ*, в особенности если он создан тем, кому предназначено их создавать, будет

нести в себе глубины, недоступные языку понятийному А глубина восприятия — это как раз и есть то, чего достоин психотерапевт. (Психотерапевт не в смысле ежемесячно оплачиваемой специальности, не в смысле строки из единого перечня профессий, а в ином — высоком.)
Что же*касается того эпизода с Наташей, где крашенные доски и тряпки стали ею восприниматься как красота жизни, то это последние несколько десятков страниц второго тома «Войны и мира». Очень рекомендуем.

И последнее: со слов критиков мы узнаём, что в художественной литературе Л. Толстой чуть ли не единственный значительный писатель, который выступил против страстной (безумной) любви, а именно так можно — и следует — называть «любовь» Наташи к Анато-лю. (Второй образ — страсть Анны Карениной к безнравственному Вронскому. Ничего кроме горя, причём многим, детям Анны прежде всего, эта страсть не принесла.) Толстой не был разрушителем, следовательно, выступая *против*, он пытался утвердить, хотя бы в себе самом, некую иную любовь, более высокую. Как мужчину, его, безусловно, более волновали женские образы, чем мужские (его Пьер сказал, что главная страсть его жизни — женщины), — и у писателя для поиска впереди были десятилетия. И можно не сомневаться, что больше всего он размышлял, погружаясь в глубины своего сердца, постигая свою любимицу — Наташу Ростову.

Ту самую, с которой в жизни он так и не соединился.

Верил ли он, что *такая* женщина существует?

Или её *видел*?

Он, уже женатый человек?

Женщины Толстого чувствительны. Часто, чтобы *видеть*, им даже не нужно *смотреть*. Кити объяснялась в любви с Левиным длинными фразами, не произнося слов, а лишь чертя мелком на картонном столе одни их начальные буквы. Левин делал то же самое, и они понимали друг друга. (Этот момент отнюдь не автобиог-

рафический, как может сложиться впечатление после прочтения мемуаров Софьи Андреевны, жены Толстого, и её сестры. Они обе написали, что именно таким образом Лев Николаевич и делал предложение Соне. Но написали они об этом спустя много лет, после прочтения «Анны Карениной», а *непосредственно после* объяснения записал один лишь Лев Николаевич, и смысл был тот, что Соня его понять не смогла. Это была несбывшаяся мечта его жизни — чтобы женщина понимала его с полуслова. Что до воспоминаний сестёр Берс, то у женщин всегда так: проходит время, и они вспоминают то, чего не было, и рассказывают о том, чего хотелось бы, чтобы случилось.) Долли, сестра Кити, тоже чувствительна, она наперёд знала, кто за кого выйдет замуж, даже тогда, когда к тому не было никаких внешних признаков. И даже отрицательная Анна Каренина чувствовала больше, чем видела.

Так и Наташа. Она *знала* на много лет вперёд про то, что предполагаемый между Соней и братом Николаем брак не состоится. (Считывала незыблемый настрой матери, пусть даже невысказанным пожеланием которой сын был не в состоянии перечить?) Наташа и воспринимала людей особенно, и даже особенно их описывала. Скажем, ещё девочкой она говорила, что Пьер — он тёмно-синий с красным, квадратный. Это развитое ассоциативно-образное мышление. Как и у нашей Возлюбленно[^], столь, как читатель впоследствии убедится, на Наташу похожей.

Мы симпатизируем Наташе с момента её перед нами появления. Почему так? Есть ли к тому основание? Или мы, угадав в тексте Толстого присутствие созвучной нашей душе особенной ноты| восприятия мира, смотрим на юную Наташу глазами Льва Николаевича, который знал конец от начала? Скорее последнее: вначале Наташа ничем не отличается от своих сверстниц, которые ни у нас, ни у Льва Николаевича тёплых чувств не вызывают. Наташа ничему не научи-

лась ни с Друбецким, ни с князем Андреем, ни с Анато-лем. Она как Элен, как Анна Каренина, как, в конце концов, мать Наташи — графиня Ростова — подобно многим другим могла ничему не научиться вплоть до самой своей смерти. Но тогда бы *Наташи* не было. Только ^ «обновлением нравственной физиономии» Наташи перестала быть женщиной, каких много.

Глава десятая ГИТЛЕР И ЕГО ЖЕНЩИНЫ

Есть на свете такая страна — Германия. Все её жители слышали о Гёте, Вагнере, Бахе и немецкой философии, а потому считают себя культурным явлением планетарного масштаба.

По соседству с этой страной культурных людей, в Австрии, 20 апреля 1889 года родился человек, тоже немец. Его считали сначала талантливым, а потом и вовсе гениальным. Он защищал Родину, писал картины, работал над книгами, которые бурно распродавались, вносил ценные усовершенствования в конструкции различных автомобильных двигателей, йод его руководством возводились небывалых размеров постройки, в стране, когда он стал её правителем, не стало безработицы.

Он обладал и паранормальными способностями: пронизательностью, граничащей с чтением мыслей, и способностью предвидеть будущее, что люди определённого склада ума считали и считают несомненными признаками Божьего человека.

Этот человек был очень галантен с дамами: всегда целовал им ручки и в их присутствии никогда не позволял не только себе, но и всем присутствовавшим не то что сальностей, но и даже *слов*, хоть как-то связанных

с генитальной темой. Женщины, которые, как в прежние тысячелетия, так и сейчас, говорили, что любят всё только хорошее, ставили своим мужьям в пример этого неутомимого труженика. Обоснованность своих слов немецкие женщины доказывали известным женским свойством тонко чувствовать.

Да, женщины были слабостью этого человека. Весь Берлин обсуждал справедливо то или несправедливо, чтобы пенсия на его детей от нескольких неофициальных жён выплачивалась из средств государства, а не из его собственных. Приходили к выводу, что справедливо. В конце концов, может же человек, столь много сделавший для фатерлянда, иметь слабости? И разве великий человек может хоть в чём-то быть не великим?

Многие женщины Германии свою мечту об интимности с ним объясняли якобы желанием родить от него ребёнка. И столько о предложении с ним близости писали ему писем, что ему не хватило бы и самой жизни, чтобы их все прочесть.

Но всё-таки многих он осчастливил. Да, у этого человека было множество женщин — сотни, и даже тысячи. И они могли рассказать о своей с этим необыкновенным человеком близости, прежде всего потому, что он их не убивал.

Он убивал других: немцев, французов, чехов, словаков, поляков, русских, евреев, цыган, украинцев, узбеков, эстонцев — список огромен. Таких массовых убийств в истории человечества ещё не было — десятки миллионов людей. В лучшем случае их по его приказу расстреливали, но часто сначала долго везли в вагонах, прежде чем, в досталь наиздевавшись| отравить в газовых камерах. Младенцев возили редко, чаще просто брали за ножки, и, размахнувшись, разбивали головки об угол ближайшего строения.

О подробностях его жизни сохранилось множество свидетельств: он не только сам часто сдавал ана-

лизы, но и следил, чтобы это делали и подчинённые. Поэтому, если ниже в тексте вы прочтёте, что он сильно ревновал свою секретаршу к офицеру, в крови которого не нашли мужских гормонов, то и это подтверждено документально.

Объём свидетельств огромен, огромно и число исследований* особенно академических, — оно перевалило за десятки тысяч. Мы не хотим повторяться: за фактическими данными интересующихся отсылаем к специальным работам — библиография огромна.

Наша цель — порассуждать над такими фактами из жизни этого человека, которые скрыть трудно и которые позволяют снимать маску с ему подобных. Наша цель — научить видеть и анализировать всякого, кто не хотел бы иметь ребёнка от такого, как Гкт-лер, ничтожества.

При этом мы вынуждены называть вещи своими именами. Это требует определённого мужества, потому что мы знаем, что подобный диалект вызывал неприязнь не только у Гктлера и его женщин, но и во все времена и во всяких народах был неприемлем для им подобных.

Действительно, практика показывает, что про *это* не говорят или особенные извращения, или их прислуга. Пример — разнообразные секты. При всей противоположности их религиозных учений в немногом они сходятся: надо быть преданным иерархии, в особенности верхушке, и об *этом* — ни-ни! И это не случайно: безумие проявляется, прежде всего, в постели, и познание о реальностях так называемой половой жизни — часто начало выхода из-под болезненной зависимости от вожаков сект, которые нередко разрастаются до размеров государственных религий.

* * *

Гитлер вступил в брак с Евой фон Браун за 40 часов до своего с новобрачной самоубийства. Первоначальный план был таков: принять яд, а затем каждо-

му выдернуть чеку из мощной гранаты, так чтобы после взрыва в бункере от тел ничего не осталось. Но потом план изменили: фрау Гитлер приняла капсулу с цианистым калием, а Гитлер выстрелил себе в рот из «Вальтера» калибра 7,65 мм. Через 10 минут их, согласно предсмертному приказу, верные сподвижники облили бензином и подожгли. От тел сохранились только некоторые внутренние органы. Тело Гитлера смогли идентифицировать только по зубным протезам.

Итак, *Гитлеру было очень важно, чтобы его с супругой тела никто из медиков не осматривал*, На то были причины.

После падения Берлина в квартире Евы фон Браун, в шкафчике, представители союзников обнаружили не только большое количество таблеток, которые, как все знали, Литлер много поглощал, но и горы противозачаточных средств. Они-то зачем?

Странный, казалось бы, вопрос: зачем? А зачем бывают нужны противозачаточные средства? Конечно же, скажет обыватель, чтобы не забеременеть. Раз были такие средства, следовательно, Ева Браун, которая всегда была верна своему Адольфу, не хотела или ей было не позволено забеременеть.

Типичная мысль и характерный вывод. И, несмотря на его обыденность, он интересен, — но единственно потому, что Адольф Гитлер был *клиническим импотентом* — он был монорхом (в результате операции удалено одно яичко). Более того, у Евы Браун после болезненной гинекологической операции влагалище было слишком маленького размера для нормального секса! Детей у неё быть не могло! Она долго после операции лечилась, и как только её личный гинеколог во всеуслышанье объявил о полном выздоровлении пациентки, он тут же погиб в автомобильной катастрофе.

Почему он погиб? Это очевидно: те, кто знает то, что другим знать не следует, подозрительно часто гиб-

ли, и именно, по тем временам, в автомобильных катастрофах.

Но почему знания гинеколога об особенностях влагалища Евы Браун представляли для третьего рейха опасность? Почему было необходимо молчание гинеколога? *Щедь* если бы выздоровление действительно было полным, то что его смертью было скрывать? Очевидно, что насчёт *полного* излечения он слухавил. (Ева Браун обгорела сверху, но не сгорела полностью, внутренние органы, как мы уже упомянули, частично сохранились.) На слова о *полном* выздоровлении наверняка был приказ, который гинеколог и выполнил. Но всё равно был убит по той же самой причине, почему для обозрения прислуги выкладывались противозачаточные средства и почему Гитлер перед смертью так заботился, чтобы тела его и его жены не осмотрели медики. О его импотенции никто не должен был знать наверняка.

Итак, *Гитлер тщательно скрывал свою гениталь-ную несостоятельность.*

Но о ней всё-таки знали — и даже многие. Или, во всяком случае, догадывались. Сохранилось письмо Евы Браун к одной своей подруге, в котором она сообщает, что *ничего от Адольфа как от мужчины не получает*. Кто знает, сколько было написано писем с подобного рода содержанием и сколько их могло уцелеть в государстве тотальной слежки? Очевидно, что сохранилось их меньше, чем было написано.

Но многие женщины перед самоубийством *рассказывали*, что Адольф как мужчина — бессилен. И некоторые из тех, *которым* об этом рассказывали, впоследствии написали мемуары. Но до падения третьего рейха все они хранили молчание.

В шкафчике же выкладывались противозачаточные средства, о которых прислуга, несмотря на произнесённый, видимо, весьма строгим голосом приказ именно в этот шкафчик не заглядывать, несомненно,

знала. А то, что знает женская прислуга, знают их сердечные знакомые, прикинувшиеся дворниками журналисты, соседи и случайные попутчики — словом, знает вся столица, а уж провинция тем более.

Итак, *Гитлер старательно создавал образ сексуально сильного гиганта.*

И ещё: *Гитлер снисходил даже до прислуги.*

А если Гитлер для создания перед населением Германии образа сексуально сильного мужчины не упустил из виду даже прислугу, то сколь б"ольшие он, очевидно, тратил усилия, чтобы заручиться необходимым свидетельством врача!

Действительно, это так. С Рождества 1936 года Гитлера пользовал оккультист Теодор Морелль — он был непомерно жирный, близорукий, не курил, и, будучи специалистом-венерологом, содержал частную клинику. Что же получал типичный ипохондрик Гитлер от Морелля? ОКОЛО 150 "таблеток в неделю, кроме того, примерно 10 подкожных инъекций. Самое интересное, что среди них были тестикулярные экстракты молодых быков («Гестовирон»). Считается, что они усиливают половую потенцию. Но зачем подобные инъекции *клиническому импотенту*? Ведь повышать можно только то, что, пусть в незначительной степени, но есть?

Значит, эти инъекции были инструментом воздействия на оккультиста. Гитлер прекрасно умел управлять людьми. Те, которые попроще, трудностей не составляли: достаточно было приказать или даже просто мысленно пожелать, и они спешили выполнять то, о чём «сами догадались».

(Было бы очень странно, если бы Гитлер этого своего свойства не *осознавал*, ведь он был посвященным сразу нескольких Оккультных братств Германии.) Но с врачом-венерологом, которого много лет в учебных заведениях заставляли тренировать критическое мышление, нужно было использовать другую технику. Нужно было дополнительно дать материал для анализа — интеллектуального. Причём

из исключительно медицинской, а лучше — медикаментозной области. Таким людям может быть недостаточно только услышать или почувствовать — надо *увидеть*. И Морелль увидел. Более того — он сам своими собственными руками делал инъекции «Тестовирона»! И он шёл рассказывать о противозачаточных средствах в шк^ф... извините, что фюрер вполне нормален, просто перегруженность государственными делами утомляет и *снижает*, а потому вот сегодня, да и третьего дня делал великому человеку инъекции «Тестовирона», из чего следует, что он мужчина, и т. п...

Разумеется, этот способ воздействия на жирного оккультиста непременно был подкреплён и психоэнер-гетически. Один из приёмов ошеломляющего гипноза заключается в следующем: защитное критическое мышление деструктурируют совершенно неожиданным поступком. Можно, конечно, неожиданно вытащить из кармана кобру, но это требует расходов на ненужные, в сущности, аксессуары; обычно просто нагло врут, причём по поводу вещей, собеседнику известных. Скажем, задержанный с поличным аферист заявляет, что всю свою жизнь руководствуется заповедями Божьими, а импотент — что не далее как этой ночью он совокуплялся аж с тремя дамами. Человеку трудно поверить, что можно *так* врать, он пытается найти происходящему более сложное объяснение, логическое мышление перегружается, отключается — и человек вполне готов ко внушению. Гитлер часто принародно скрещивал руки так, что закрывал обеими ладонями область паха. Так обычно поступают импотенты. Газетчики это заметили, и во времена, когда в Германии полностью была преодолена безработица, широко была распространена шутка, что «это единственный неработающий член третьего рейха». Морелль как врач не мог не понимать (хотя бы по характерному жесту) обоснованности этого анекдота. Но вот Гитлер, перед которым у оккультиста подгибаются колени, прежде пожа-

ловавшись, что справляется только с двумя женщинами, заявляет, что нужды третьего рейха требуют его участия и в судьбе третьей, а потому необходима инъекция «Тестовирона»! Морелль изумлён, потрясён, пытается понять, что происходит, и уже более не способен осознавать психоэнергетического внедрения — и полная преданность Морелля обеспечена. И он шёл рассказывать о противозачаточных средствах в шкаф... — ох, опять! — что фюрер вполне нормален, просто перегруженность государственными делами утомляет и снижает, а потому вот сегодня, да и третьего дня делал великому человеку инъекции «Тестовирона», и т. п...

Итак, о «Тестовироне*», в сущности, разглашать было приказано.

Столь существенные усилия Гитлеру приходилось прилагать потому, что ему не просто приходилось *создавать* о себе мнение, но у части населения *перекраивать* уже сложившееся. Той самой части, которая смеялась над анекдотом о «единственном неработающем... третьего рейха». Обилие таблеток и инъекций не было секретом (!) для других врачей. Они предупреждали, что такое их количество обычно неминуемо ведёт к разрушению организма (в частности, к снижению потенции). Но Гитлер не слушал их советов, объясняя их проявлением профессиональной зависти, — и в удовольствии медленного самоубийства себе не отказывал. Не надо подозревать столь феноменально начитанного человека (как у всякого патологического маньяка, у него была феноменальная память) в неспособности понять, что он делает. Просто ему это *нравилось*. И самоубийство, и — в особенности — импотенция. Этот парадокс вполне разрешим. »

Психологически всё достоверно: и сегодня десятки и сотни тысяч молодых людей колотятся анаболиками для наращивания мускульной массы, прекрасно зная, что за якобы силу и мощь они расплачиваются здоровьем и потенцией. Итак, мужчины, выбирая между

5 Сефирот

способностью привлекать и подавлять женщин и способностью к генитальному способу доставить ей удовольствие, предпочитают первое — властвовать.

А что женщины? Что выбирают они? На Востоке, в частности во Вьетнаме, «любящая» женщина стремится доставить своему мужчине «удовольствие», собственноручно готовя ему опийные шарики для курения. Все участвующие прекрасно знают, что курение опиума приводит не только к немедленному снижению потенции, но и к хронической импотенции вообще. И к преждевременной смерти. Но «любящим» женщинам *нравится* именно *такой* мужчина: он послушно принимает из её рук смерть, ей *хорошо*, когда он почти *не может*, и ей приятно думать, что *никогда не сможет и впоследствии*. Но кое-что он всё-таки может: если он уничтожает в себе жизнь, то в нём возрастает смерть. А возросшим в нём некрополем и наслаждается научившаяся готовить опийные шарики *женщина*.

Таким образом, и колющиеся анаболиками, и *женщины* с Востока делают один и тот же выбор: биополу они предпочитают некрополе. *Женщина* даже в близости выбирает смерть, выбирают её и мужчины.

Если это так, если это общий принцип существования населения, то импотент Гитлер — именно потому, что состояние его психики привело его к импотенции (главная эрогенная зона — анус) — должен был пользоваться у женщин успехом. Да, пользовался. И каким!

Ежедневно Гитлер получал огромное количество писем откровенного, иногда даже неприлично обнажённого содержания. Со всех сторон Германии ему слали вышитые (часто свастикой) подушки, к которым обычно прилагались фотографии. Во время публичных выступлений Гитлера женщины рыдали от восторга и со всех сторон протягивали к нему руки, надеясь на чудо — случайное рукопожатие «величайшего из немцев».

Эмиль Морис, личный шофёр фюрера, вспоминал, что молоденькие девушки 15-16 лет бросались под

машину Гитлера, чтобы получить рану и удостоиться прикосновения обожаемого вождя. Однако от восторга женщины на выступлениях Гитлера не только рыдали. Человек, работавший в Мюнхене во времена Гитлера, рассказывал Эрне Ханф-штенгль, что после речей, произнесённых фюрером, много мест, на которых сидели дамы, нуждались в уборке. Женщины больше не могли владеть собой и в восторге опорожняли свои мочевые пузыри. Характерная деталь: *первый ряд бывал уделан весь*.

Набожные католички, осеняя себя крестными знаменами, произносили при этом имя Адольфа Ейт-лера. Сохранилось множество свидетельств о том, что немецкие фрау в постели с мужьями, достигая состояния наивысшего возбуждения, в экстазе начинали выкрикивать имя Адольфа Штлера.

Германия вся принадлежала фюреру, соответственно, ему принадлежали и все женщины. (Можно и наоборот: все немки принадлежали Гитлеру, соответственно, ему принадлежала и вся Германия.) Впрочем, к чести немецкого народа (десятки миллионов людей), надо сказать, что нашлось несколько женщин, которые, заявив, что Адольф — ничтожество и мразь, покинули зону гитлерщины. Мы не говорим про евреев: если бы их не уничтожали, большинство остались бы (многие и остались) — они бежали, просто спасая свои жизни. Мы говорим только про немок. Но какого типа женщин из всего их множества выбирал себе Гитлер? Каких женщин он считал лучшими из лучших? Были разные: с титулами и без, немки и иностранки, но преимущественно *актрисы*. Исследования их тайной жизни показали, что как актрисы они были вполне типичны и в постели — проститутки, мучительные девственницы и лесбиянки. Верная Адольфу до конца Ева фон Браун была транкви (переодевалась мужчиной и им себя представляла), и, как вспоминают, когда она работала фотомоделлю, любила принимать позы женщины-вамп.

5*

Ева фон Браун, как следует из одного только её имени, «благородного» происхождения. Гитлер кроме актрис вообще предпочитал аристократок и не только отечественных. Была у него даже дочка пэра Англии. (Отец, конечно, не император, но всё же.) Мать назвала её Юнити — в честь актрисы, которую обожала, и Валькирией — в честь дев войны. Сестры, английские аристократки, учились жизни активно: среди прочего, когда они вонзали себе в руку перочинный нож, боль следовало переносить, не показывая никаких эмоций. Любимой в семье была следующая история. Некий молодой человек из хорошей семьи, студент-медик, подвесил над кроватью своей подружки замёрзшую человеческую руку так, чтобы девица, когда потянется включить свет, обязательно наткнулась на холодную как лёд конечность. Все с нетерпением ждали воплей девушки, но так как время шло и никто не кричал, пошли посмотреть, что происходит: леди сидела в кровати и *ела эту руку*!

Нам кажется, что достаточно описывать характер Юнити, можно не продолжать: кому интересны подробности той, к которой так болезненно ревновала Ева фон Браун, пусть разыщет соответствующие публикации. Единственно стоит упомянуть, что эта английская аристократка после интимной близости с фюрером *осталась девственницей* — её-то осмотреть, как мы увидим ниже, у медиков возможность была ещё при её жизни. (Из одного только этого факта можно убедиться, что Штлера в женщинах интересовали отнюдь не гениталии.) Она себя убила, и исследователи дошли до такой степени маразма, что причину её самоубийства объясняют взаимоотношениями между Англией и Германией. Ейтлер говорил, что он только немцев и англичан признаёт истинными арийцами и потому народами, достойными управлять всем миром. Но когда в 1939 году Англия объявила, что она считает себя в состоянии войны с Германией, Юнити Мидфорд, не мед-

ля, пошла в Английский парк (Германия) и пустила себе две (!) пули в висок. (А почему бы не вернуться домой и не переосмыслить свои убеждения, или хотя бы уехать в третью, нейтральную, страну? Так ли уж очевидно, что причина самоубийства в политических феноменах?) Одна пуля прошла навывлет, а другая застряла в мозге. Дочь пэра отвезли домой в Англию, где после операции она прожила ещё девять лет. Когда ей принесли фотокарточку Гитлера с дарственной надписью и нацистский значок, то фото она порвала, а значок проглотила.

И ещё: её сестра проявляла склонность не к гит-лерщине, а к сталинщине и даже в Испании воевала с фашистами. Исходя из чего многие исследователи считают, что сестры разные.

Да, вот таких женщин из миллионов ему себя предлагавших выбирал Гитлер.

Но чем же они занимались с «лучшим из мужчин Германии», когда оставались с ним наедине? Некоторые из случайных «любовниц» вспоминали, что им приходилось до утра просто сидеть и наблюдать, как перед ними рисовался «великий труженик» «благодетель» фюрер. Но так было далеко не всегда. Гитлер предпочитал дрожащими руками раздевать женщину сам (Еву фон Браун, например, это раздражало), и до постели они не добирались, а падали на пол (Еве фон Браун это нравилось, она говорила, что на полу её любимый, которому она, как и Юнити Мидфорд, была верна всю свою жизнь, *выглядит более эротично*), потом предлагал даме сесть над его лицом на корточки и после созерцания анального отверстия (что его приводило в восторг), требовал, чтобы она сначала на его лицо помочилась, а потом и дефекировала. О том, что происходило потом, мемуарные свидетельства ещё не обнаружены: видимо, начиналось что-то настолько неприличное, что рассказывать дальше женщинам мешала присущая дамам стыдливость. Кто

знает, шёл ли фюрер умываться сразу, или возможно, ещё какое-то время лежал, наслаждаясь; может быть, пальчики его дам нежно размазывали драгоценное «миро» по лбу мыслителя, и он и снаружи становился коричневым... А может быть, они начинали целоваться?.. А спари они потом вместе помывшись или нет? Что было ботом такого, о чём стыдятся рассказать женщины? У Гитлера партнёрш было много, большинство более одной ночи не задерживались, и поскольку их число было существенно б"ольшим, чем необходимо для спдетен о его сексуальной невоздержанности, то можно предположить, что он их менял, видимо, разыскивая идеал (?). Чем же одна женщина могла быть *лучше* другой? Что верховному жрецу государственной религии немецкой нации было важно? Оформление краёв анального отверстия? Их чистота? Или собственно *предугадывание* того, что оттуда полезет, ведь о Гитлере известно, что он обладал паранормальными способностями прозревать будущее? Что ему нравилось? Качество продукта? Может, консистенция? Запах? Скорость истечения (вываливания)? Количество? А может быть, тембр голоса партнёрши, когда она, де-фектируя ему на физиономию, говорила о том, как она его страстно любит? Какой он, дескать, потрясающий любовник? В смысле как *мужчина*? А он что ей в этот момент отвечал? *Чавкал* ли он при этом? Или вёл себя прилично, как за столом? За столом Гитлер вёл себя весьма галантно, по окончании обеда он целовал ручки всех присутствовавших дам и для каждой находил особенный комплимент. Так что, наверное, и на полу он, *эротичный*, оставался джентльменом. Хотя, может быть, и нет — *чавкал*. Очень часто подобного рода люди весь день играют роли, и только наедине с близкой по духу могут, наконец, стать самими собой.

Качество «продукта» Гитлера, несомненно, интересовало. Он внимательно следил, чем питается его Пат-шерль — так он, ласкаясь, называл свою будущую фрау. Часто он её кормил с рук, приговаривая при этом: «Этот кусочек тебе пойдёт на пользу». Он знал толк в продуктах (ведь он был сведущ в оккультных науках), и кусочки для Евы были заботой не только о ней, но и о себе. Еве фон Браун он изменял. Что было причиной? Запоры? Что, в таком случае, его побуждало к ней вернуться? Приступ у неё дизентерии? Весть о новом заграничном слабительном средстве? Сам у себя, кстати говоря, Гитлер запоры не терпел и любил себе ставить клизмы. Собственноручно. Георгий Хлебников, автор книги «Интимная жизнь Штлера», ссылаясь на западных исследователей, утверждает, что немецкий мыслитель любил рассматривать свои испражнения и их обнюхивать. Впрочем, тому не нужны свидетельства — достаточно рассмотреть на парадных фотографиях главы правительства типично некрофилическое выражение (брезгливо принохивается).

Только не надо думать, что Гитлер в жизни был грязной скотиной! Напротив, он был очень чистоплотен. Более того, считают, что он страдал *рупофобией* — чрезвычайной, даже болезненной чистоплотностью: мылся он при благоприятных условиях по два раза в день, раз в день мыл голову, дважды в день брился, рубашки менял четыре раза в день, регулярно чистил зубы и полоскал рот после каждого приёма пищи и т. п. Он очень следил за чистотой речи — никому из присутствовавших не позволял не то что сальностей, но даже и слов из половой сферы — культурный, одним словом, человек. Страсть же к дефектированию на лицо он сво¹им «милым» объяснял тем, что для того чтобы иметь право на высшую власть, нужно максимально унизиться — известный оккультный принцип. («Чтобы достичь

власти, необходимо пройти через крайние унижения»; «умереть человеком, чтобы воскреснуть сверхчеловеком». Таким образом, *окультист* — это некогда человек типично авторитарного мышления, которому преступлениями против нравственности удалось раскатать маятник садомазохизма. Маятник не может находиться только в правом или только в левом положении, поэтому от услужливого лакея [*мазо*] всегда можно ожидать поползновений на должность начальника лагеря смерти (*садо*); всемогущий маг зависим от шлюхи-«лю-бовницы», а всякий диктатор, способный повелевать толпой, чтобы не растерять тех сподвижников, которые хоть чуть-чуть сохранили способность к критическому мышлению, всегда что-нибудь от них из своей интимной жизни скрывает. *Вожак* может себе позволить вести нравственно-чистую жизнь только на публике, иначе душа его не будет помойкой, и на него перестанут взирать с восторгом и обожанием. Этот закон маятника присущ не исключительно оккультизму, но вообще любым проявлениям садомазохизма: чтобы оказаться в правом положении, надо прежде оказаться в левом. Немало популярных авторов утверждает, что Ева Браун была просто тихой забитой девушкой, жертвой, которой все помыкали. Утверждается это на том основании, что её оскорбляли и унижали жёны разве что не всех сподвижников Ейтлера, обзывая Еву «простой продавщицей» и т. п. На основании этих *дневных* оскорблений делается вывод, что она была игрушкой и в руках Ейтлера. Вовсе нет! Из того, что *днём* ей были нужны оскорбления, следует только то, что фазу садизма будущая фрау Гитлер «отрабатывала» по *но-чам*.) Стоит ли, однако, верить *словам* Гитлера своим «возлюбленным», что он *прежде* покрывается испражнениями, а уж *потом* обретает силу служить фатерлян-ду? Слова — далеко не дела, но и по делам подчас невозможно составить здравого о людях суждения, пото-

му что неизвестны их побуждения. Но есть приём более тонкий — можно подмечать, как присутствие того или иного человека меняет оказавшихся с ним рядом. И то, во что рядом с Гитлером обращались *люди*, вполне раскрывает *его душу*. Но и дела Гитлера достаточно характерны: он любил фотографировать своих дам снизу, только зад и, так сказать, ого сокровенную сущность, опять-таки объясняя столь необычный ракурс требованиями конспирации, дескать, никто не узнает, кто запечатлён, если фотография случайно попадёт в чужие руки. Эти объяснения женщинам, видимо, казались вполне разумными. Нам же кажется, что^ этот особый ракурс противоречит его объяснению о необходимости на него дефектировать по причине высоких духовных устремлений (служение Родине). Опыт наблюдений за людьми показывает, что определённого сорта люди *сначала* не в состоянии сопротивляться своему влечению к испражнениям, *а уж потом* восторженно знакомятся с формулировками оккультистов. Так было и в жизни Гитлера: хотя он ещё в молодости узнал об оккультизме от своего кузена, но ещё до того он был авторитетным лидером ребячьих игр. Да, это действительно так: будущий *копрофил* (любитель испражнений) распознаётся по степени оказываемого ему послушания членами семьи и дворовыми друзьями. (Инверсированная форма — их. часто быют.) Так что Гитлер и относительно причин, побуждавших его потреблять испражнения, — врал. Или выражаясь изящнее, будучи, что называется, прирождённым актёром, *играл роль*. Таким образом, складывается следующая картина: импотент, копрофил, брат двух патологических идиотов (остальные братья и сестры умерли в младенчестве), садист и убийца успешно играет роль сверхмужчины и мыслителя, становится главой государства и весьма успешно им управляет. В него, судя по одному только числу к нему писем, страстно влюблены *милли-*

оны женщин. Вопрос заключается в следующем: что их притягивало — его копрофильская сущность или та роль сверхмужчины, которую он играл?

Разумеется, все эти миллионы дружно скажут, что были обмануты. Что им *казалось*, что это настоящий *мужчину*. Но так ли это? Ведь известно, что осознать и выразить свои истинные намерения редко кому удаётся.

У Гитлера было много секретарш — и все сплошь были в него влюблены, настолько, что ради него отказались от супружества. Но однажды свою ему верность нарушили ради одного офицера. Этот человек, по всеобщему дамскому мнению, был просто красавец-мужчина. Да-да, это в его крови не нашли мужских гормонов! Характерна проницательность женского коллектива: вряд ли они знали о том, что Гитлер монорх, а уж тем более не могли быть знакомы с результатами анализа крови этого офицера, но и его, и Гитлера они выгодно выделили из числа остальных представителей мужской половины человечества!

Действительно, практика показывает, что женщина, желающая стать графиней, графа узнает даже переодетым и будет провоцировать его её соблазнить. Для той, кто спит и видит себя женой пастора, значимы только те молодые люди, кто в состоянии, закончив семинарию, взобраться на кафедру и довести паству до состояния восторга. И так далее. Из этой разборчивости дам следует, что миллионы женщин в своих на Гитлера притязаниях *вовсе не были жертвами словесного обмана*: они угадывали возможность исполнения своих тайных желаний, их подсознательная мечта — яркий копрофил. Действительно, несмотря на разнообразие форм извращений дам Гитлера — лесбиянки, травести, неженщины, мучительные девственницы, шлюхи с невероятным количеством любовников, словом, самые обычные, если судить по их фотографиям, женщины, — все эти дамы явно были бессильны пост-

роить взаимоотношения с одним генитального типа мужчиной. Им было *нечем*. Как бы эту мысль выразил последователь Фрейда? Подобное стремится к подобному, поэтому женщину генитального типа может заинтересовать такой же мужчина. Но если женщина относится к анально-нако-пительскому типу (фригидна), то всё, что связано с гениталиями, её раздражает (в инверсированной форме — ежедневно меняет партнёров), в лучшем случае, она это *терпит*. Её подсознательная мечта — партнёр анального (садомазохистского) типа. Можно ли его выявить без каких-нибудь мистико-энергетических толкований? Можно. В этом-то и заключается одно из важнейших открытий Фрейда! Индивид анально-накопительского типа мыслит взаимоотношения с индивидом противоположного пола как смену ряда положений, в которых то один другого подавляет, то наоборот. В любом случае, это власть одного и подчинение другого. Это ещё называют авторитарным мышлением. Это вовсе не умозрительный вывод кабинетных психологов, а результат клинических наблюдений, в частности, психотерапевтического лечения. Генитального типа личность к власти не рвётся, в том числе и потому, что иначе в постели не сможет получить того типа удовольствие, которое его интересует. Таким образом, стоило импотенту и копрофилу Гитлеру начать говорить (а мысли его иначе как авторитарными назвать невозможно), как ассоциативное подсознание женщин анально-накопительского типа немедленно реагировало: *свой! Хороший!* Подсознание женщины обмануть невозможно, это столь же верно, как и невозможно спутать ^подей, мыслящих авторитарно, с теми, кому насилие чуждо. Трудно себе представить, что Гитлер смог бы найти общий язык с Христом или апостолом Павлом после его, Павла, обращения. Проститутка из Капернаума, после покаяния омывшая Христу ноги (Лук. 7:37, 38), могла за-

интересоваться Гитлером, пока зарабатывала себе на жизнь древнейшей профессией, но Штлеру не удалось бы её заговорить после того как она в полной мере стала понимать смысл воплощения Иисуса Христа. (Соответственно, она перестала понимать *адольфиков*.)

Итак, миллионы немки, влюбляясь в Литлера, тем демонстрировали свою сокровенную тайну, что они с мужчинами на искреннюю генитальную эротику неспособны! Только на анальную, пусть под генитальную и стилизованную. Имитация эротики, даже с применением половых органов, может ввести в заблуждение только *не могущего* не заблуждаться — умеющий здраво мыслить изнемог бы слушать тупизмы копрофилки, ещё не дойдя до спальни.

Но это немки, что с них возьмёшь, ведь солдафонство германской нации — давным-давно притча во языцех. Немецкий юмор вообще ни с каким другим не спутаешь. А как обстоит дело, скажем, в Соединённых Штатах Америки? Сексологи по результатам анонимных опросов составили следующую статистику: 40 % опрошенных американок признались, что они полностью фригидны и во время близости *ничего* не чувствуют; 45 % заявили, что они далеко не при всякой близости с мужчиной испытывают оргазм; и лишь 15 % заявили, что испытывают наслаждение *всякий раз*. Казалось бы, самая неблагополучная группа — первая, 40-процентная (честь и хвала этим честным женщинам!). Однако... Скажите, а к какому типу отнесёт себя, скажем, женщина, у которой, несмотря на то, что она мастурбирует до двадцати раз на дню, клитор и влагалище *абсолютно* нечувствительны? Какую это зону она стимулирует своими периодическими судорожными движениями скрещенных ног? Неужели догадались? Да, хотя она явно не генитального типа, она отнесёт себя к «благополучным» 15 %, потому что даже в постели с мужчиной она всё равно занимается анальной мастурбацией. Скажите, а к какому типу отнесёт себя минет-

чица, которая, жадно приносясь к желательным половым органам партнёра, *всякий раз* во время любимого якобы орального процесса якобы оргазмирует? А что, удивится она, разве это не оргазм, ведь то, что я испытываю, в точности совпадает с описаниями учебников по сексологии *? Разве это не оргазм — ведь ощущение сначала возрастает, а по достижении максимума — спадает. Да, и эта минетчица с опухшими губами (и это при том, что ныне забытый клитор она себе разработала ещё в младших классах школы!), несомненно, отнесёт себя к «благополучным». Здесь есть соблазн отнести минет к разряду оральной (по Фрейду) сексуальности, дескать, в губах эрогенные зоны, самые для неё чувствительные", да и психически она как бы сосёт материнскую грудь. Но это не так. Дайте этой даме пососать морковку или подогретый фал-лоимитатор — будет ли у неё «возрастать ощущение»? Нет. А ведь рецепторы губ никуда не девались. Отсюда следует, что такое столь многочисленное приносящееся женское сестричество, как минетчицы, не только не генитального типа, но и не орального. Итак, остаётся анальный тип, или, более корректно, некрофилический. К ним же, видимо, относится и та часть женщин, которые в имитации генитальных взаимоотношений заходят дальше остальных, но для которых характерные ритмические движения партнёра не более чем мерно раскачивающееся кадилло специалиста по наведению транса. Продолжать, наверное, нет смысла,

* Да, учебники бывают толстые, а бывают — нет, но, в любом случае, труд так называемых учёных оплачивает кто-нибудь из императоров (президент Академии наук, царь, фин-директор), или же автор существует на выручку, Полученную от продажи книг массовому читателю, но, как бы то ни было, всегда платят авторитарно мыслящие индивиды, и они не потерпят, чтобы их разоблачали. Так что учебники *признанных* — не способ постижения жизни. Таких же, как Л. Толстой, которых интересуют не деньги, а истина сама по себе, — единицы, и их почти не читают.

кто понять может, тот понял. Сколько же их, гениталь-но оргазмирующих в этих 15 %? Сущий, видимо, пустяк, что-нибудь вроде 0,38 %.

Остаётся разобрать последний тип женщин, которые, как заявляют, оргазмируют, но далеко не всегда (их, если помните, 45 %). Этот тип, очевидно, можно разделить на два подтипа.

Большинству женщин трудно прямо признаться в своей неспособности, поэтому даже свою фригидность им удаётся использовать для «овиноватинья» мужчины. Обычная схема такова: партнёру заявляют, что она когда-то оргазм испытывала — один... нет, два раза... пожалуй, даже три... — и если она с *ним* ничего особенного не чувствует, — так только из-за *его* неспособности. Виноват — он, он, он!! Типично некрофилическое поведение, тем более убедительное, что стоит женщине соврать раз-другой, как она уже сама начинает в свою ложь свято верить. Второй очевидный подтип — это те дамы, которые, действительно, как и энтузиастки национал-социалистического движения, могут обгадиться и заявить, что это и есть истинное удовольствие, но для этого им надо оказаться на первом ряду перед вибрирующим на трибуне фюрером. Или оказаться с ним на одном ковре. Естественно, что такого типа дама может испытать своё некрофилическое удовольствие даже не со всяким эсэсовским палачом. Отсюда и её самоотнесение к 45 процентам оргазмирующих не всегда и не со всяким. В 45-процентный тип генитальные женщины не входят, потому что, как следует из всей этой книги, они, раз оказавшись с генитальным мужчиной, уже никогда с ним не расстанутся; обретя опыт оргазма, они уже не позволяют себе оказаться с анальным мужчиной.

Итак, из всего вышесказанного следует, что и американки недалеко ушли от немок, и если в Америке ещё нет диктатора, то только потому, что в Америке провинциально всё: не только вкусы, интересы и искусство, но даже и вожжи — мелочь. А главное — одного

штампованного уровня подавления, поэтому можно выбирать себе вождя по территориальному или «культурному» признаку. Но диктатор будет: судя по интимной жизни американок, они уже готовы его принять и им восхититься.

Таким образом, почитательницы Гитлера отнюдь не были жертвами обмана, что, якобы, их на самом деле влекло к «настоящему мужчине, умному, благородному и красивому»; но, наоборот, они сами страстно помогали Литлеру обмануть других, ещё *сомневающих*.

Действительно, население можно условно разделить на две категории: те, которые пойдут за Гитлером при *любых* о нём сведениях (организатор лагерей смерти, копрофил, или, наоборот, «примерный семьянин» — не важно), а есть такие жухлые, которое бы и пошли за фюрером, но полностью забыться им мешают позывы расхохотаться при воспоминании о «единственном неработающем ... третьего рейха», Первые помогают одурачить вторых.

Толпа сама выбирает, какими баснями её нужно кормить. Скажем, в *России* в последнее десятилетие XX века ходила следующая легенда, объясняющая невероятную популярность Гитлера у женщин. Легенда гласит, что у Гитлера был уникальный половой орган, на кончике которого было двенадцать крупных бородавок, поэтому Гитлер, цитируем, «так продирает *этим* даму, что она после больше уже ни на одного мужчину смотреть не могла». Можно не сомневаться, что, приди Гитлер к власти в России конца XX века, нашлись бы и врачи, и масса женщин, которые своими глазами видели уникальный прибор и даже бы сосчитали количество бородавок. Народ бы его любил не Менше Сталина.

Распознать некрофила (копрофила, гомосексуалиста и т. д.) можно не только по авторитарному мышлению (пусть даже скрываемому образованием), но и по

его ревности, причём в самых неподходящих ситуациях. Ева Браун очень мучилась от ревности к другим дамам, в особенности к аристократке Юнити Мид-форд. Гктлер тоже был страстно ревнив. Именно указывая на его ревность, многие писатели утверждают, что он был всего-навсего импотентом, а в остальном нормальным человеком. Ведь есть же поговорка «если не ревнует, значит не любит»! Да, соглашались, Гктлер был женственный - и по телосложению, и по полному отсутствию волос на теле. А до утраты тести-кулы? Может, это последствия посещения заразных публичных домов? (Распространена легенда о том, что причина столь мощного воздействия Гктлера на людей — аномальные возможности отмирающего от сифилиса мозга. Ту же болезнь приписывали и Наполеону, и Ленину, и многим другим диктаторам. Приятная для публики по ряду причин легенда. Например, следствие из неё то, что человеческая мерзость есть результат химических отклонений: ген там перекошило, или от вируса не уберёгся, — а вовсе не результат нравственного выбора.)

Вообще говоря, женское телосложение формируется не *после* посещения борделей, а в детстве и юности, по единственной причине: нехватке мужских гормонов. Но нарушение обмена веществ — проблема явно не генетическая, а психосоматическая. (Это следует из практики психокатарсиса.) Импотенция — результат развития ещё детских стремлений быть авторитарным лидером в ребячьих играх. Именно развитие способности к власти сделало Гктлера, как то *чувствовали* немецкие женщины, сверхмужчиной и мыслителем, словом, — гением.

Здесь нет сарказма. Всякое слово, несущее отчётливо-одобрительную эмоцию, неизбежно обретает два значения, причём противоположных. Одно духу толпы соответствует, другое — нет. Гений, в понятии *толпы* и её идеологов, — это тот,

вокруг которого сплачивается нация, которому стоит лишь *взглянуть* — и сопротивление противника сломлено, все всё сразу поняли, только стучат каблуки бегущих выполнять приказания. Такие гении служат отечеству, топя в крови соседние народы и истязая внутренних врагов. Это —т Тамерлан, Наполеон, Гитлер, Сталин, Пётр I, Тьберий — несть им числа. Но есть гении и другого духа: в лучшем случае их не замечают, как Иисуса, пока Он жил в Капернауме, в худшем — распинают, и, хотя они и владеют Истиной, ученикам их порой не хватает и трёх с половиной лет, чтобы понять их идеи, как не хватило этого времени будущим апостолам Христа. Иисус властен над вечностью, а в гениальности Гитлера не сомневались лишь до поражения его войск в Сталинградском сражении. Ещё через три года, после его выстрела в рот из «Вальтера» его и вовсе признали за бесноватого, чего, однако, не случилось бы, не истеки его армии в России кровью.

Насчёт ревности заинтересованные лица прививают следующую логику: средние люди ревнуют, у средних людей рождаются дети, дети могут родиться только от любви, следовательно, ревность есть чувство, присущее *любовным* взаимоотношениям.

Эта логика создана ради неизбежных из неё следствий.

Следствие первое: среди гомосексуалистов нередки случаи убийств из ревности за измену партнёра, следовательно, то, что происходит среди гомиков, есть любовь.

Следствие второе: то, чем занимался ревнивец Гитлер на ковре, было особой формой *сексуальных* (любовных) взаимоотношений.

Но так ли уж обязательно отдаваться под власть этой логике?! Ведь можно мыслить и иначе.

Предположим, человек ищет *половинку*. Но вот женщина, которая до сих пор была рядом с ним, занялась каким-нибудь скрытым копрофилом (скрытым в том смысле, что требует, чтобы она на него гадила лишь в символической форме). Что тут ревновать, наоборот, *радоваться* можно, что освободился от очередного наваждения! Мне нужно — *половинку*\ А ревность? Не понимаю, о чём это вы говорите...

Таким образом, причина и следствие меняются местами: раз гомики и копрофилы вызывают друг у друга чувства (ревность и т. п.), схожие с теми, что бытуют у средних жителей, то из этого следует, что «средний», на самом деле, есть хоть и *жухлый*, но всё равно некрофил. Несвободный от гомосексуальности (анальной «сексуальности»), хотя до поры и подавленной. О чём, собственно, и свидетельствуют психоаналитические исследования. Из того, что столь многие прекрасно знают, что такое ревность, мы вновь приходим к осознанию распространённости анально-накопительского бытия, готовности населения принять диктатора (или стать чиновником или алкоголиком) и неспособности даже понять, что это такое — *половинка*.

Таким образом, из того, что Гитлер ревновал, следует только то, что у него были гомосексуальные влечения (помните тип его охранников?), в лучшем случае подавленные.

Итак, Гитлер в наше время признан бесноватым, но только потоку, что проиграл под Сталинградом. А не будь Сталинграда, Гитлер по примеру одного из своих предшественников (фюрер считал себя, в частности, реинкарнацией императора Тибетия — того самого, во время правления которого был распят Иисус; Тк-берий получил власть по усыновлению и, в свою очередь, усыновил следующего императора) усыновил бы какого-нибудь мерзавца, тот бы, приняв власть, «вспомнил», что мать его в тот достопамятный день за девять месяцев до его рождения была, действительно,

близка с Адольфом, дефектирующие «возлюбленные» Гитлера до самой смерти хранили бы молчание, и в истории Гитлер остался бы для женщин образцом мужественности. Как уже остались национальными героями многие ему подобные. Или «святым Божьим человеком» — тоже высокоценяемая копрофилами форма властвования над людьми.

Женщины льнули к Гитлеру всегда, ещё даже до того, как заработали печи лагерей смерти Дахау, Освенцима, Майданека; это женщины не дали ему покончить жизнь самоубийством, когда он отсиживал девять месяцев в тюрьме, — и это был не единственный случай.

Но и мужчины, пренебрежённые своими фрау, от них не отставали: они строились в колонны и организовывали лагеря смерти. Первые пленные немцы даже под конвоем смотрели *из* конвоиров свысока. Им понадобилось как следует поморозиться в русских снегах, чтобы сникнуть и, подымая дрожащие руки, жалобно кричать: «Штлер капут!» Характерная фраза! Для них прекратить убивать означало не сдачу в плен, не прозрение, — а смерть Гитлера! Самое последнее для них дело. Вспомните хотя бы кадры кинохроники: десятки тысяч мужчин, марширующие в геометрически правильных колоннах, единым духом одновременно вскидывающие руку с рёвом «Хайль Гитлер!».

Рейх кончился на следующий день после того, как их фюрер, подобно тому как всю жизнь непроизвольно прикрывал ладонями область паха, в своём последнем бункере, пряча гениталии свои и своей фрау навсегда, приказал и её, и себя сжечь. Уже на следующий день не стало ни СС, ни всего остального, и восточные немцы, «прозрев», стали рьяно строить новое общество. Сталинское.

Скорее всего, они ничего не поняли и по поводу своих фрау. Ведь то, что эти благообразные женщины предпочитали мужьям Гитлера, можно осмыслить. Эти

женщины не были непорочными жертвами; подобно тому как желающая стать графиней, узнавшая графа даже переодетым, не может считаться им соблазнённой. Из разборчивости женщин следует, что в Гитлере они угадывали возможность исполнения своих тайных желаний. Тех тайных вожелдений, которые с мужьями они во всей полноте удовлетворить не могли. Тех вожелдений, которые для них значимы более, чем всё остальное, — иначе бы они ради Гктлера не пренебрегали мужьями и не слали на смерть своих детей. Какое же скрываемое женщинами влечение так их гложет, что они, пренебрегая всем, готовы следовать за ним? Причём влечение это присуще не каким-то *сомнительным* женщинам, а практически всему женскому населению, ведь преклонялась перед фюрером вся Германия; поэтому достаточно корректно можно говорить о *женщине* вообще, о некоем собирательном образе.

А перед этой *женщиной Гитлер* открывал возможность сделать то, что большинство людей позволяют делать только в символической форме — *нагадить мужчине на голову*. Тем уничтожая мысль, слово, а потому единственную для себя преграду к безумию, трансу, экстазу, восторгу, трупному запаху.

Итак, из того, что практически всё женское население Германии своим мужьям предпочло Гитлера, следует, что для *женщины*, в отличие от *половинки*, мужчина значим в той и только той мере, в которой он позволяет ей на себя *навалить*.

О символических («навалить» можно не только фекалии, но и ложные обвинения, противоречащие здравому смыслу обязанности и многое другое) и инверсированных формах этого процесса мы упомянем в одной из следующих глав. Но и это не самое глубинное желание. Шестеро из семерых «возлюбленных» Гктлера (навалили на фюрера больше, чем случайные «любовницы») покончили жизнь самоубийством, но этим список не ограничива-

ется. Застрелился, наконец, и обосранный разве что не с головы до ног фюрер. Могилы убитых гитлеровцев, будь они собраны в одном месте, тянулись бы на сотни, если не тысячи километров. Их наиболее глубинным вождением была смерть. Это — *некрофилия*.

Но «Гитлер», как и смерть, бытует в разных образах, и пуля из «Вальтера», и бензиновая кремация ещё далеко не полное его уничтожение. Гитлер свою Еву называл *возлюбленной* — так её называют до сих пор тысячи исследователей. Она, не успевая читать столько, сколько читал её будущий супруг, решила, как она говорила, быть просто *женщиной* — и сейчас так называют ей подобных. Он назвался её *мужем* — разве он не был идеалом немок? Разве они не мечтали выйти замуж по страстной любви? На ковре Гитлер Еве казался более *эротичным*, и она нисколько не сомневалась, что возникающее в ней перед дефекацией возбуждение *любовное*. И другие женщины Гитлера так же называли возникающее в них возбуждение, потому что они в точности то же чувствовали и к другим своим мужчинам, только послабее. Разве не те же слова используются и для описания «увлечений» Гитлера авторами из многих стран, — и это потому, что весь мир водим одним духом!

Страстно любимый Штлер уже тем победил планету, что лишь один писатель — Лев Толстой — осудил страстную любовь. Удивительно, насколько в быту Гитлер похож на Наполеона (да и на Петра I тоже), но, при множестве поношений Гёгглера, опять-таки один только Лев Николаевич обличил Наполеона как «самонадеянное ничтожество» (ПСС, т. 48, стр. 60-61). Но в мировой науке мнение Льва Николаевича считается нонсенсом по той причине, что мало кто из мировых авторитетов (за исключением нескольких русских писателей и историков) так считает. Да и насчёт русских авторов тоже заблуждаться не стоит: для них Пётр I, который издевался над людьми даже после того, как сажал

их на кол и они уже агонизировали, — гений, потому что, в отличие от Наполеона и Гитлера, *свой*. Что уж тут говорить об их восприятии идеи ложности страстной любви!

Да, Гитлер победил мир, хотя сам был рабом. В сущности, ничтожеством, дерьмом, и не только снаружи. Дерьмо победило мир, что следует хотя бы из того, какие свои поступки люди описывают с помощью слов: *гений, любовь, эротичный, женщина, мужчина*.

Пйтлер обладал самыми привлекательными из женщин, в том числе и первой красавицей Европы — Ольгой Чеховой. Сам Гктлер был пределом мечтаний женщин не только немецкого народа, но и других: англичанок, русских, евреек... Так и говорят: *он любил и был любим*. Но эти напоольные (половые?) упражнения — не единственные возможные взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Как мы говорили в самом начале, вершин всё-таки две — хотя другая людям практически неизвестна. Так пусть они об этом хотя бы почитают.

Глава одиннадцатая ССОРЫ-1

(техника психокатарсиса)

П.: Милая, я тебе *этого* не говорил! ТЪ>1 понимаешь? Я тебе ничего даже *похожего* не говорил!

В.: Нет! *Ты* всё время только одно мне и твердишь: *что от меня ИСХОДИТ всё тёмное, чёрное!*

П.: А я тебе ещё раз повторяю, что ничего похожего я тебе не говорил! 1^1 меня уже в который раз в этом обвиняешь — и напрасно. Это, скорее всего, невроз. Понимаешь? Невроз! Видимо, зацепившись за какую-то деталь в моём поведении, или просто за слово, ты

проваливаешься в ситуацию, в которой боль некой психоэнергетической травмы. Надо от травмы освободиться, а не от меня!

В.: Хочешь сказать, что я дура?

П.: Нет. Я...

В.: Нет, ты всё время хочешь сказать, что я — дура, ничего не соображаю! Что интеллект у меня — ноль. Так меня это больше не беспокоит! Беспокоило в самом начале, когда мы только-только познакомились. Когда ты ради, так сказать, знакомства сказал, что интеллект у меня нулевой — тогда меня это ещё беспокоило. А теперь — нет.

П.: И прекрасно! Дай я тебя поцелую!.. *Это* говорил. Но ты же сама потом сказала, что именно эти слова тебя особенно заинтересовали.

В.: Пусти! Конечно, заинтересовали: от интересного мужчины — интересные слова! А сейчас, когда время прошло, вопрос моего интеллекта меня больше не интересует.

П.: Никак поумнела.

В.: Но ты же меня теперь совершенно в другом обвиняешь! Что от меня исходит всякое зло. Чёрная энергия. Всю прогулку испортил. Куда ключи задевались? Ах, вот они...

П.: Уф! Никогда так не радовался, что наконец-то дома. Я тебя прошу: сразу — в кресло и закрывай глаза. И не разговаривай, не разговаривай, не разговаривай! Не спорь со мной!.. Я тебя жду.. Тьл скоро?.. Так... Не разговаривать — ведь договорились же! Так... Села. Отлично. Птза закрыла? Хорошо. *То, что заставляет тебя воспринимать ситуацию именно так, как ты воспринимаешь, этот предмет — где он у тебя?*

В.: ...Н-н... Ничего нет.

П.: Внимательно осмотри себя. Начни с ног. А потом медленно внутренним взором поднимайся вверх. И так, *что это?*

В.: Нет ничего.

П.: Уж очень ты быстро мне ответила. Чересчур. Ты, наверное, и не смотрела?
В.: Смотрела. Но что я могу сказать, если внутри меня ничего нет?
П.: А снаружи?
В.: Ой! Ой-ой..
П.: Ну вот, опять слёзы. Почему ты в кресло вжалась?
В.: Цилиндр! На голове! Очень больно!
П.: В какой части головы?
В.: Вот здесь. Ой!
П.: Так... На левой от меня части головы... Интересно. Из чего он сделан?
В.: Чёрный. Металлический, поржавевший... И как бы нечистый.
П.: Ржавый металл... Опять... Ощущение: как давно он у тебя на голове?
В.: Больше года..
П.: Опять Центр?
В.: Да.
П.: Автор — мужчина или женщина?
В.: Мужчина. Ой, больно!..
П.: Что этот цилиндр от тебя хочет?
В.: Абсолютного послушания..
П.: Так... Это он является причиной наших ссор?
В.: Да.
П.: А почему? Что ещё этот чёрный металлический ржавый цилиндр от тебя хочет?..
В.: ...
П.: Что ты не отвечаешь?.. Впрочем, это твоё право... Нужен тебе этот цилиндр?
В.: Нет, не нужен.
П.: Прежде чем мы от него начнём избавляться и для того, чтобы было удобней это сделать, давай его повнимательней рассмотрим. Он гладкий?
В.: Да. Только, как будто покрыт ржавчиной." И ощущение, что грязный.

П.: Он у тебя на черепе как стоит: доньшком или на боку?
В.: Доньшком. Но не просто стоит, а как будто вдавлен в череп. Вот на столько. *[Показывает.]*
П.: И от этого больно, что вдавливаются?
В.: Отчасти.
П.: Притянута ли к этому цилиндру твоя энергия?
В.: Нет.
П.: Он целиком тебе чужд?
В.: Да.
П.: Каким образом будешь от него избавляться?
В.: А каким можно?
П.: Сколько он весит?
В.: Много. Очень много. Больше пяти килограммов...
П.: Ого! С таким грузом на голове по жизни ходить!.. А способов множество: можно подъёмным краном с электромагнитным захватом воспользоваться, можно лопатой подцепить и выбросить, а можно просто руками спихнуть. *ТУ сама знаешь* наилучший способ. Что будешь делать?
В.: ...Ничего не получается.
П.: Ещё попробуй.
В.: ...Нет. Ничего не получается. Только как будто меньше стал вдавливаться.
П.: Так... *Что надо сделать, чтобы от этого цилинд- , ра освободиться?*
В.: Надо... Надо... обсудить, зачем он туда поставлен...
П.: Хорошо. Зачем он туда поставлен? К чему он тебя принуждает?
В.: Чтобы... чтобы я к людям относилась *особен-ным* образом... Ух, и злая же я была, когда работала в Центре! Сама себя не узнавала! Вот, оказывается, откуда это! И ведь ещё: *нельзя было показывать своего отношения!* И это — от цилиндра!

П.: Так... Что ещё? К чему ещё тебя принуждает этот цилиндр?
В.: Чтобы им, сотрудникам Центра, угождала. И была, как они.
П.: Так... Что происходит от того, что ты проговариваешь желания цилиндра?
В.: Они, эФи желания, теряют надо мной силу.
П.: Скажи, разве это я тебе говорю, что от тебя исходит чёрная энергия?
В.: Нет, это связано с цилиндром.
П.: Так. Прекрасно! А какое исходит от этого цилиндра самое главное принуждение, сформулировав которое, ты избавишься от его власти над тобой?
В.: Я должна... *я должна вообще всё воспринимать наоборот: обращенное ко мне добро воспринимать как зло, а зло — как добро...*
П.: Вот это да!!.. Вот это цилиндр!.. А теперь посмотри на него. Он каким-либо образом изменился?
В.: Да. Съехал набок. Застрял на уровне уха.
П.: Теперь ты можешь от него избавиться?
В.: Могу.
П.: Что будешь делать?
В.: Скинуть на землю... Всё... И закопать, чтобы никогда больше... никогда...
П.: Прекрасно. Мне нравится, *как* ты вздохнула. А теперь посмотри внимательно: может что ещё, может какой ещё предмет определяет наши с тобой ссоры?
В.: Ох!
П.: Что у тебя в боку? Что ты за него схватилась?
В.: Спица!
П.: Длинная?
В.: Длинная. Пронизывает меня насквозь. А воткнули вот отсюда.
П.: А как ты скажешь...
В.: Женщина!
П.: Я даже не успел задать вопрос! Но ты правильно поняла.

В.: И я даже могу назвать ситуацию, когда её мне воткнули.
П.: Когда?
В.: Я тогда на курсах занималась... Этих самых курсах... Вышла я после занятий, а она ко мне подошла, и руку — сюда. Я тогда подумала: что это онако мне прикасается? И отстранилась.
П.: Но спица уже там.
В.: Да. Не успела я... Но ведь эта же женщина выдаёт себя за *белого* мага!
П.: А ты что, всё ещё веришь в это разделение: на белых и чёрных?
В.: Нет, но...
П.: «Нет, *но...*» Посмотри, может быть, тебе поставили код на эту глупость: разделять *магов* на белых и чёрных. Есть?
В.: Есть!
П.: Так. Становится всё интересней. Что это?
В.: Неважно. Я уже это выбросила.
П.: Итак, она — белый?
В.: Да. Но маг. Поэтому — спица.
П.: А к чему тебя эта спица принуждает? Кроме того, чтобы ссориться со мной? Да, кстати, маленькое отступление: ссориться *вообще* с любым мужчиной, или спица *специально против меня??* Ведь тебе же, ты рассказывала, в Центре предсказали, что через год у тебя будет Водолей? Что на мне, собственно, и исполнилось. И срок, и знак.
В.: Вообще. *Но против тебя — в особенности!*
П.: Ого! А как ты думаешь, когда предсказывали...
В.: Предсказывала не эта женщина, а другая... Предсказала Гкна. ^
П.: Неважно. От Гйны такое же железо. Уже только по характеру травм можно догадаться, что они все там одно. Повязаны воедино. *Могли ли они знать, какой будет смысл наглей встречи?* Про любовные отношения, ясное дело, знали. Но вот могли ли знать, что тот

Водолей будет тебя «чистить»? Высокий смысл нашей с тобой встречи они знали?

В.: Сомневаюсь. Разве, отчасти...

П.: Так... Говоришь, спица во многом против меня *лично*... Интересно. Вот уж точно — сатанинское гнездо! Так. А к чему тебя *ещё* принуждает эта спица?

В.: Принимать всякое направленное ко мне добро... Да то же самое! *Добро за зло, а зло — за добро*. Знаешь, кто эта женщина?

П.: Кто?

В.: Она — сестра... Сестра этого...

П.: Который цилиндр тебе в череп вдавил?

В.: Да. Главный там. «Любовь» моя.

П.: Значит, сестра не только по металлу, но ещё и по крови... Как Элен с Анатодем... Так ты говоришь, что программа тебе ставилась в точности та же самая? Или сумма программ?

В.: Сумма.

П.: А ведь мы пришли к интереснейшему результату! *Два лица, вернее два человека без лица, могут быть разделены пространственно, но при этом действовать совершенно единодушно.*

В.: Да. Расстояние здесь не играет роли.

П.: Ъ>1 это, я смотрю, знаешь давно, для меня же это первый... — как бы это выразиться? — я впервые сатанизм вижу так отчётливо. В библейское описание сатаны я, разумеется, верю: бывший осеняющий херувим, самовольно от Бога отпавший, по форме — Божье творение, по сути — противоположность, но впервые всё это вижу... зрительно. Я даже ещё в полной мере не осмыслил это приобретение. Новые возможности. *Очень* интересно!

В.: Кому как...

П.: Но самое печальное, что эти люди в состоянии внушить окружающим, что именно они — высшая форма приобщения к Богу. Что исцелять им *дано, и дано Богом*\ Впрочем, действительно, дано... Только не Тем, на Которого указывают.

В.: Страшнее то, что им ничего не объяснишь. Я столько раз пыталась...

П.: ...и всё бесполезно. Странно не то, что не получилось, странно, что ты надеялась добиться этого *словами*. Причём здесь слова? Ты для них неприемлема, потому что ты — это ты.

В.: Странно...

П.: Что?

В.: Странно то, насколько по-разному воспринимают меня люди. Некоторые говорят, что я — разве что Не святая: чистая и ласковая. И говорят, что я напоминаю кого-нибудь из детства. Сестру или школьную под-руту, но обязательно кого-нибудь хорошего-хорошего. Тёплое что-то. Другие — наоборот. Видят во мне что-то страшное. Хищное. Стервятника или коршуна. Который, если нет живого мяса, готов питаться падалью. Или ещё одна: лису во мне разглядела, хитрую лису, которая умело втирается в доверие, а потом неожиданно оказывается, что это хищница, хищница с чрезвычайно опасными ядовитыми зубками.

П.: А так и есть: с разными людьми ты разная. Свидетельствую! Я это заметил. У тебя дочь любит соперничество, ей в общении — главное победить, так ты с ней, иной раз, сама строгость, но опять-таки с оттенком соперничества. Однажды я видел, как ты с матерью своей разговаривала по телефону, так у тебя появилось выражение лица — ну в точности её. Такого выражения лица я у тебя никогда не видел, особенным образом поджатые губы, причём, зло поджатые. «Зло» может быть чересчур сильное слово, скажем помягче: едко. А со мной ты сама нежность, даже иной раз думаешь: возможно ли такое, чтобы женщина"~могла быть такой нежной и тактичной... Ведь женщины обычно грубы.

В.: Согласна. Я всегда говорила, что женщины более жестоки, чем мужчины.

П.: Такое вот у тебя свойство: принимать облик того человека, рядом с которым ты оказалась. В осо-

бенности если это подавляющий индивид. Хотя, разумеется, каждый конкретный случай нужно проверять. Ведь возможен и другой вариант: ты можешь быть сама собой, тем более если рядом биофил. Но и рядом с биофилом может произойти и рестимуляция какой-нибудь невротогенной ситуации. А ты... Так... Скажи сама, подсознание пусть скажет, первое, что приходит в голову: лисица с ядовитыми зубами — это рестимуляция стресса или отражение человека?

В.: Отражение. *Я — зеркало.*

П.: Как ты сказала? *Зеркало?* Отражаешь, того, кто оказался рядом... Человек-зеркало... *Женщина-зеркало в логове сатаны.* Захватывающий сюжет для книги!.. А наипризнаннейшие экстрасенсы не в состоянии распознать столь очевидный случай зеркальности. И, не понимая, что происходит, описывают самих себя.

В.: Да, я — зеркало. И хорошо, что ты это заметил. И понял.

П.: Так. Значит, приняла облик *того* человека. Этот человек сам такой. Лиса с ядовитыми зубами. Кстати, а кто тебя так определил?

В.: А как раз та самая, которая мне спицу воткнула. Между прочим, втыкая, улыбалась. Очень приятная улыбка. А сама...

П.: Та самая? Сестра?

В.: Да. Она меня так определила, когда я хотела с ней хорошие взаимоотношения наладить. Пирог испекла, принесла к ней домой, с открытой душой пришла, а она мне сказала, что я жадная и лисица, которая втирается, а потом вонзает зубы.

П.: Так. Всё один к одному... А этот хищник, стервятник или коршун — это от кого?

В.: Это...

П.: Надо понимать — от её брата? От «дорогого»?

В.: Да.

П.: У тебя с этими словами связана психоэнергетическая травма.

В.: Да нет у меня больше ничего!

П.: Не открывай глаза! Я же вижу по характерному выражению лица, что есть травма. Я произнёс слово «коршун» — выражение лица изменилось. Да к тому же, ты мне не в первый раз про этого «коршуна» говоришь. Где она? Внутри тебя или снаружи?

В.: И там, и там

П.: В какой части тела?

В.: В голове. Частью внутри её, а частью — снаружи.

П.: Что это за предмет?

В.: Штопор.

П.: Штопор? В черепе?.. Да... Значит, металлический. Блестящий?

В.: Нет. Со ржавчиной.

П.: Понятно. На удивление однотипный материал. Нужен он тебе?

В.: Нет. Всё. Я его уже вынула.

П.: Есть что-нибудь ещё? Вне или внутри?

В.: Вне. Я сейчас освобожусь. Так. Всё.

П.: Есть ещё что-нибудь?

В.: Нет, больше ничего нет. Да и хватит. Мне и так вся эта история с Центром комедию напоминает. Знаешь, какой образ перед глазами появляется?

П.: Какой?

В.: Маска, на которой намалёвана ухмылка. Дурацкая, во всю маску ухмылка.

П.: Этот образ — это что? След от стресса?

В.: Нет. Просто образ. И вообще, у меня такое ощущение, что того, что происходило со мной в Центре, как будто не было. Или не со мной происходило...

П.: Так. Хорошо. Но это сейчас — *ухмылка*, после того как мы столько из тебя вычистили. И такую большую работу осознания провели. А ведь не встретиться мы, ты бы и дальше... умирала. А камень и поныне в почке... Будем надеяться, что обойдётся без операции.

В.: Не обойдётся.

П.: Да?.. Но ведь... ведь ты и раньше могла понять, что с этими приписываемыми тебе характеристиками не всё в порядке: два признанных экстрасенса тебя видят по-разному. Причём брат с сестрой. Можно бы догадаться, что это они сами про себя?

В.: Теоретически можно, но как, если всё это — штопором? И никуда от него не денешься — ввинчен. А потом они довольно много одинакового говорили. Например, что от меня чёрная энергия исходит. Что где бы я на курсах не села, пусть хоть в стороне, хоть на последнем ряду, говорили, что я притягиваю к себе всеобщее внимание. Говорили, хочу быть в центре внимания, да и вообще, что я ни сделаю — всё зло... И только ты разглядел во мне детскую наивность и интереснейшего собеседника.

П.: Так ведь это же правда! Чем дольше мы с тобой общаемся, чем больше я с тебя снимаю психоэнергетических травм, тем более интересным собеседником ты становишься. Причём заметно меняешься, и я тебе об этом уже говорил.

В.: С кем поведёшься, от того и наберё...

П.: Понимаю, что ты хочешь сказать. И, тем не менее, это — *твоё*.

В.: Моё?! Я надеюсь, что я не более чем твоё влияние. Я — отражение тебя. Я же — *зеркало*.

П.: Это не так. Вернее, не совсем так. Твоё тебе всё равно всегда сохранялось, даже когда оказывалась в гуще целителей. Ть>1 же говорила мне: была с ними не согласна, говорила, что только Христос имеет право вмешиваться в биоэнергетическое поле человека. Ещё до того говорила, когда эти слова превратились в пустую формулу и все вокруг стали её повторять как заклинание. Твоё в тебе твоим и осталось.

В.: Так — да. Мне часто хотелось сказать «нет», но я ничего не могла поделать и говорила: «да... да... да... да...»

П.: Здесь нет противоречия: конкретное поведение — это некоторый баланс между тем, что *твоё*, и тем,

что тебе ввернули штопором или вдавили цилиндром. А третий компонент баланса — влияние *непосредственное*. Но вряд ли твои «да» — только их вмешательства. В этом есть опасность самооправдания, дескать, раз зеркало, то сама ни за какие поступки не отвечаю. Ведь, в конце концов, закономерен вопрос: *а как ты вообще в Центре оказалась?*

В.: Я же не знала. А потом там слова такие правильные произносятся. Иконы, свечи, крестики настоятельные... Молятся. Все кругом их хвалят. Восхищаются ими. Или их ругают. Гонимые получают. Говорят, как Христос и Его ученики... Как тут сразу разобраться? Спасибо тебе... За то, что ты для меня сделал.

П.: Опять! Ты сама! Бог! Но вот, что я думаю... Это твоё свойство отражать внутренний облик других людей и в первую очередь подавляющих, хотя в некоторых ситуациях и опасное, одновременно твоя защита. Ведь *они* бессильны тебя использовать так, как бы этого хотели. Я имею в виду, использовать твои биофильные качества. Ведь ты же немедленно как бы преобразовываешься в их облик, и они начинают видеть в тебе конкурента, опасного для них, подавляющего, коршуна или лисицу, человека, который притягивает к себе внимание, потому что это — сжигающее *их* вождение, где бы они ни сели. Да они попросту *боятся!* Боятся человека, о котором подозревают, что он знает всю их подноготную!! Хотя вряд ли позволяют это себе логически осмысливать, а если осмысливают, то наверняка пытаются скрыть.

В.: Вот точное слово — сжигающее! *Сжигающее вождение*.

П.: Так мы же всё-таки писатель, а не хухры-мухры.

В.: Ну вот, началось!

П.: Так. Не будем расслабляться. Как ты скажешь, мы уже достаточно обсудили проблему наших с тобой ссор? Достаточно, чтобы вытащить эту спицу?

бСефирот

П.: Будешь выгаскивать?

В.: Буду. Только...

П.: Что? Вперёд или назад?

В.: А почему ты это спросил?

П.: Потому что, кто знает, может быть, там на спице есть какие-нибудь зазубрины? И назад не выгаскивать.

В.: Тьл прямо как видишь. Зазубрины действительно есть. Как на рыболовном крючке. Но выгаскивать всё равно надо назад. Тем же путём, каким и воткнули.

П.: Ну так выгаскивай.

В.: Ой! Ой!

П.: Больно? Может быть, помочь?

В.: Нет, не надо, я сама. Ой!.. Всё...

П.: Прекрасно. Как твоё самочувствие?

В.: Замечательно. Во всём теле чувство лёгкости, и голова — такая ясная! А лоб — прохладный.

П.: Хорошо. Ощущение: ещё позанимаемся или на сегодня достаточно?

В.: Достаточно.

П.: Хорошо. Вспомни что-нибудь приятное. Случалось ли у тебя в последнее время что-нибудь приятное?

В.: Приятное? Случалось. И очень часто. А то, чем мы сейчас занимаемся, разве не приятное?

Разве это не прекрасно, что я на тебя не буду больше понапрасну наскокивать? Разве это не чудесно? Разве от этого не должно хотеться улыбаться?..

И как написали бы в романах: *Юн почувствовал нежное прикосновение затрепетавших губ. Он закрыл глаза, и ему показалось, что всё тепло взаимопонимания, которое только может вместить мир, ласково прильнуло к его телу Он...*» (Это безобразие! Такие вещи стали писать в философско-медицинских трактатах! И это —

взрослые люди! Просто какой-то ужас! После «Он»

вычеркнуть, вымарать и забрызгать сверху чернилами!!! — Редактор.)

Глава двенадцатая ССОРЫ-2

(техника психокатарсиса)

П.: Так... Закрывает глаза... Хорошо. Итак, неадекватности... Неадекватности в наших с тобой взаимоотношениях, которые ведут к ссорам. То, что заставляет тебя со мной ссориться, у тебя — где? В голове?.

В.: Да.

П.: А что это такое?

В.: Улитка.

П.: Улитка?!.. Та-ак... А давно она у тебя?

В.: Н-н... Не знаю.

П.: Сколько? День? Два?

В.: Нет... Больше.

П.: Прекрасно! Значит, появилась прежде, чем поссорились. Причина ссоры — она, но к теме ссоры непосредственного отношения не имеет. Сколько? Год? Полтора?

В.: Нет... Две недели.

П.: Две недели? Всего? Так... А посмотри внимательно: улитка какого цвета?

В.: Серо-коричневая.

П.: Однородная? Я имею в виду, она за один раз сделана? Посмотри внимательно, может быть домик улитки не за один раз появился?

В.: Удивительно, как ты иной раз точно угадываешь * . Как будто сам видишь. Да. Построен не за один раз.

П.: А сколько лет этой второй составляющей?

В.: Двенадцать лет. Это главная часть улитки.

П. [*МОЛЧИТ*, думает]: Так. Двенадцать лет назад... В тот год родилась дочь, осложнение после родов, попала в больницу, развелась с мужем... Что-то послужило ассо-

* На самом деле, это общий способ существования неврозов. Очередная травма «садится» на предыдущую, а та — на «слабое» место.

циацией? Ассоциации... [Вслух] Так вот почему ты мне постоянно приписывала то, чего я не говорил! Да и говорить не мог! Двенадцать лет! Ну и баран же я, что не догадался раньше, что ты не со мной ссорилась, а ещё с кем-то! Ладно... Так. Хорошо. Что надо сделать, чтобы улитка уползла и брлыне не влияла на наши отношения? Рассмотрю её внимательно. Наблюдай, как она уползает.

В.: Нет, не уходит... А ты знаешь, мне иногда кажется, что ничего у нас с тобой не было, не случилось, и мы с тобой не встречались. Как будто *ничего не было*.

П.: Стоп!..

В.: Что?..

П.: ТЪ>1 уже что-то похожее говорила.

В.: Я?

П.: Да. Только это была зеркальная ситуация. Ты сказала, что у тебя иногда такое ощущение, что в Центре это была не ты. Как будто *ничего не было*.

В.: И что это значит?

П.: Не знаю.

В.: Почему?

П.: Откуда я знаю, почему? Так углублённо психокатарсисом я впервые занимаюсь. Но я запомнил. Когда-нибудь ответ будет. Итак, что же улитка? Посмотри внимательней.

В.: Нет. Она уползать не хочет.

П.: Может быть, к ней притянута твоя энергия?

В.: Нет.

П.: Посмотри, может быть, есть какая-нибудь удерживающая программа?

В.: Нет.

П.: И всё-таки что-то есть. Посмотри внимательно: какого цвета то, что мешает тебе от этой улитки избавиться?

В.: Кроваво-красное...

П.: А какой формы этот предмет?

В.: Это не предмет... Это... Это моё сердце... Оно разрезано. *В кровь*.

(Примечание: сердце — это обычно место фиксации разочарований. Обманули или обманулась, намечтала или нафантазировала, а потом разобралась, как на самом деле устроена жизнь, и сердце, как говорят в народе, «кровью облилось».)

П.: Когда оно было разрезано?

В.: Двенадцать лет назад...

П.: Так... А кто это сделал? Мужчина или женщина? Да что я спрашиваю — мужчина, разумеется...

В.: На самом деле все вместе... Много факторов. И во многом я сама.

П.: А тебе будет лучше, если сердце твоё заживёт?

В.: Да, будет лучше.

П.: Так заживляй!

В.: ...

П.: Рассказывай, что происходит.

В.: Зашила. Нитками внахлёст.

(Оценка внешнего состояния: вздоха облегчения нет, иных внешних проявлений улучшения психического состояния тоже нет.)

П.: А только *зашить* достаточно? Может быть, ещё что-нибудь надо сделать? Чтобы рана совсем затянулась? Что ещё надо сделать?

В.: Н-н... Не знаю.

П.: Знаешь. Может быть, смазать какой-нибудь целебной мазью? А то ведь у нас есть любая. Или просто на рану руку положить?... Что происходит? Рассказывай.

В.: Ничего не происходит.

П.: Сосредоточься. Посмотри внимательно... *Что надо сделать, чтобы рана затянулась без следа?*

В.: Н-н... Не знаю...

П.: ...Странно... Ты всегда с такой лёгкостью разрешала все сформулированные задачи. Ещё раз попробуй.

В.: ...Нет. Ничего не меняется...

П.: А ты уверена, что тебе будет лучше, если рану заживить?

В.: Да. Я даже так скажу: она у меня прежде несколько раз заживлялась...
П.: Несколько раз? А потом?
В.: Потом края опять разошлись... И опять начинала сочиться кровь.
П.: Раз заживлялась, значит может зажить и окончательно. "Хорошо. Посмотри внимательно: может быть, *в самой* ране что-то мешает процессу заживления? Может быть, рану надо почистить? Или промыть? Мешает?"
В.: Нет. Ничего не мешает.
П.: Так. Может быть, есть нечто, некий предмет, с которым надо разобраться прежде заживления? Ще он?
В.: Нет, ничего не вижу.
П.: Так. Не волнуйся. Всё хорошо. Сейчас мы найдём решение. Вернее, ты найдёшь. *Итак, что надо сделать, чтобы рана затянулась без следа и больше не оказывала на твою жизнь отрицательного влияния?*
В.: Нет... Не получается... Всё. Я больше не могу. Давай заканчивать. Очень устала.

Глава тринадцатая ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

(техника психокатарсиса)

П.: Давно хотел проработать один вопрос... Позанимайся со мной, пожалуйста... Великая, между прочим, до сих пор тайна была от всех.
В.: А почему не сам?
П.: Не знаю... Может, потому, что мне приятно, когда ты рядом? А может, потому, что ты задаёшь такие вопросы, которые я себе никогда бы не задал. Позанимаешься?
В.: Ты бы задал себе ещё лучшие.

П.: Ъ>1 думаешь?.. И всё-таки, позанимайся, пожалуйста, со мной.

В.: Как скажешь. Садись. Или ляжешь?

П.: Лучше сяду.

В.: Так с чем бы ты хотел поработать?

П.: Помнишь, я тебе рассказывал, что этим летом, до того как мы с тобой встретились, я разыскал ту, которую я называл «первая любовь»?

В.: Помню.

П.: Да, разыскал и, поговорив с ней по телефону, в очередной раз понял, что она совершенное «не то». Как и тогда, 18 лет назад, говорить с ней не о чем. Общего — ничего. И хотя она заметно аутична — всё-таки дочка офицера и алкоголика, тем не менее, нет такого ощущения, что она наносит какие-то особенные психоэнергетические травмы.

В.: А с чего ты взял, что она аутична?

П.: По многим признакам. К примеру, она единственная из нашей институтской группы, которая после выпуска не поддерживает ни с кем отношений... А главное, голос... Такой особенный голос, как будто перестала она говорить, но всё эхо слышится... То есть, не эхо в буквальном смысле, а такое ощущение, *как бы*... Впрочем, я не умею этого объяснить... А поработать я бы хотел с одним случаем, который никак из головы не выходит... Сколько лет прошло, а воспоминание яркое, как будто было всё... ну, скажем, час назад... Идём мы по коридору — институтскому. Вчетвером. Первый этаж, как сейчас помню, левое крыло, рядом — она, Ленка. А я всё говорю, говорю, вернее, несу какую-то околесицу, за которую мне же самому и стыдно. Как пьяный. Мучительно. Как будто себя со стороны вижу — имучаюсь. И не могу остановиться. Как будто задыхаюсь...

В.: Задыхаешься? Закрывай глаза. Так. От кого из тех троих, которые с тобой шли, идёт эта волна?

П.: От... от второй, дальше Ленки... Ирой Куценко её зовут...

В.: Ты и фамилию помнишь?

П.: Помню. А что тут такого?

В.: А ты всех в своей институтской группе по именам и фамилиям помнишь?

П.: Ленкину помню... Ещё вспоминается фамилия одной у нас редкостной шлюхи... Проститутки даже. За артиста вышла, что удивительно. А может, наоборот, закономерно... Остальные как-то сразу не вспоминаются.

В.: А вот это-то и интересно. Я, например, тоже одну-две фамилии вспомню — и всё. И то не сразу, а ты — сразу. Ты разве с Куценко дружил?

П.: Нет. Не дружил. Даже не общался. И хотя пять лет в одной группе, только два факта из её жизни мне и известно. Первый, что ей каким-то чудом без влиятельных родственников удалось остаться после распределения на кафедре. Это была всеобщая мечта, потому что через три года автоматически — учёная степень. И как бы ни посмеивались над тем, что диссертации, защищенные в учебных институтах — детский лепет по сравнению с теми, какие защищают в академических институтах, всё равно корочки они и есть корочки, карьеру обеспечивают. Насколько я знаю наш учебный институт, из них почти никто в науке и не остаётся — большими потом начальниками становятся — в министерствах, на производстве, да вообще во всяких мыслимых и немыслимых конторах. Постой-постой... Так в этом и разгадка... Так вот, эта Куценко каким-то чудом, не будучи отличницей, не имея «лапы», заставила их признать, что она должна получить лучшее место. Мы тогда все удивлялись. А второй факт — была в группе начальником: то ли комсорг, то ли профорг...

В.: Словом, облик вырисовывается достаточно отчётливо...

П.: Да. Что же получается?! Иду по коридору, смотрю на одну девушку, а в это время задыхаюсь от психоэнергетического удара от другой?! А потом боль травмы, объединённой со случайной картинкой, с Ленкой,

которая шла со мной бок о бок, объявляю любовью. И при этом удивляюсь, как это я мог влюбиться в девушку, которая абсолютна «не то»! Это же какой-то кошмар получается! Восемнадцать лет думать, что был влюблён, потому только, что рядом, в метре, — сволочь была редкостная! И почему решил, что именно — *влюблён*? Почему не решил, что это другое какое-нибудь чувство? А?!!

В.: Тьг, наверное, об *этом* думал.

П.: Может, я и думал, потому как юноша в период гиперсексуальности, в 18 лет, всегда об *этом* думает... Но ведь ко времени этой «первой любви» у меня уже два года была любовница. Которая, хотя и оскорбляла меня тем, что не была достаточно красивой, но...

В.: Как это глупо: красивая — не красивая!..

П.:! Птупо — не глупо, а так было. Я рассказываю, как было на самом деле.

В.: А ты никогда не думал, что ты ей, этой Куценко, мог нравиться?

П.: Нравиться? Да что ты! Она толстая, лицо широкое, эпилептоидный тип — солдатский. А ведь действительно: она же эпилептоидка! То есть, конституционально как раз и относится к тому психотипу, который наиболее успешно реализует себя именно в иерархиях. Осталась на кафедре... Уж если захотят подавлять — то сделают это законченней других психотипов. Смотри-ка, всё сходится!

В.: Это *для тебя* невозможно, потому что толстая. А ей — всё равно нравился. Хотя она могла ничего и не предпринимать, понимая, что — невозможно.

П.: Ирка?.. Она?.. Хотя чего только в жизни не бывает! Ведь, в сущности, Куценко — классическая дочка офицера! Мой контингент. Ну и дела!.. Й же недаром чувствовал, что надо поработать... С тобой. Но ты представь, какая несправедливость! Лежишь, допустим, с очередной женой в постели, делать надо то, что она от тебя ожидает, а сам в это время о другой дума-

ешь! И думаешь, что *та* — это любовь! Та самая, воспетая поэтами, *неудавшаяся первая любовь*! А соединиться с ней не можешь, потому что говорить с ней не о чем, да и вообще общего нет ничего! И мучиться чуть ли не всю жизнь! Восемнадцать лет! А ведь сколько так же живут! Во всяком случае, согласишься с кем по душам, так оказывается — чуть ли не каждый второй!
В.: Ужасно.

П.: Хорошо ещё, что этой «первой любовью» ты не первая занималась. Однажды лечил я одну психологию, в сумасшедшем доме работает, и как-то в разговоре то ли она мне подсказала, то ли я сам догадался, что выбор объекта этой «первой любви» был произведён помимо моей не только воли, а вообще помимо меня! Правда, мы шли путём логическим, но тем более — логическое осознание от боли не освобождает... Так я после этого с той психологией вообще не мог общаться. Ты представь себе: без малого восемнадцать лет мучиться с разными жёнами, думать при этом о другой, не в силах чего-либо в своих чувствах изменить — что тут может гордость подсказать? Вот, дескать, какое загадочное и прекрасное это чувство — *любовь*, что так сильно переживаю. А раз так сильно переживаю и мучаюсь, то каков я, и насколько прекрасно моё сердце! Гйубо-о-окая натура! А тут какая-то психологиня отнимает такую игрушку самовосхищения! Выбор, видишь ли, не моей волей и помимо меня! Поневоле возненавидишь! Мы с той психологией ещё встречались, в одну компанию пару раз были приглашены, но я ей так и сказал: «Конечно, путь к самоосознанию, следовательно, к свободе — это прекрасно, но не могу! Прости меня!»

В.: Так и не помирился?

П.: Нет. Так я и говорю: хорошо, что это упражнение для гордости я пережёвывал до тебя. А не то бы поссорились с *тобой*. Хотя... Что вообще люди о себе могут знать?..

В.: Что-нибудь ещё хочешь сказать?

П.: А что тут можно сказать?.. Разве что... А может, эта вторая слева — и есть та самая главная из подавляющих?! Та царица, восточное божество, которое мелькнуло, когда мне было восемнадцать лет? Помнишь? Мы тогда вокруг её головы позолоту обдирали.

В.: Помню. Как ты скажешь, надо выяснять: она это или не она?

П.: Нет, не надо. Всё ясно. *Она*.

В.: В таком случае, это воздействие, которое она оказала на тебя, — в каком оно виде? Что это?

П.: А его уже нет. То ли оно исчезло от рассмотрения ситуации, то ли когда раньше — не знаю.

В.: Продолжим сегодня работу? Хочешь?

П.: Хочу... Только...

В.: Что — только?

П.: Только я думаю... Та «первая любовь»... Ведь я однажды в Ленкином альбоме свои фотографии нашёл. А она засмеялась смущённо, как будто поймали за руку, и говорит: «Только не гордись, пожалуйста!» Опять-таки, домой приглашала... А может... А может, *она тоже* в том коридоре получила самую сильную в своей жизни травму?!..

^ Глава четырнадцатая ЗОЛОТАЯ РЫБКА!

В.: Разве надо — глаза открывать? Нет? Тогда закрой... А всё потому, что ты мне сопротивляешься! Я так устаю от этого... *Твоё* сопротивление обессиливает *меня*.

П.: Ох уж эти женщины! Сопротивляться им — ни-ни! А что, я тебе *во всех* ситуациях сопротивляюсь?

В.: Не во всех.

П.: Да я и сам чувствую, что сопротивляюсь. И даже догадываюсь когда. Когда невроз нейтральный, от наших с тобой взаимоотношений абстрагированный предельно, — я не сопротивляюсь. А когда реализация невроза хотя бы отчасти с тобой связана, начинаю сопротивляться. Больно. Но теперь начинаю понимать, что мсгё при этом напряжение вовсе не из-за тебя, не из-за твоих свойств как личности. Это какая-то неадекватность... Во мне. Сам в себе поначалу ревностью называл. Но с каждым выброшенным куском металла прихожу к выводу, что это не ревность. Да и вообще, похоже, в понятие «ревность» вкладывают множество смыслов.

В.: Хорошо. С чем у тебя ассоциируется твоё мне *ложное* сопротивление? Какой это предмет?

П.: Э... Весы! Вижу весы.

В.: Какие?

П.: Обыкновенные. Весы, как на старинных гравюрах. Две чашечки на коромысле.

В.: Вот как? И что же там, на чашечке? Нет, прежде скажи мне, какая из них перевешивает?

П.: Левая. Та, что от меня слева.

В.: Так. А что на ней?

П.: Паря.

В.: Какая?

П.: Обыкновенная такая гирия. Стандартная магазинная. Железная. Цилиндрическая.

В.: Понятно... Железная, говоришь?.. Так... А что на другой чашечке?

П.: Стекланный сосуд. Напоминает по форме старинную чернильницу. Сосуд из закопчённого стекла. Стекло тонкое и могло бы быть очень прозрачным.

В.: А что там внутри?

П.: На дне — чернила. Высохшие.

В.: Высохшие?.. Так... А скажи, которая из чашечек должна перевешивать?

П.: Конечно, со стеклянным сосудом! Кстати, у него и размер с чернильницу. Но вот если бы эту «чернильницу» сделать побольше... И воды налить... Нет. Надо прежде что-то сделать с гирей.

В.: Хорошо. А какой *внутренний смысл* этой гири?

П.: А в ней... в ней — удивительно! — *золотая рыбка*]

В.: Золотая рыбка? Действительно, удивительно.

П.: И ты знаешь, очень такая хорошая, красивая и здоровая золотая рыбка.

В.: Здоровая?

П.: Да. Ведь обычно заглянешь в какой-нибудь аквариум с золотой рыбкой — непременно она там с каким-нибудь изъяном. А эта совершенно здоровая... Красивая такая! Прямо удовольствие смотреть.

В.: А *что* это такое: *золотая рыбка*? Что первое в голову приходит?

П.: Это? Это... — любовь!

В.: Что?!

П.: Да! Я, между прочим, как только за железом рыбку разглядел, так сразу и подумал, что — любовь. Ещё до того, как ты спросила. Вернее, не то чтобы *подумал*, а так... *как бы подумал*,..

В.: А причём здесь гиря?

П.: А это — железо. Забитость стрессами. Закована она, рыбка, в железо... Это мне... Это мне *мать* сделала!

В.: Железо... Внутри *спрятано*... Чтобы не видно..! и не выплывала...

П.: Закована! Заклёпана!

В.: Ты знаешь, а ведь во всём этом есть определённая логика... Весь этот многочисленный металл от неё... Неудачный выбор женщин для брака... Жить с ними невозможно — в этом *для неё* выигрыш! Ты от них неизменно домой возвращался. Всегда, получается, при ней был. И остаёшься.

П.: Да. Так получается. И, кстати, не такой уж и редкий случай. Об этом много в специальной литературе есть. Мать, в особенности если она не в состоянии полюбить мужа, компенсируется на сыне. Каким-либо образом, скорее всего, бессознательно, внушает ему, что женщины — мерзость. Или он сам — ничтожество. И он обречён всегда, следовательно, быть при ней. Без жены. Жертва, естественно, воспеваешь мать как, разумеется, самое прекрасное и бескорыстное любящее создание. Только я мать не воспевал. В особенности после того, как оказалось, что она отцу изменила.

В.: Я знаю.

П.: Интересно узнать, что и я из тех же... Закованных матерью. Спасибо. Да плюс к тому теперь и механизм знаем: заковать во внушения... Железной убедительности. Впрочем, неудачными браки были ещё и потому, что я, как и положено, выбирал мать. Подавляющих. А с ними не договоришься.

В.: Хорошо. Продолжим. А что надо сделать, чтобы рыбка, наконец, обрела свободу? Она её хочет?

П.: Странный вопрос! Конечно же, хочет! Только надо сначала сосуд подготовить. Очистить.

В.: Как?

П.: Прежде всего, очистить от копоти. Протереть.

В.: Ну так и...

П.: Уже. А затем — водой. Чтобы очистить от высохших чернил.

В.: И...

П.: Всё. Чисто. Только надо бы ещё и форму сосуда изменить.

В.: На какую?

П.: Да я, собственно, уже изменил. Красивая такая форма... Только я названия её никак вспомнить не могу... Древнегреческий стандарт. Пифос?.. Нет, не помню. Красивая такая — но не амфора.

В.: А что такое амфора?

П.: А это с двумя ручками. Могла быть сделана из чего угодно — из стекла, бронзы... Попроще — те из глины. В них хранили вино и масло. У некоторых амфор бывало плоское доньшко, и они могли стоять вертикально. А у прочих дно было коническое, поэтому вертикально стоять они могли только в специальных гнёздах. Рядами. В подвалах хранились, или на кораблях перевозили в них зерно, вино, масло. Кстати, достают их именно с древних затонувших кораблей. А я вот, понимаешь, — из собственного подсознания... Ясно, что такое амфора?

В.: Ясно.

П.: Так я на весах не амфору сделал. А ёмкость гораздо более красивой формы. Очень красивой. А теперь надо распилить гирию... Так. Всё. Пополам. И рыбка теперь плавает. Хорошо ей. И чашечка с этой красотой перевесила!

В.: Какой у тебя глубокий вздох облегчения! Красиво! А с половинками гири что делать?

П.: А ничего. Пусть там и лежат. В назидание потомкам.

В.: Может быть, их куда-нибудь выбросить?

П.: А зачем? Они не мешают... Послушай, милая ты моя, родная, прости ты меня, пожалуйста... За всё! Что уставала со мной! Это я из-за железа тебе сопротивлялся! В сущности, подавляющая мать — проклятие на всю жизнь! И то, что ты не похожа, будет вызывать некое тебя неприятие... Но только *некое*! Прости меня, пожалуйста!

В.: Что ты! Я уже давно всё простила. Да и разве это была усталость?

П.: Ну всё равно, после ссор, помнишь, из головы у тебя стружку выметали?

В.: Зато сейчас ничего не остаётся.

П.: Спасибо тебе! Я никогда этого не забуду! Я так тебя... так тебя люблю!.. А ты знаешь, после того, как я у тебя прощения попросил, рыбка-то лучше себя стала

чувствовать. А то хорошо-то ей было, но при поверхности всё время была, не могла оторваться, вроде как воздух заглатывала. А теперь — ух, и хорошо же ей там!

П.: Милая, а *сегодня* я тебе сопротивлялся? В.: Нет, йой хороший.

Глава пятнадцатая СИНДРОМ УЧИТЕЛЬНИЦЫ И СВЯЩЕННИКА

П.: Я тебе рассказывал про учительницу и священника?

В.: Нет.

П.: Давно уж это было. Звонит мне по телефону женщина, представляется учительницей и говорит, что они в школе сейчас проходят творчество Достоевского, и, поскольку ей меня представили как хорошего писателя, она просит меня перед её классом выступить. «Вот совпадение, - говорю, - я как раз последний месяц занимаюсь Достоевским». «Значит, судьба, - говорит с особенно значительной интонацией она. - *Значит, так надо*». Урок тот должен был быть через неделю, и мы договорились, что она мне накануне ещё раз позвонит. Но я её номер телефона на всякий случай взял. Срок подошёл - она не звонит. Делать нечего - звоню я. А она мне говорит: «Я разговаривала со священником, он мне всё о вашей церкви рассказал».

В.: Наверное, всё-таки было слово «секта».

П.: Не помню, может быть. Но вряд ли, дама, в общем-то, достаточно культурная. Хотя можно посмотреть и иначе: значима ведь только интонация. В таком случае, ты права. Но не это важно. А потом эта учитель-

ница начинает оправдываться, почему она, как обещала, не позвонила. «И вообще, - говорит, - всё, что вы сказали, неубедительно!» Я удивился. Как, говорю, такое может быть, если я *ещё ничего не сказав*? А она: «А это не важно. Всё равно неубедительно. А вот священнику я сразу поверила». Я: «А что же он такого сказал?» «А ничего такого особенного и не сказал, но это было *убедительно*».

В.: Пзупость какая-то.

П.: Глупость, но только с одной стороны. С точки зрения анализа логического смысла слов. На самом же деле эта учительница мне очень помогла. Она, как учительница, живёт только внушениями. И ей свой способ существования удалось выразить!

В.: Но что-то не чувствуется, что она жертва.

П.: Да. Не жертва. В каком-то смысле. Инициативная, сама незнакомому человеку позвонила, *учительница*. Так вот, пожалуй, с этого-то случая я и задумался. Собственно, она сделала большую часть работы: она мне преподнесла *даже терминологию!*

В.: Верно говорят: мудрый учится даже у глупцов.

П.: Да. Древняя мудрость: *Учитель может быть везде-в* дереве, утренней заре и даже в глупце. Только не говори мне, что от скромности я не умру.

В.: Не умрёшь.

П.: Но я не отрицаю и что я глуп. Ведь, по пословице, на *своих* ошибках учатся именно дураки. Но хуже того: учусь лишь спустя много лет после того, как научился.

В.: Опять парадокс?

П.: Не совсем. Жизнь. Мне тогда ещё восемнадцати не исполнилось. Студентом был. Первая сессия. Первый экзамен. Это был мой в то время любимый предмет - история. Я к экзамену подготовился, как, наверное, никто в группе. И нисколько не сомневался, что знаю его на «отлично». Ответил всё - от и до. А мне только - «хорошо». Было не просто обидно, было боль-

но. Хорошо, обиду проглотил, подходит следующий экзамен. Я опять к нему подготовился прямо-таки блестяще. И опять - «хорошо». Ладно. Третий экзамен. Последний. Хорошо помню: в ту первую сессию было только три экзамена. И надо же было так случиться, что подготовиться у меня возможности не было. Да к тому же накануне экзамена напился что называется до порсячьего визга. Да и вообще домой вернулся только под утро, часа в четыре. Естественно, проспаться к экзамену толком не успел, так, хмельной, с гудящей, ничего не соображающей головой и пошёл. Не готовый. И - «отлично»!! Студенты вообще суеверны, и я, чтобы не спугнуть удачу, в следующую сессию перед экзаменом принципиально не готовился, опять накануне напился и, не проспавшись, пошёл на экзамен. И опять - «отлично»! Опять - *опять* «отлично»! Так я с тех пор примете этой верен и остался. Научился, словом, сдавать экзамены. Нет, раз нарушил. Предмет, как сейчас помню, был «Вычислительная математика». Я то ли в сессию болел, то ли на соревнованиях травму получил, словом, сессию мне продлили. Но я не просто к предмету подготовился, сверх того я ещё одну девицу подготовил. Все билеты ей объяснил. Теперь, после того как я столько от неё железа повиытаскивал, я понимаю, что она яркая некрофилка, а тогда... Тогда - нет. Словом, понимаешь, что если ещё кому-то все билеты объяснишь, то сам невольно начинаешь в этой галиматье разбираться. А та девица - ноль. Идём сдавать вместе, даже направление в деканате, кажется, на одном бланке выписали. Трезвый пошёл. Сдали: ей - «отлично», мне - «хорошо». Тут я возмутился. Да что же это такое, говорю! Словом, прижал того старого хрена, выдал из него пятёрку. И с тех пор судьбу, что называется, не искушал. Хотя пить не хотелось. Как лекарство заглатывал. А теперь, учась дальше, спустя много лет после того, как научился сдавать экзамены, понял что же за всем этим стояло. Никакой, естественно, метафизики,

просто от алкоголя человек становится энергетически опасен. Не только от алкоголя, но, видимо, вообще от всего неестественного, что попадает внутрь. Я помню ту жирную бабищу, которая мне в институте первую пятёрку поставила. Может быть, я тогда и подумал, что я заинтересовал её как мужчина: уж больно она тогда была готова на всё хихикать. Рядом со мной. Старая калоша, верно, думал, а туда же. Словом, расстилалась. Но потом были другие экзамены, и дело явно было не в моих мужских качествах. Просто, выпивши, я становился *убедителем*, и учительнице со мной было *хорошо*. Выпив водки, я как бы для неё становился священником. Отсюда получается, что в нашей реальной жизни практическим «священником» является водка - вообще любой наркотик. А вокруг собираются учительницы... Своих детей.

В.: Представляю, если бы ты на комсомольском собрании стал объяснять, что в институтах учат преимущественно водку пить.

П.: А что, разве не так? Кто часто отличники? Разные мерзавцы. Редко - зубрилки. А у студентов, шутят, есть свойство тут же забывать предмет, как только они его «скинули». Естественно.

Студент заинтересован *сдать*, а не *знать*. А в результате получают - «командиры производства». А вот Толстой от всех прочих отличался: когда вышел из Университета, объяснил это тем, что бросил его не потому, что учиться не хотел, но, напротив, потому, что хотел.

Парадоксальная, но мудрейшая мысль! Иерархия, действительно, учит, но может научить только приёмам подавления. Да *они* вообще все пьют: актёры, преступники, военные, врачи, преподаватели, священники. Подсознательно они подмечают, что по иерархической лестнице поднимаются быстрее те, которые больше блюют. Почему ужираю-щихся священников не гонят взащей? Потому что без выпивки не у каждого хватает силы некрополя, чтобы прихожане почувствовали, что он *настоящий*. Поэтому

каждый священник оказывается перед выбором: нажираться или не нажираться? И в итоге упиваются до наглости утверждать, что даже в Кане Галилейской первое чудо заключалось в том, что воду в водоносах Иисус превратил не в виноградный сок, а в винище.

В.: Да, я помню, ты говорил: два смысла слова.

П.: Но это только в Новом Завете. В Ветхом для плодов виноградной лозы употребляются несколько слов. А в Новом - одно. *Охинос*. Это и чистый виноградный сок, и испортившийся, перебродивший - винище. Какой из них создал Христос, Создатель всего?

В.: Какой - очевидно.

П.: Тебе. Но не тем, которые могут, приносиваясь, стать признанными. Но более того, поскольку создавать все могут только то, что *могут*, следовательно, Христос создал виноградный сок от такого винограда, который был в Эдеме. О, это был совсем другой виноград! Ещё за 1600 лет до воплощения Христа, когда вышедшие из Египта в пустыню евреи послали в землю обетованную разведчиков, те вернулись с гроздью винограда, которую несли на палке двое. Двое! Иначе не могли поднять!

В.: Ого! Представляю, что это была за гроздь! И вкус, наверное, другой!

П.: Но и это уже был виноград выродившийся: во-первых, за долгие столетия греха, а во-вторых, из-за изменения климата и почв после Потопа. То есть, созданный Христом в Кане Галилейской виноградный сок был настолько прекрасен, вкус его настолько замечателен, что на свадьбе потряс даже пьяниц, людей с вкусом уже извращённым! И они, потрясённые, засвидетельствовали, что есть наслаждение. И что оно может прояснить, пусть на мгновение, разум любого! Создать винище не чудо, чудо - создать то, чего *не может создать никто!*

В.: Я всегда чувствовала, что только так и должно быть.

П.: Правильно. Именно поэтому ты - это ты. А что касается Причастия, то тут из него государственники устроили кошунство. По заповеди, на пасхальном столе, за которым Иисус преподавал последнюю в"ечерю, ничего прокисшего, квасного, брожёного не должно было быть, по той простой причине, что *все* предметы Пасхального стола символичны - и хлеб, и вино, и горькие травы, и сам агнец. А дрожжи, закваска - символ греха. Отсюда и необычные лепёшки без дрожжей - опр"есноки, и виноградный сок. Отсюда естественно, что Христос, утверждая на века символы Причащения, брал в Свои руки чашу с чистым, святым виноградным соком. А все эти красные вина государственных религий, на вкус которых в храмах кодируют, - кошунство! И вместо причастия винище будут защищать, не потому, что без него в иерархии никак невозможно, но потому, что с ним надёжней.

В.: Но тебе могут сказать, что символ он и есть символ и, в общем-то, всё равно: то вино, которое в руках Христос освящал или это...

П.: О нет! Это уже не госвера, это популярный протестантизм. Государственники выразились бы проще: *так верили наши отцы*.

В.: Естественно. Ведь ты же сам нас на экскурсию к баптистам водил. Те хоть как-то пытаются обосновывать свои символы.

П.: Символ - это действительно широкие ворота... Даже *чересчур* широкие. Но и здесь интересно анализом выявить две главнейшие пересекающиеся закономерности. Если во время Причащения необходим символ Истины, который был бы жидкостью, то в Новом Завете их несколько. Например, вода. Вода в Новом Завете тоже символ приобщения к Богу, ко Христу. Помнишь, что Христос сказал самарянке, у которой попросил напиться? *«Если бы ты знала дар Божий, и Кто говорит тебе: „дай мне пить“, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую»*. Символ? Символ!

Или: «Как новорождённые младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение». Ещё один символ!

В.: И как ты всё помнишь!

П.: А почему бы и нет? Ведь красиво!

В.: Красиво.

П.: Вот и получается, что если, как говорят, важна не буква, но сокровенный смысл, символ, то, пожалуйста, вот вам символы: и молоко, и вода, и сок! И всё библейское. А причём тогда винище?

В.: От алкоголя умопомрачение.

П.: Правильно. И по-настоящему, то есть бессознательно, только оно, умопомрачение, и ценится. Поэтому, естественно, и те же баптисты, и те же православные с католиками, зазывая на свои собрания, которые они называют богослужениями, говорят: приходите, там так *хорошо*. А *хорошо* - это ощущение взаимного подавления! Поэтому обязательно: у одних на стадионах под видом евангельских собраний - толпы, у других - поклонения высохшим кусочкам расчленённых тел, но у всех причащение всему этому - алкоголем. И что баптизм, что католицизм, что актёры с воспеванием страстной любви - всё суть разные воплощения одной страсти к умопомрачению.

Кайф правит миром.

В.: Как ты... жёстко выражаешься.

П.: А как надо?

В.: А что ты хочешь выразить?

П.: Что многие в этом мире явления не случайны и отнюдь друг от друга не независимые.

Переплетено, вернее, *заплетено* воедино всё: выпивка, страстная любовь, признание учительницей священника, восторг умопомрачения, воспевание некрофилической Матери, причащение алкоголем, жизнь некрофилов, а ещё судьбы биофилов, если им случилось быть зацепленными сетью этих переплетений...

В.: И что тебе приходит на ум?

П.: *Кайф правит миром.* Общий принцип существования.
В.: Может быть, как-нибудь иначе?
П.: Можно иначе. *Синдром учительницы и священника.*
В.: Уже лучше. Так значит, всё взаимосвязано?
П.: Конечно. Ещё в древности говорили: *без Вакха нет Киприды.* Знаешь, кто такая Киприда?
В.: Кто?
П.: Богиня любви Афродита. Она, по преданию, родилась на острове Кипр, отсюда и имя - Киприда. Просто другое имя. У неё вообще имён множество. Афродита, Венера, Астарта, Ашера... Но характер один. Во всех языческих народах поклонялись божеству любви и говорили так: Венера всегда побеждает. Мудрые древние! И если не в решении проблемы - достижении высот в эросе, - то хотя бы в определении приоритетов в этой жизни. Но *без Вакха нет Киприды* - древние воспевали ту любовь, которая *забористей*, в которой партнёр накачан наркотиками. Им обоим приятна некрофильность другого. Венера принималась, у Афродиты было выражение мечтательной брезгливости, Киприда хотела Вакха. Отсюда столь объёмный материал для учебников по сексопатологии. Язычество не исчезло - оно перекрасилось... Другие термины. Постой... Ты понимаешь, что сейчас у нас *чисто научный разговор?*
В.: А ты разве считаешь, что женщина способна на *чисто научный разговор?*
П.: Ну, видишь ли...
В.: А ты разве *хочешь* обсуждать?
П.: Видишь ли...
В.: А раз «видишь ли», то и я *чувствую*, что не стоит... Да и обедать пора...
П.: Согласен. Не будем.

Глава шестнадцатая ХАРАКТЕРНАЯ ДЕТАЛЬ

Рукопись своего рассказа «Дьявол» Толстой прятал в обивке кресла — от своей непомерно ревнивой йартнёрши. Прятал до времени посмертных изданий. Но он был уже стар, и ждать их оставалось недолго. А что делать автору этой книги с тем, что ещё в большей мере достойно обивки кресла, если автор всего лишь в том возрасте, в котором Лев Николаевич работал над «Войной и миром»? Ждать посмертных изданий в таком возрасте не стал бы даже Толстой. Так что, не взыщите... Единственное незавершённое дело великого Льва Толстого надо довести до конца.

* * *

П.: ...Сколько себя помню — иначе как в крепкой дружной семье верным мужем я себя не мыслил. Совсем не в такой семье, как у моих родителей. Естественно, что всякий союз был *навсегда*. Но на удивление из раза в раз оказывался в положении, которое называют любовным треугольником. Причём всегда одного и того же качества.

Нет, я не наставлял рога никому и никогда (разве что по незнанию), хотя такие предложения мне делали жёны, пожалуй, всех моих знакомых. Из десятков семей! Подчёркиваю — *знакомых*, не друзей. Но, несмотря на такой, казалось бы, успех, в треугольниках всегда уходили не *ко* мне, а *от* меня. И только с жизненным опытом понял, что, как бы женщины ни отличались друг от друга внешне или своим образованием, с любой из них у меня всегда воспроизводился, в сущности, один и тот же тип взаимоотношений: подбирал какую-нибудь растрёпанную (или, наоборот,

очень аккуратненькую), она рядом расцветала, а потом — бац, треугольник, она уходила, быстренько вновь становилась ободранной или лихорадочно оживлённой. Так ей было лучше... Да, всякий раз одно и то же: вначале лихой кавалерийский наскок очередной офицерской дочки, утрата ею фригидности, а потом... потом как-то разом я из их памяти исчезал. Забывали ещё до разрыва. Не так, как обычно показывают в кино: трагические расставания, слёзы и истеричные сопли, а... Просто забывали. Обидно всякий раз было... Упорно напрашивался вывод, что я хуже других... Но если так, если хуже, то чем? Естественно, для того, чтобы это понять, я присматривался к тем мужчинам, к которым от меня уходили. И выяснялось, что всякий раз предпочитали мужчин, которые, с точки зрения словесно возвещаемых в нашей культуре ценностей, мне многократно уступали. Во всех смыслах. В мускульном. Интеллектуальном. Физиологическом, — я имею в виду не только потенцию, но и внешность тоже.

К примеру, женщины как заведённые повторяют, что им нравятся мужчины высокого роста. Пожалуйста — в строю стоял одним из первых. Широкие плечи, говорят, нравятся? И это — пожалуйста. Следующий после максимального размер пиджака. Сила? В прошлом борец. Второй полутяжёлый вес. Образование — высшее, язык неплохо подвешен, начитан, приключений жизненных — море, есть о чём рассказать. Не изменяю. Не пью. Курил — бросил. Деньги зарабатывать умею. Руки — ювелира. Опять же, выражаясь языком В., — оранжевый. Это я про половую чакру. Но уходят! Чего-то, значит, не* хватает. Но чего?

Женщины, разумеется, сами себя за тысячелетия объяснить не научились, не в силах осознать, *чего* же им хочется. Слова — пустое, произносятся те, какие

первыми на язык подвернутся. Скажем, одна дама всё время повторяла нашим общим знакомым, что ушла от меня из-за того, что у меня нет постоянного заработка, денег мало, *поэтому* она чувствует себя *неуверенно, тревожно*. Да, у меня тогда работа тоже была гонорарная (не писательская — ювелиром был), в один месяц могло выйти меньше, чем в другой. Но в среднем за год получалось существенно больше, чем у многих. Чем у большинства. Но она в поисках «уверенности» уходит к другому, а потом мне знакомые передают, что достоинство новой связи она объясняет именно большими доходами. Приходила к нашим общим знакомым и часами рассказывала, на что и как она тратит твёрдый оклад своего мужа-станочника: столько-то на питание, столько-то ему на сигареты и выпивку, столько-то на то, столько-то на это, и вот столько остаётся. И говорила, что ей *хорошо*. Всё бы так, всё было бы очень *похоже* (жадна она просто патологически, за деньги с родных кожу живьём готова была содрать, они её даже боялись), и всё, повторяю, было бы похоже на правду, если бы... если бы я в то время не зарабатывал в три раза больше, чем та, третья сторона треугольника. И даже больше, чем в три, потому что тот выпивал, а следовательно, часть пропивал, а я — нет.

Тот ещё и курил. Причём дешёвые. Самые дешёвые и вонючие кубинские сигареты. Но и крепкие, конечно. Лучшие в смысле раскачивания садомазохистского маятника... Да, вот так она себя объясняла — при деньгах стала, *потому* и счастлива. И это не дура какая-нибудь говорила, с тремя начальными классами образования; наоборот, образование высшее, родители интеллигентные, причём не в первом поколении, все начитанные, да и она сама тоже... Да и я хорош: верил, что человеческие объяснения мотивов собственных поступков соответствуют действительности... И от попыток понять и совместить воедино

услышанные рационализации только начинало ломить в висках. Можно и другие примеры привести. Но надобности нет — все они, в сущности, одинаковые. Всякий раз возникновение треугольника объясняли одним, но истинное во мне «не то» было что-то иное, чего выразить не то чтобы не хотели, а просто не могли. Первое, что я понял, так это то, что если и предпочитают высоких, то не всяких. Потом понял, что враньё и то, что любят умных. И то, что верных. И то, что нежных... А что любят?.. Думаете, эротические утехы? Двенадцать бородавок? Только на словах. А любят на самом деле — кайф! Предсмертное состояние любят! Умопомрачение! Безмозглость. Ох, не сразу я понял, что стержень этого мира тот, что кайф правит миром! А остальное — марионетки! А кайф — та же смерть. И так, высшая бессознательная цель — забыться! Для всех. С той лишь между мужчинами и женщинами разницей, что мужчины по нечувствительности предпочитают метод химический, а женщины — энергетический. Но цель одна — восторг!..

Предавали меня все. Была, правда, одна девушка, которая была предана мне более других. Ей доставляло удовольствие надо мной издеваться и раз удалось довести меня просто до бешенства, намотал я на кулак её волосы, сунул её головой в унитаз — и спустил воду... Так она мне потом такие письма с объяснениями в любви писала — куда там Софье Андреевне или последней российской императрице!..

Да... И во всех этих историях была одна характерная деталь. На третьем, так сказать, этапе. На первом кавалерийские наскоки с объяснением в Лк>бви и утратой фригидности. На втором — измена. Уход к другому. Но всегда почему-то очень быстро возвращались. Впрочем, на время, чтобы потом уже уйти навсегда. Таким образом, после измены всегда был период, ког-

да они пытались ко мне приспособиться! А почему бы и не попытаться, раз современная культура внушает, что развод или краткосрочные связи не столь практичны, как брак: скажем, есть опасность заразиться каким-нибудь вирусом... Словом, дань логическому мышлению. Но не подсознанию. Со мной, как я теперь наконец понимаю, не было *кайфа*. Не восхитительный я, как этот клавишный дятел Танеев! Значит, надо приспособливаться. А приспособиться они могли одним только способом: символическим! Выискать во мне что-то некрофилическое!

И в поисках этого если не поля, то хотя бы его не-вротизирующего суррогата, делали весьма примечательное открытие: для того чтобы возбуждаться, чтобы им стало особенно *хорошо*, им необходимо было сакральное отверстие — да что мне всё время прятаться за эвфемизмами?! — чтобы в постели некрофилкам стало *хорошо*, им нужно было мне *сраку вылизать*! И если бы так поступала одна только дама, то можно было бы подумать, что случайность, какое-то психическое отклонение. Но когда *одна, другая, третья!*..

Причём эта характерная деталь поведения появлялась строго при одних и тех же условиях. *После из-мены*. Не до измены, не в какой-нибудь момент, когда, казалось бы, ей могло хотеться меня ублажить, — нет, *это* было *после*, это было *для неё*... Это теперь я понимаю, что измена — лишь один из поступков, приводящий к повышению анальности. Таким поступком может быть и переезд из Яснополянской усадьбы в столицу, кража в магазине, немотивированный испуг, наконец. Да и мотивированный тоже. Испугалась, предположим, дама сверх комфортного для неё уровня, и, чтобы забыться, ей нужен уровень некрополя больший, чем она в своём доме создала, выбрав соответствующего мужа. А как это сделать? Она должна у *партнёра* повесить уровень опьяняющего некрополя.

Что она сделает? Бутылку спиртного *партнеру* преподнесёт, блок сигарет, якобы необычных. А он будет пыхтеть ими усиленно, превращаясь в заплёванную пепельницу... Но есть и чисто психологические способы: разозлит своей анальной тупостью или заставит ревновать, вплоть до покушения на убийство, — тоже приятно.

А со мной что? Не пью, не курю, с ревностью тоже сложно. Вот на анальную тупость, каюсь, реагировал. Порой бурно. А можно проще, без всяких психологии: ноги мне закинула — и языком в ... *Ка-а-айф!*

Но это сейчас я в состоянии объяснить, потому что знаю про групповухи, про участие в них импотентов, про любовь народа к копрофилам, про анальный тип характера и про редкий генитальный...

А тогда я ведь ровным счётом ничего не знал ни о Гктлере — коммунисты сведения о третьем рейхе скрывали, — ни о вкусах «любящей матери» Софьи Андреевны...

Да и самое главное: не знал, что с *половинкой* у меня всё совсем по-другому! Да ещё помог психокатарсис с его возможностями прочтения приказов от вколотого железа!

Так что же для некрофилок, жухлых и ярких, в мужчине важнее всего?! Некрополе! Дарующее чистейший, незамутнённый кайф. А испражнения — символ, ключ к проваливанию в невроз, где этого некрополя было с избытком. Но эта имитация кажется невротической только для внешнего наблюдателя. А для них — счастье. *По-о-о-о-льное* погружение... В говно.

Сейчас>то я, конечно, понимаю, что с предпочтённым пьющим и курящим партнёром они, возможно, занимаются сексом вполне нормативно, то есть манипулируя (или делая вид, что манипулируют) зонами, о которых традиционно внушают, что они эрогенные. И это естественно: дешёвые вонючие сигареты

не только раскачивают маятник садо-мазо, но и создают ощущение вылизывания в загаженном общественном туалете плевательницы, что и без проникновения языком в анус создаёт у жухлой ощущение того, что она теперь уже полностью погружается в то место, ^ которое со мной могла дотянуться только кончиком языка. Да-да, в надежде хоть кончиком языка выискать случайно не смытые кусочки экскрементов, пусть раскисшие, а не твёрдые, или, наоборот, лзгчше — *раскисшие!* А новый-то партнёр теперь такой *весь!*..

Да, такие вот дополнительные и необходимые сведения о некрофилии вообще, а об идеальных жёнах и любящих матерях в частности... Образцовых, в понятии толпы, христианках.

Гадостно рассказывать, но что поделаешь?!.. И хотя противно и неприятно, говорить обо всём этом надо. Именно потому Толстой и намеревался обо всём этом написать, что истинные закономерности происходящего на нашей планете только и постигаются что через научное рассмотрение крайних, предельных случаев. И вот только при таком рассмотрении и выясняется, что для средней и не очень средней женщины в мужчине самое важное не то, что он при деньгах, не то, что он удачлив, не то, что он ярко-оранжевый или умеет понимать Веласкеса или Рафаэля, а то, что он — говно. Что такова его глубинная сущность. Всё же остальное — общие интересы, марка машины, симфонические концерты — только арабески на *основном материале*... Втзурь на торте.

Ведь до каких пределов ехидства простирается грех! Узнает какая, что подруга до судорог наслаждения тянется языком (буквально или символически) — разыграет тошноту, причём так по-адлеровски, что ей же самой тошнота покажется естественной. Это, види-

те ли, — отвратительно! А встать в кружок и начать хвастаться мужьями - где и чего тот урвал или как быстро добился очередного повышения в иерархии, — от этого не тошнит! А ведь это — то же вытягивание языка! Одним словом, язычество: дескать, смотрите, что удалось слизнуть! Хвастовство — это гордость, жадность, желание опередить, а это — некрофилия. А некрофилия — это *основной материал* на кончике языка! Это же сверх-архисимвол нашей падшей планеты — хвастающиеся, становящиеся в кружок, с до судорог вытянутым языком, дескать, вот, вот, вот!!.. И всё — в ж... ! Добровольно!!!

А то, что для обычной и яркой женщины главное в мужчине, чтобы он был говно, — так *это весьма библейская мысль*. Библейская, если довериться оценкам пророков, что мир этот избрал грех. И поэтому биофил — если он действительно развивающийся биофил, — оказавшись под ярмом с некрофилкой даже всего лишь жухлой, в конечном счёте обречён со временем оказаться в положении пренебрежённой стороны треугольника. Это неизбежно. Неизбежно, как неизбежно было то, что от апостола Павла ушла жена (а интересно, длинный ли у неё был язык?), потому что выходила она не за христианина, а за будущего или уже состоявшегося раввина национал-признанной религии. Неизбежно, как неизбежно то, что любая фуфела не могла не изводить Льва Николаевича. И не могла не лезть ему языком в определённое место. Всё повторяется, и нет ничего нового под солнцем... Ненависть ко всякому, чья речь хоть отчасти разумна. А что поделаешь? За удовольствия вечной жизни надо платить.

Единственная в этой книге цитата из «Катарсис-3. Понтий Пилат. Психоанализ не того убийства».

«...Третье. Еврейки-проститутки? У моего отца первая жена была еврейкой, судя по высокой учёной степени — властная, а у меня и вовсе — внучка главраввина, тоже первая. Но и до неё — на первом этапе моей жизни (карьеристском) — пути пересекались «почему-то» только с еврейками. Первая (ей я даже подарил букетик фиалок, это было в первом или во втором классе, даже имя и фамилию помню: Лена Певзнер (или Пемвзнер?) — была, понятно, очень худенькая и маленького росточка. Её за эти цветы другая еврейка-громила, одногодка, претендовавшая на моё внимание, избила совершенно зверски. Пришлось буквально отнимать. Это было что-то невероятное — какие-то панельные нравы. Эта громила, к счастью, из России эмигрировала. Где сейчас Лена, не знаю.

Дальше — больше. Еврейки пытались отбить меня друг у друга в наглую, с помощью приёмов, возможных, наверно, тоже только на панели. Ограничусь последним в «еврейском периоде» эпизодом. Сцена следующая: мы с приятелем («типичным», он сейчас в Америке, говорят, не просто богатый, но очень богатый человек; а здесь, будучи из обеспеченной семьи, не ленился подделывать документы, чтобы не платить жалкий пятак в метро) отправились в женское общежитие нашего института — пить (я бросил только где-то лет через пять). С внучкой главраввина я был временно поссорен, потому был «не занят». Приятель привёл в одну комнату. Там жили три еврейки-комсомолки с *разных факультетов* (деталь! обычно в комнате селятся вместе с сокурсницами). В одну был страстно влюблён этот мой приятель, у двух других в гостях были знакомые, с которыми они, судя по всему, только-только познакомились. Девочки музыку включили, а свет выключили. Одну кровать — у окна — развернули и опрокинули, на манер ширмы: за ней вскоре стала угадываться характерная возня, перешедшая в пыхтение, — поэтому свет включать было никак нельзя. Другая пара напротив, судя по звукам, нисколько не стесняясь присутствующих, активно занималась «прелюдией», ожидая своей очереди попасть за «ширму». Дикость!

Мы с приятелем сидели на кровати поближе к двери, а между нами уселась эта его любовь. Вдруг, чувствую, она начинает ко мне прижиматься. Я отодвинулся. Она придвинулась. Я отодвинулся. Она — опять. И так до тех пор, пока она не вжала меня в стенку. Омерзительно — пустяки, главное — мне было страшно неудобно: приятель в неё влюблён, жениться мечтает и вообще относится очень поэтично... Словом, ни за какие блага оскорбить его я бы не согласился. В общем, я вскочил и бежал — навсегда. Не просто из этой комнаты «красных фонарей», а от шлюх этой нации. И даже женщин этой нации вообще. Потом был развод и с внучкой глав-раввина, которая со временем стала ещё грязнее, чем описанные комсомолки.

Чего уж там, адажио копрофилии из «КАТАР-СИСа-1» (глава «Характерная деталь» — первоначально она называлась «Минет», но из-за того, что женщины, обнаружив её по оглавлению, кроме неё ничего читать не хотели, пришлось переименовать)...

...Эпоха офицерских дочек началась сразу после развода с внучкой главраввина...»

...Дело было на сенокосе. Косили Толстой и Алёхин. «Алёхин [далее цитата из А. Шкарвана. — Примеч. авт.] упрекал Толстого, зачем он живёт со своей женой, говорил, что ему надо её оставить, что он должен её оставить, что этого требует от него Евангелие и этого ждут от него люди».

Тут А. Шкарван прибавляет: «Отметим, что так, более или менее, думали все русские толстовцы, начиная с красного папы Черткова и до последней переписчицы. Толстой защищался от алёхинских нападок как только мог, до тех пор, пока не переполнилась его чаша терпения, и он, у которого в жилах текла не вода, заревев, поднял косу и хотел зарубить своего противника».

Толстой не зарубил Алёхина, бросил косу, упал ниц на землю и заплакал...

Из книги В. Шкловского *Лев Толстой*

Глава семнадцатая Я — ЧЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА

Эти слова Софья Андреевна Толстая (урождённая Берс) повторять любила всегда, и в последний год тоже, когда, наконец, добила своего мужа.

Многие оставили свои воспоминания о последних месяцах жизни Льва Николаевича, хотя не все решались достаточно откровенно передать подробности бушевавшего в семье великого писателя конфликта.

Суть его, как полагают, в следующем. После начала активных религиозных исканий начала 80-х годов XIX в. Лев Николаевич пришёл к заключению, что если он, действительно, гений, как о том многие говорят, если он, действительно, не более чем связующее звено между Богом и людьми (гений, в античном понимании этого слова, — человек, отличающийся от людей обыкновенных большей к Небу близостью), то потому не имеет права брать за свои произведения деньги. Тем более что деньги эти явно были не на пользу его детям. Договориться с Софьей Андреевной удалось, но с условием, что права собственности на произведения, написанные до 1881 года, остаются за ней. Так и порешили. Однако из-под пера великого писателя появлялись всё новые и новые произведения, которые публиковались во многих странах и потому обещали поистине колоссальные гонорары. Софья Андреевна пыталась всеми правдами и неправдами этими гонорарами завладеть, но встретила сопротивление мужа. Более того, чтобы снизить цены на свои книги и тем сделать их доступными для простого народа, Лев Николаевич в издательских делах заручился помощью своего последователя и друга Владимира Григорьевича Черткова. Естественно, что Софья Андреевна тут же забыла своё прежнее к нему, Черткову, благорасположение и себя показала. В доме развернулась яростная борьба с волей писателя

7»

за право получать за публикацию произведений, и даже дневников, деньги. В эту борьбу оказалось втянуто и имя В. Г. Черткова...

Ниже приводятся выдержки из дневника Александра Борисовича Гольденвейзера с включёнными им позднее документами и письмами других лиц. Гольденвейзер — композитор, друг Льва Николаевича. Софья Андреевна называла Александра Борисовича шпионом.

При ознакомлении с документами следует всегда иметь в виду, что Софья Андреевна отнюдь не была *безвольной* истеричкой. Наоборот, многих поражало её самообладание и умение взять себя в руки в нужный момент.

Особенности орфографии приводимых ниже документов сохранены.

1910 год.

7 июня. ...Л. Н. утром сказал Софье Андреевне, что он просит, чтобы черкеса в Ясной больше не было. Слово за слово, началась истерика и т. д.

Софья Андреевна положительно доведёт Л. Н-ча до болезни, если не до смерти...

8 июня. ...Александра Львовна жаловалась, что Софья Андреевна беспрестанно входит ко Л. Н-чу и не даёт ему покоя своими разговорами. Он даже не выдержал и сказал:

— Как мне избавиться от тебя?..

25 июня. ...Они рассказали мне, что Софья Андреевна последние дни находится в ужасном состоянии: бьётся в истерике, бросается на пол, грозит самоубийством. Она ни на шаг не отходит от Л. Н-ча и кричит:

— Я его от Черткова отважу, я от него не отстану!.. ...Нынче утром Софья Андреевна стояла со

стекляшкой опиума в руках и всё твердила:

— Только один глоточек!..

26 июня. ...Говорит, что когда она ему не стала нужна, как любовница, он её возненавидел, что только когда он умрёт, издания его сочинений будут ей приносить доход, так как обыкновенно, когда писатель умирает, начинают усиленно покупать и читать его произведения...

...Написала Андрею Львовичу записку: «Умираю по вине Черткова. Отмсти за смерть матери, убей Черткова!..»

...Представилась, что лишилась языка и стала писать записки... Софья Андреевна сразу забыла, что у неё отнялся язык, стала кричать и бранить Филиппа, говоря:

— Он отъелся тут! Только умеет, что с блюд таскать!..

...разделась, начала стонать. Л. Н-чу всю ночь не дала спать...

...Вчера утром она билась на полу в библиотеке наверху со стклянкой опиума у рта и кричала:

— Я глотнула, я глотнула, ещё глоточек и всё кончено!

Л. Н. старался изо всех своих старых сил поднять её с пола. Александра Львовна закричала, что не берёт на себя ответственности и вызовет Татьяну Львовну и Сергея Львовича.

Тогда Софья Андреевна сразу встала и сказала:

— Мне бы кофейку, кофейку попить!..

...Л. Н. очень плакал и во время одного из припадков Софьи Андреевны сказал ей:

— Я на коленях готов умолять тебя прекратить всё это!

27 июня. ...Александра Львовна и я рассказали Чертковым про всё, что совершается в Ясной, и повергли их этими рассказами в ужас...

...Л. Н. сказал мне:

— Так тяжело, так тяжело! Она в ужасном состоянии: у неё потеряно всякое нравственное чувство

—

стыд, жалость, правдивость. Она может говорить о чём-нибудь совершенно противоположном тому, что было, и утверждать, что все лжецы и говорят неправду. Я стараюсь с ней говорить ласково и кротко, но вижу, что ничего не берёт...

3 июля. ...стояла на балконе и подслушивала...

7 июля. ... и что она умрёт. Александра Львовна сказала ей:

— Ты-то не умрёшь, а отца ты через месяц уморишь, если будешь продолжать.

— Он душевно давно для меня умер, а телесно мне всё равно...

8 июля. ...Л. Н. ходил нынче ночью к Софье Андреевне, говорил ей, что всегда любил и любит её, целовал ей руки. Софья Андреевна всем об этом рассказывает...

15 июля. ...Софья Андреевна опять пошла к нему и на коленях умоляла его, чтобы он отдал ей ключ от дневников. Он сказал ей, что не может сделать и этого, и что це изменит того решения, о котором написал ей. Л. Н. вышел после этого разговора измученный, тёр грудь рукой, сердце у него страшно колотилось.

Он пошёл в сад. Когда он проходил мимо окна Софьи Андреевны, она закричала ему, что выпила всю стьянку опиума. Л. Н. в ужасе побежал к ней наверх. Когда он пришёл, она сказала, что обманула его и ничего не пила... Л. Н. шёл весь в слезах...

19 июля. ... — Я знаю, — сказала Софья Андреевна, — вы все здесь сообщники моего убийства...

20 июля. ...Никитин и Россолимо заехали утром в Телятинки... *

...Вот диагноз болезни Софьи Андреевны, данный Россолимо: «Дегенеративная двойственная конституция: *паранойяльная* и истерическая, с преобладанием первой. В данный момент эпизодическое обострение».

...Россолимо сказал Александре Львовне, что он поражён «слабоумием» Софьи Андреевны. Он не мог опомниться и всё повторял:

— У такого великого человека такая жена!..

19 июля. ...Елизавета Валериановна рассказывает, что Лев Львович сказал ей, что *он* скажет Россолимо «последнее слово».

— Напрасно вы приехали лечить мать — она совершенно здорова, а вот отец выжил из ума, и его надо лечить (т. е. объявить сумасшедшим).

21 июля. ...Мы уехали, и я уверен, что после нашего отъезда была опять сцена...

25 июля. ...Уезжая, она спохватилась, что что-то забыла, побежала к себе и вернулась, держа в руке стклянку с опиумом, со словами: «вот моё спасение!..»

26 июля. ...Александра Львовна сказала мне, что Андрей Львович ей говорил, что у мам"а её истерики — единственное орудие против Л. Н-ча, и что отлично, что она его применяет, — что ей таким образом всегда удавалось добиться всего, чего ей нужно...

27 июля. ...Когда Александра Львовна вышла от Л. Н-ча, Андрей Львович попался ей навстречу и спросил:

— Зачем ты там торчала с своим сумасшедшим старикашкой-отцом?..

...Л. Н. ахал. Он спросил:

— Неужели ты думаешь, что Илюша тоже с ними заодно?..

Из письма Черткова В. Г. от 11 августа: ...Сначала Софья Андреевна избегала открыто высказывать это своё намерение и только иногда случайно проговаривалась. Но с течением времени, убедившись в поддержке со стороны сыновей ваших: Льва, Андрея и Михаила Львовичей, она стала в этом отношении держать себя откровеннее и дошла наконец до того...
...держа в руках рукопись вашего неоконченного рассказа «Фальшивый купон», говорила: «За этот рассказ мы получим сто тысяч чистоганом!..»

3 августа. ...Софья Андреевна сказала Варваре Михайловне, что написала ему (Мооду) ответ, в котором говорит, что Л. Н-ча нечего слушать, что он окончательно «выжил из ума», что правда дороже всего, и высказывает ему также свой *теперешний взгляд* на отношения Л. Н-ча и Черткова...

...Екатерину Васильевну, которая стала жаловаться мне, что Софья Андреевна совершенно невозможна, что надо принять меры, что дети должны это прекратить. Екатерина Васильевна рассказывает, что Софья Андреевна при всех, далее при маленьких детях (Бирюковы, Володя — сын Ильи Львовича), вслух говорят совершенно непристойные вещи о Л. Н-че...

Здесь следует сделать некоторое отступление. Обвинения Софьи Андреевны своего мужа в гомосексуализме не случайны. Возможны всего два варианта: или у Софьи Андреевны было основание обвинять Льва Николаевича на основании *его* поведения, или же *она сама* была детерминирована на галлюцинации такого рода, поскольку, несомненно, относилась к анально-накопительскому типу. В молодые годы Лев Николаевич, подобно своим сверстникам, не был образцом целомудрия, но в патологических сексуальных наклонностях

замечен не был. Более того, из постоянных жалоб Софьи Андреевны на чрезмерное, по её мнению, сексуальное к ней внимание со стороны Льва Николаевича видно, что Толстой был нормален. В браке Лев Николаевич жене не изменял. Однако с некоторых пор Софья Андреевна повсюду заявляла, что муж её — гомосексуалист. И вообще — недостойный человек. Ближе к климактерическому периоду в жизни Софьи Андреевны появился другой мужчина, которому она объяснялась в любви, которого она во всех смыслах, и прежде всего в нравственном, ставила выше Льва Николаевича, — профессор музыки Танеев. А вот он-то как раз и был гомосексуалистом (ныне достаточно общеизвестный факт, но Софья Андреевна, судя по всему, так этого и не узнала.) .Поразительно! Здоровым мужчиной Софья Андреевна пренебрегает, всячески унижает его, в глазах окружающих особенно, а идеалом мужчины выбирает — *гомосексуалиста** Такие совпадения случайными быть не могут. Разбираться начнём с рассмотрения того, почему именно мужчина с патологическими отклонениями стал для жены великого писателя вожделенным объектом. Почему, по ощущениям, ей, как женщине, с гомосексуалистом лучше, чем со здоровым мужчиной? Причина, как и всегда, во многом коренится в детстве. Дочь, если у неё есть возможность выбирать, выбирает отца. У отца Софьи отклонения тоже были. Когда ему, молодому *врачу*, исполнилось 25, от него родила женщина 52 лет, мать Ивана Тургенева. (Да-да, того самого. Который все годы своего продолжительного писательства воспевал женщин только одного типа: в классификации З. Фрейда — анально-накопительского. Но и без романов Тургенева известно, что мать его была патологически жестока. Удивительное переплетение судеб, правда?) В те времена в высшем обществе считалось

нормальным, чтобы на 27 лет старше был мужчина, но никак не женщина. Обратное соотношение — свидетельство отклонения от нормы. Прежде всего, в психике. Для двадцатичетырёхлетнего молодого человека и тридцатилетняя женщина — древняя старуха, а уж пятидесятилетняя и вовсе труп. Ценность — для определённой категории индивидов. Всё сходится: врач по призванию (позднее стал «модным доктором»), женщины соответствующие (и мать Тургенева, и мать Софьи Андреевны), следовательно, дочь на психологическом уровне непременно понесёт на себе проклятие извращённых вкусов отца. Что и произошло: Софья Андреевна, забыв, что у неё семья, со здоровыми влечениями муж, дети, забыв про свою маску любящей матери, верной жены, надёжной подруги, млеет рядом с гомиком. Долго, годами, и во многом осмысленно. Это — некрофилия. (Кстати, силу Танеева можно косвенно оценить по поведению старшей дочери Толстого, Тани, которая в дневнике записала, что в то время, когда Танеев музицировал (т. е. наблюдая ритмическое вбивание им клавиш в рояль), она, Таня, входила в полнейший экстаз, полностью себя забывала, полностью теряла рассудок.) Профессор-гомосексуалист был особенно «близок» к дому Льва Николаевича в 1886-1888 годах. Позднее, когда он несколько отдалился, сорокапятилетняя Софья Андреевна ездила к нему сама. Поведение её было скандальным: новый мужчина для неё был *всё*, муж — *ничто*. Этого она скрывать не пыталась, да это было и невозможно: всё происходило на глазах множества свидетелей. Вешалась она на него долго, но до коитуса дело не дошло, на основании чего толстоведы пришли к заключению, что эта любовная история со стороны Софьи Андреевны была не более чем лёгким флиртом, и «добродетельная» мать детей великого писа-

теля, дескать, в ней взяла верх над *женщиной*. Из «высоких», по-видимому, соображений замалчивается, что для того, чтобы женщине соблазнить гомосексуалиста, невероятных усилий может оказаться недостаточно. Ведь, в конце концов, ни Еве Браун, ни Юнити Мидфорд так и не удалось «соблазнить» Гитлера. Но можно ли их считать непорочными женщинами? Знала ли Софья Андреевна истинную причину безответности (в некотором смысле — ведь у них была «дружба»!) своей «любви»? Если не знала, то неудача с Танеевым означала для неё необходимость признать свою несостоятельность как женщины, что никакая женщина сделать не в силах. В подобных *случаях* обычно поступают следующим образом: из сознания вытесняются все факты, которые подводят к печальному выводу, а тому, что вытеснить не позволяют окружающие, даётся новая, пусть даже глупейшая, интерпретация. Дескать, я — *честная женщина*, любящая жена, только искала возвышенного чувства к нравственной, не осквернённой половым влечением, душе и т. п. Ломать эту комедию, соответственно, обречены до последних своих дней. Так поступила и Софья Андреевна. С этим ясно. Но вот почему в здоровом Льве Николаевиче ей мерещился гомосексуалист? Может быть, это было следствием близости с подавляющим энергетическим полем профессора? А может, это вообще естественно для женщины, которая ещё в первой молодости во снах расчленяла младенца, во всём видела только дурную сторону и по-настоящему возбуждалась только тогда, когда в доме у кого-нибудь был понос. Кстати, из этого подсознательного влечения к расчленению младенцев и бурного интереса к испражнениям есть целый ряд следствий. Это и признание гомика за идеал мужчины, а здорового мужчины, наоборот, за извращенца. Это и беспрестанные имитации самоубийств и неспособность сотрудничать с -мужем. Из всего этого неизбежно следует, что дети, в

особенности сыновья, с детства находящиеся под действием её гипнотического воздействия, будут абсолютно преданы своей матери, будут оправдывать любой или почти любой её поступок, как бы глупо и безнравственно ни звучали их оправдания. Из этого следует, что подпавшие под контроль её некрополя будут хулить всякого, кто пытается выйти из-под энергетического контроля их повелительницы. Обращенный в сторону биофи-лии мужчина, оказавшийся под действием этого некрополя, то будет объясняться ей в страстной любви, то в минуты прояснения ума будет поражаться: как он мог оказаться со столь чуждой ему женщиной? Которая разрушает, но во всём обвиняет других и бредит анальным «сексом».

Из письма Елизаветы Ивановны Чертковой:

«3 августа 1910 г.

Графиня!

Не могу уехать из здешних мест, не выразив Вам всего моего удивления и возмущения по поводу тех гнусных обвинений, которые Вы распространяете против моего сына.

Никогда мне в голову не приходила возможность слышать подобные клеветы из Ваших уст.

Удивляюсь также, как это сыновья Ваши не указали Вам, до какой степени Вы поступаете оскорбительно для всей семьи Вашей, одновременно обливая грязью и их отца.

Что касается моего сына, то я хорошо знаю, что ничего из этого не может ни задеть, ни повредить ему. Все, кто знают его, знают благородство его характера, его искренность, правдивость, самоотречение, безупречную нравственность и порядочность во всех отношениях. Подобные клеветы не могут бросить ни малейшей тени на его честное имя, а только падают обратно на тех, которые изобретают и распространяют их...

...но поведение Ваше по отношению к моему сыну настолько несправедливо, жестоко и зло, что я как

мать его, не могла удержаться от того, чтобы не обратиться к Вашему сердцу, к Вашей совести и попросить Вас опомниться. Вырвите, графиня, из Вашей души это злое, безумно-чудовищное чувство, причиняющее столько страдания не только сыну моему и Вашему мужу, но и всем окружающим Вас и приходящим с Вами в соприкосновение. Злое чувство это многим причиняет страдание, но вредит только Вам одной, заглушая и покрывая грязью...»

2 сентября. ...Софья Андреевна приглашала духовенство и отслужила в своей комнате молебен с водосвятием; священник кропил также все комнаты святой водой. Она священнику тоже рассказала всё, что она говорит о Л. Н-че...

Из письма Софьи Андреевны к В. Г. Черткову: «*11-18 сентября 1910, Кочеты — Ясная Поляна.* ...Поднялась у меня гордость... за своё положение честной женщины, бабушки 25 внуков. А главное, я вдруг поняла, почему Л. Н. относится ко мне недобро, сухо, чуждо, чего никогда не было, и это убивает меня. Вы *внушаете* ему, что от такой жены надо бежать, или стреляться. И вы *первый* в моей жизни осмелились сделать эту несправедливость...»

1 октября 1910 г. Ясная Поляна, 11ч. ночи. ...В отсутствии Л. Н-ча Софья Андреевна сняла портреты... сначала собиралась уничтожить. Однако потом, очевидно, опасаясь рассердить Л. Н-ча, повесила перед его приездом портреты снова, но на другие места.

Вернувшись в Ясную, Л. Н. сначала не обратил внимания на эту перемену, а потом, заметив её, спросил Илью Васильевича, где портреты, и, увидав их на других местах, повесил все снова на прежнее место.

В воскресенье Софья Андреевна, войдя к нему, увидала портрет Владимира Григорьевича на старом месте и впала в иступление.

На вопрос её, зачем он это сделал, Л. Н. сказал ей, что просит её предоставить ему свободу в его комнате.

Софья Андреевна раздражалась всё больше и больше и в конце концов изорвала портрет Черткова в мелкие куски...

...Когда Л. Н. вернулся с прогулки и лёг у себя, Софья Андреевна стреляла ещё раз, но Л. Н. хотя и слышал, но очевидно догадался, что это комедия, и не вышел...

...В отношении к Софье Андреевне Л. Н. стал более твёрд и очень спокоен. Он всё больше молчит. Да и вообще он мало говорит. Когда при нём начинаешь о чём-нибудь говорить или рассказывать ему что-нибудь, даже интересное, из текущих событий, чувствуешь, что это идёт мимо него, что он только из деликатной учтивости старается слушать и иногда спрашивает, а на самом деле он далёк от этого. Это его настроение напоминает мне так удивительно описанное им предсмертное состояние князя Андрея в «Войне и Мире»...

Из письма О. К. Толстой: «4-го октября 1910 г. ...узнала, что вчера Л. Н. был болен, обморок, — и что вызывали доктора...»

Из письма А. К. Чертковой к Гольденвейзерам: «8 октября 1910, Ясенки, Тульской губ. Нам рассказывали, что его обмороки (о которых я сообщала) сопровождались ужасными конвульсиями, особенно в ногах, происходившими от закупорки сосудов при остановке кровообращения и могли, говорит доктор из Тулы, кончиться вдруг кровоизлиянием и смертью или параличом. Говорят, вид припадка был ужасный и повторялся пять раз в продолжение от 6 до 12 ночи...»

13 октября 1910, Ясная Поляна. За Софьей Андреевной Гольденвейзер записал следующие слова: «...я хочу поскорее кончить издание и пустить его в продажу: уж тогда у меня никто не сможет его отнять. Но Л. Н. может сделать так, что завещает все права Чертко-

ву и умрёт... Мы возьмём, конечно, верх, докажем его обмороки и слабоумие...

...А если я его спрошу, оставит ли он мне мои права на моё издание, он мне наверное скажет, что ничего не обещает. Так что же спрашивать? Да что говорить! Опиию много, на тридцать травлений хватит; я никому не скажу, а просто отравлюсь...»

Из дневника Льва Толстого.

«...Всё так же мучительно. Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание...»

Из письма В. Г. Черткова к Досеву:

19 октября 1910 г. *...Когда же станут общеизвестны истинные условия семейной и домашней жизни Л. Н-ча, то к непосредственной убедительности его слов в глазах человечества присоединится ещё и подвиг его жизни, запечатлевший на деле то, что он выражал словами...»

Из письма Л. Н-ча к Александре Львовне из Шамардина:

*... Главное, чтобы они поняли и постарались внушить ей, что мне с этим подглядыванием, подслушиванием, вечными укоризнами, распоряжением мною, как вздумается, вечным контролем, напускной ненавистью к *самому* близкому и нужному мне человеку, с этой явной ненавистью ко мне и притворством любви, — что такая жизнь мне неприятна, а прямо невозможна, что если кому-нибудь топиться, то уж никак не ей, а мне, что желак³ одного — свободы от неё, от этой лжи, притворства и злобы, которой проникнуто всё её существо...»

4 ноября. ...— Варечка, пусть ему напишут, что я топилась!..

...старцу Иосифу было Синодом предписано ехать в Астапово. Он по немощи отказался. Тогда командировали игумена...

...Я открыл форточку и сказал:

— Скончался.

Все сняли шапки.

Было 6 часов 5 минут утра...

7 декабря. ...мы отправились на могилу Л. Н-ча.

Там встретили Софью Андреевну и Татьяну Львовну. Мы пошли с ними в дом. Мне хотелось побывать ещё раз в доме Л. Н-ча...

...Она дрожащим, прерывающимся голосом стала говорить:

...— Александр Борисович, если бы вы знали, что я переживаю! Это ужасные ночи!.. Как я могла дойти до такого ослепления?! Ведь я его убила!..

...Я понял весь ужас её душевного состояния. Я знал, что в эту минуту она была вполне искренна, и мне было глубоко её жаль, жаль её больную страдающую душу. Я знаю, что несмотря на все ужасные слова, которые она говорила и без сомнения будет говорить и впредь, ей должно быть мучительно тяжело, хотя бы когда она остаётся наедине с собою...

Выйдя через маленькую гостиную в канцелярию, я не выдержал и долго плакал, сидя там один в углу...

С тех пор я не был в Ясно-Полянском доме.

Глава восемнадцатая АНАТОЛЬ

Всякий образ (персонаж) в творчестве большого художника, а уж тем более такого, как Лев Николаевич, не случаен — он необходим для постижения жизни. Потому и прибегают к помощи образа, что для осмысления даже ближайших к мыслителю форм жизни понятийного языка оказывается недостаточно. Удобство художественного произведения для постижения бытия

через жизнь автора также и в том, что женщина в нём может означать мужчину, а мужчина — женщину из ближайшего его окружения.

* * *

Анатоль был глуп. Но, странное дело, мы, читая, этого не замечаем! Про брата Анатоля, князя Ипполита, Л. Толстой тоже написал, что тот глуп, и, наблюдая за поведением Ипполита, *мы* соглашаемся. Но начатые и не законченные фразы, не к месту произнесённые слова дипломата и идиота Ипполита в великосветском обществе неприязни не вызывают. Более того, Ипполит — любимец женщин этого круга.

Про Элен Л. Толстой также написал, что она глупа, но в светском обществе она признана как умница. О её глупости догадываются только Пьер и читатель, в особенности в том месте, где Элен принимает истинную для себя религию — католическую, чтобы развестись с Пьером и выйти при живом муже замуж вновь, причём сразу за двоих.

Но что глуп Анатоль — этого мы не видим. Наоборот, Анатоль практичен, умеет обмануть Пьера (сцена попойки с медведем), привлечь внимание женщин и, что называется, умеет повеселиться. Анатоль умеет не потеряться даже в очень трудных для его чести ситуациях, например, когда Пьер мощными своими руками трясёт его, да так, что отлетают от мундира пуговицы и обличает его как мерзавца. Анатоль дипломатичен настолько, что в армии в состоянии получить любое назначение, и получает от начальства командировку на удивление вовремя, чтобы не встретиться с князем Андреем, ищущим вызвать его на дуэль. И с деньгами Анатоль прекрасно устроивается, что безусловно публикой признаётся за свидетельство наличия ума.

И между тем, Анатоль — глуп.

Г) Глупым же он нам не кажется потому, что сравниваем мы его с собой и окружающими нас людьми.

Кроме того, что Анатолий якобы умён, он ещё и якобы способен на сильное любовное чувство. Причём, самое интересное заключается в том, что никто из персонажей романа «Война и мир» не усомнился, что чувство Анатолия к Наташе сильное, и что это — любовь. Ему говорили (Долохов), что он, воруя Наташу, поступает глупо, потому что может последовать уголовная ответственность за двоежёнство, ему говорили (Пьер), что он мерзавец, потому что не думает ни о чувствах Наташи, ни о её судьбе, но никто не усомнился, что чувство Анатолия было — любовь. И притом сильная. А раз сильная, то безнравственные его поступки как бы оправданы. Анатолий бы и сам, верно, очень удивился, если бы кто усомнился, что чувство его не благородно. И не стал бы слушать.

«Лицо Пьера, и прежде бледное, исказилось бешенством. Он схватил своей большой рукой Анатолия за воротник мундира и стал трясти из стороны в сторону до тех пор, пока лицо Анатолия не приняло достаточное выражение испуга...

г— Вы не можете понять наконец, что, кроме вашего удовольствия, есть счастье, спокойствие других людей, что вы губите целую жизнь из того, что вам хочется веселиться. Забавляйтесь с женщинами, подобными моей супруге, — с этими вы в своём праве, они знают, чего вы хотите от них, они вооружены против вас тем же опытом разврата; но обещать девушке жениться на ней... обмануть, украсть... Как вы не понимаете, что это так же подло, как прибить старика или ребёнка!»

Да, Анатолия любили, или, во всяком случае, так называли своё чувство многие замужние дамы, которые состояли с ним в связи. Для них тоже было несомненно, что в объятия Анатолия их могло привести только сильное и красивое чувство. У него была даже связь с собственной сестрой Элен, которую тоже многие впоследствии страстно «любили», связь, наделавшая достаточно шуму в свете. А что кроме большой любви,

как то называют окружающие, могло привести его к такому поступку?

Итак, вокруг Анатоля никто не усомнился, что Ана-толь любил. Но этот факт, никаким особенным образом Толстым не обыгранный, автора не удивлял. И в этом нет ничего удивительного. Ещё прежде, лет за пятнадцать до Анатоля, когда Толстой только создавал свои первые произведения, он писал, что чем *менее* какое-либо чувство *похоже*, тем более оно истинно. А потом, буквально через несколько страниц, желая, чтобы эта глубокая мысль укрепилась в сознании читателя, написал приблизительно следующее: «И вновь я повторяю, что чем менее чувство *похоже*, тем более оно истинно».

Что происходило с самой Наташей, и каково происхождение её (рядом с Элен) «любви», мы уже разбирали. Мы также предложили исследовать методами психокатарсиса схожие истории в судьбе любой женщины — они все достаточно однотипны. То, что никто не смог усомниться в том, что переживания Анатоля есть любовь, тоже понятно: с одной стороны сами любви не пережили, с другой — что бы Анатоль ни делал, всё убедительно (весомо, железно). Здесь всё понятно, но вот *почему сходил с ума сам Анатоль?*

Может создаться впечатление, что истории с замужними и незамужними, полные «приключений», Ана-толю поднадоели изрядно и захотелось чего-то свеженького, чистого, наивного. Такая оценка общепринята, но...

Да, подавление и уничтожение для некрофила самоценно (перспектива интимности не интересна — *приятен процесс растления*), но только ли эта возможность привлекала его в Наташе? Ведь Анатоль получал ещё и то, о чём мы можем догадаться, присматриваясь к поведению Наташи. В глазах Наташи Анатоль был добр (а разве сочла бы его таковым Элен?), он был красив красотою праведности, он был умён, он был благороден и снисходил к ней, Наташе, с высоты прекрас-

ной, величественной и непорочной своей души. Ну ни дать ни взять — сатана, некогда осеняющий херувим, декларирующий причины, почему именно он и только он должен занимать во Вселенной более высокое положение, чем Сын Божий!

Толстой верил в Сына Божьего, но, похоже, не верил в сатану, и всё же не Анатолий был тем центральным воплощением зла, против которого Толстой боролся своим даром. В романе есть ещё одно описание «большой любви» к прекрасному, по мнению толпы, человеку. Вторая глава третьего тома. Император Наполеон, завоеватель почти всей Европы, кумир не только своей французской молодёжи, но, что парадоксально, и молодёжи стран завоёванных, прибыл к реке Неман, т. е. к границе с Россией, лично наблюдать начало той великой военной кампании, после которой он останется без армии. Великий Наполеон, после правления которого средний рост французов уменьшился на два с половиной сантиметра (в армию, прежде всего, забирали высокорослых — гренадерами) присел на берегу. Рядом стоял полк польских улан, которые, увидев рядом великого человека, пришли в такое любовное неистовство, что пожелали сделать своему императору приятное тем, что пересекут Неман не по переправе, которая была всего лишь в полуверсте ниже по течению, но здесь, на этом самом месте, немедленно и в плывь. Этому страстно хотели все, начиная от новобранцев и кончая седым полковником. И они, пришпорив коней, бросились в холодную и опасную воду. Тонули кони, тонули и люди. Сорок человек польских улан погибли совершенно напрасно, но император французский Наполеон был доволен и приказал причислить седого полковника-поляка к когорте чести.

Много горя, смертей и пожаров принёс на русскую землю Наполеон, но, что удивительно, в земле русской было множество людей, и молодых и не очень, которые искренно восторгались Наполеоном, пытаясь объяс-

нить своё чувство тем, что Наполеон — гений, человек, который из полнейшего ничтожества, из маленького капрала стал властелином разве что не половины мира, доказав другим признанным, но коронованным особам, что они ничто по сравнению с ним, некогда маленьким человеком. «Для него, — пишет Толстой о Наполеоне, — было не ново убеждение в том, что присутствие его на всех концах мира, от Африки до степей Московии, одинаково поражает и повергает людей в безумие самозабвения» («Война и мир», 3-й том, 2-я глава). На Руси восторгались Наполеоном до его вторжения, видимо, не в силах были сопротивляться этому наваливавшемуся чувству восторженности и во время грабительского вторжения, поскольку восторгались им и годы спустя, десятки лет спустя, восторгались до тех пор, пока непосредственные носители восторга большей частью не поумирали, и Лев Николаевич Толстой не опубликовал свой роман «Война и мир». Да, многие, в особенности пытающиеся мыслить профессора, писали трактаты о том, что Наполеон на самом деле — ничтожество, неумеха и дурак, весь успех которого объяснялся исключительно болезненностью человеческого рода, но то ли потому, что в этих работах не доставало нужного духа, то ли потому, что профессорские книги никто не читает, Наполеоном восхищаться продолжали ещё шестьдесят лет после его кровавого вторжения на Русь. А вот после «Войны и мира» всё как-то разом рассеялось. Нет, люди не изменились, к несчастью, но вот *данной формой* воплощения того, чему после наступления Царства Божия вообще никто восторгаться не будет, люди восторгаться перестали.

Что может в этой жизни сделать писатель? На что повлиять? Изменить он не может ничего, но повлиять на *формы* — да. Наполеон перед Толстым пал. Во всяком случае, в России. Спиритизм только-только входил в моду, и Толстой лишь слегка его

коснулся в своих произведениях, но и этого оказалось достаточно, чтобы и эта форма не имела того влияния на русский народ, как на Западе. Затронул Толстой и проблему целительства, но только в православной форме. Это — «Отец Сергей», к этому произведению мы чуть позже вернёмся. «Ваша борьба с правительством, — писал Толстой, обращаясь к революционерам, — есть борьба двух паразитов на здоровом теле <народа>...» (ПСС, т. 36, стр. 308). При Толстом художнике коммунизм ещё не успел поднять голову настолько, чтобы Толстой обратил на него более пристальное внимание. Не успел. Жаль. Но все формы зла невозможно охватить не то что в одной книге, но и даже в собрании сочинений.

Характерная деталь: умом к числу бонапартистов Анатолий не относится. Может быть, по той же причине, почему сам Анатолий с развратными женщинами был «в своём праве»: он несколько не заблуждался по поводу состояния души того, кем восхищается толпа. Бонапартистами «от ума» в начале повествования были любимые герои Толстого — князь Андрей и Пьер. Князь Андрей погиб явно уже другим человеком, и мы отчётливо видим, как развеивается одурь поклонения у нашего наивного поначалу Пьера. Анатолий относится скорее к тем, кто бросился бы в реку, чтобы сделать приятное предмету своего обожания. Совершенно неожиданно для себя бы бросился. Итак, если главный враг Толстого-художника был «великий человек» *император* Наполеон, то в чём же тогда художественная необходимость Анатолия? Ведь, в сущности, Анатолий — щенок по сравнению с императором, и хотя относительно него и не заблуждался, всё равно энергетически (нравственно, т. е., безнравственно) — щенок. Но, тем не менее, Анатолий нужен, по-

сколько в нём мы узнаём Наполеона, а в Наполеоне — щенка Анатоля, который готов пойти на всё, даже на риск уголовного наказания за двоежёнство, чтобы хоть ненадолго, хотя бы на несколько недель почувствовать себя «великим», подобно убогому Наполеону; человеком, великим хотя бы в глазах обманутой Наташи. И это искреннее чувство Анатоля к Наташе, действительно, — любовь. Спросите удава, любит ли он кроликов, которых пожирает, и он ответит искренно: да, любит.

Анатоль не в силах удовлетворить пожирающее его влечение, это принципиально невозможно, и эта невозможность отравляет существование и Анатоля, и подобных ему. Перед *императором* Наполеоном будут пресмыкаться, будут называть это холуйское чувство раздавленности, состояние «совершенного ничто» — любовью, но никогда ему, как и Ана-толю, не узнать, ни что такое настоящая любовь женщины-половинки (а только это истинная любовь), ни, даже, что такое — уважение друга. Жаль Анатоля. Бедняга... Жа... А ведь в этом чувстве «жаль» к непотребному человеку, чувстве, возникающем от общения с толстовским текстом, сияние художественного гения Льва Николаевича! Действительно, когда Анатолю на Бородинском поле ампутируют ногу и он безостановочно кричит, — нам его жалко, а вот когда после другого сражения скромному капитану Тушину, явно к ярким некрофилам не относящемуся, трудяге и скромнику, отрезают ещё более важную часть тела — руку, в нас чувство жалости, во всяком случае, того рода, которое возникает к Анатолю, не появляется. В этом-то и заключается гениальность Толстого-психолога. Капитан Тушин, работяга и герой, которого не замечают, энергетически не манипулирует чувствами окружающих, он не в состоя-

нии заставить их ни собой восхищаться, ни *жалеть*. Такова правда жизни, что некрофилы чаще всего «работают» с нами на двух волнах — или это Наполеоны, которыми, не умея сопротивляться, мы восхищаемся, либо это «бедняжечки», «Божьи сироты», и мы их жалеем. И, странное дело, удушает нас к ним жалость *безо всякой на то объективной причины*. Можно даже предположить, что из любых двоих, которых в средние века сжигала инквизиция, толпа не заметила того, который следовал всем сердцем за Иисусом, что и засвидетельствовал своей смертью, но если и рыдала, то только над тем, кто сам на эту казнь напросился и кто принимался, даже обложенный вязанками хвороста.

Им выгодно, чтобы мы их жалели. Мы расслабляемся и получаем психоэнергетическую травму, определяющую нашу от них зависимость. «Работа на жалость» в некрофилах укоренена на подсознательном уровне; некрофил не упускает своего, даже когда ему ампутируют ногу. Он — некрофил.

У Анатоля был, как некоторые полагают, прототип. На самом же деле их было даже два. Вторую болезненную «любовь» Тани Берс (сестры Софьи Андреевны) так и звали — Анатолю. Он был очень молод, его половые «победы» ещё только начинались, он чувствовал себя неуверенно, и ему, чтобы эту уверенность обрести, требовалось абсолютное обожание объекта. Этим объектом и стала Таня, которая, безо всякого на то основания, возмнила, что эротические поползновения Анатоля свидетельствовали о его способности оценить её как личность. Анатолю из Ясной Лев Николаевич выставил лично.

Второй из жизни Тани прототип, который, как и Анатолю, был в связи с цыганкой, — брат Льва Николаевича, Сергей Николаевич. Он был третьей, наиболее болезненной «любовью» Тани Берс, болезненной настолько, что на этот раз Таня даже пыталась покончить

жизнь самоубийством. Он с ней поступил подлее всех предыдущих. Однажды Лев Николаевич спал в Пиро-гове во флигеле, потом записал: «У Серёжи с Таней что-то было — я вижу по признакам, и мне это очень неприятно. Ничего, кроме горя, и горя всем, от этого не будет. А добра не будет ни в каком случае». Доброжелательно настроенный к Сергею Николаевичу А. А. Фет упомянул в воспоминаниях, что брат великого писателя страдал болезненной мизантропией (человеконенавистничеством). Он обещал Тане Берс (прототипу Наташи Ростовской) на ней жениться, хотя сам был женат, пусть даже и невенчан. Он даже, как уверял, хотел от жены вырваться, но, как уверял, не смог. Невенчаной женой Сергея Николаевича была цыганка, которую он выкупил из хора и которая с цыганским табором была разобщена пространственно, но не душевно. Последнее очень важно. Подобно тому как одни люди более подавляющие, чем другие, так, естественно, несхожи и целые народы. Цыгане, в особенности из табора, — народ особый, они полностью отказались от созидательного труда и профессионально посвятили себя актёрству, попрошайничеству, жульничеству — всем тем занятиям, успех в которых основывается на гипнотическом воздействии, то есть, на их, цыган, способности к подавлению. Веками в цыганских таборах шёл отбор: те, кому жизнь за счёт других была внутренне не приемлема, с табором порывали и ассимилировались с окружающими народами. Те же, кому порядки табора были органичны, приемлемы, — продолжали род и сохраняли нацию. Отсюда, можно не сомневаться, что *артистка цыганского хора* в состоянии страстно в себя влюбить, страстно вплоть до полного некроза объекта. Естественно, что рядом с такой дамой мужчина время от времени будет чувствовать себя неуверенным, подавленным, униженным, инргда ему будет хотеться, чтобы не он ею всё время восхищался, а, хотя бы иногда, и им кто-то (принцип садомазохистского маятни-

ка). Таким образом, цыганка была полной противоположностью нашей Тани, но в борьбе за мизантропа Сергея Николаевича победила, естественно, дама более подавляющая. Так, в сущности, почти всегда и бывает. В конечном счёте, некрофил-мужчина, справившись рядом с биофилкой со своими проблемами (в том числе и с половыми), непременно вновь окажется подле близкой ему по духу некрюфилки. Что и произошло в действительности между Сергеем Николаевичем, Таней Берс и артисткой цыганского хора.

Но были ли Анатолий и Сергей Николаевич действительно прототипами — в прямом смысле? Бытует мнение, что художник, творя, работать без прототипов не в состоянии. Очень увлекалась выявлением прототипов Софья Андреевна, ей почему-то это очень нравилось, может быть, потому, что в живописи и рисовании она была не более чем копиистом. Софью Андреевну противоречия не затрудняли, она их просто старалась не замечать, видимо, и в данном случае она бы не затруднилась не обратить внимание на тот факт, что Лев Николаевич, создавая образ Наташи Ростовской, рассказал о её увлечении Анатоле *ещё до того, как Таня Берс с Анатоле — реальным!* — *познакомилась*] Да, Лев Николаевич описал всё это раньше, и уже тогда Анатолий в романе был Анатоле. История же с Сергеем Николаевичем, любителем цыганок, произошла и того позже.

Что это — предвиденье гения? А может, происшедшее попросту *типично* для пар подобной полярности и случайно только совпадение имён?

Как бы то ни было, размышления о взаимоотношениях Наташи и Анатоля были для Льва Николаевича прежде всего попыткой решить свои собственные проблемы. Попыткой выявить скрытый стержень происходящего у, якобы, литературных образов, а поняв смысл, изменить «картинку»

(«пейзаж»), тем подготавливая *себя* к решению своих проблем в физическом мире. Не только мизантропы выбирают свою мать, но мизантропы — в особенности. О матери Сергея и Льва Николаевичей известно мало, разве только то, что замуж она вышла поздно, в 32 года, муж был её младше, страдала она болезненным комплексом неполноценности (рассказывала сказки детям *только в темноте* и не позволила, чтобы сохранилось хотя бы одно её изображение); как следствие, она стала тем, что публика (толстоведа) называет яркой натурой. Яркой в каком смысле? Документы обманчивы, воспоминания — тем более, однако почти всегда восстановить облик матери можно, во всяком случае, в смысле выбора в основной нравственной альтернативе «некрофил—биофил». Сделать это можно по особенностям жизни её дочери и по тем женщинам, которых себе выбирали её сыновья. А Николаевичи выбрали женщин совершенно однотипных, хотя по второстепенным признакам несхожих. Один выбрал себе певичку цыганского хора, другой рано умер от чахотки на руках проститутки, которую выкупил из публичного дома, третий — умер, так и не выбрав себе женщины, а четвёртый выбрал Софью Андреевну, женщину, по отношению к которой многие (современники и потомки) не могут сопротивляться чувству восхищения: как любящей матерью, идеальной хозяйкой дома и замечательной женой. Всякий, кто позволил себе понять принцип некрофилии, скажет, что в компании *таких* женщин не хватает только монахини какой-нибудь из государственных религий. Самое интересное, что в этой компании монашка была. Это единственная сестра своих братьев — Мария Николаевна. Муж, живя с ней, спился, она с ним развелась, от одного из своих увлечений за границей прижила ребёнка, которого скрывала. Словом, шлюха международного масштаба. Блудила она даже с Иваном Тургеневым, тем показывая общность своего ха-

рактера с его патологически жестокой матерью. Состарившись, ушла в монастырь. Таня же Берс в компанию подобных женщин явно не вписывалась, и была, в сущности, обречена на то, что ни Сергей Николаевич её не выберет, ни Лев Николаевич. Предпочтение будет отдано некрофилкам: цыганке, проститутке или Софье Андреевне.

Итак, некрофилам биофилы нужны не надолго, а для каких-то целей. Не по большому счёту, не для вечного супружества, но для удовлетворения неких потребностей. Нужны именно некрофилам, а не наоборот, потому что инициаторы взаимоотношений именно некрофилы: поработают — они, они же эти отношения, как правило, и разрывают, когда более в них не нуждаются.

Так что же некрофил хочет получить от биофила? Всеобъемлюще ответить на этот вопрос без систематических изысканий целого коллектива исследователей вряд ли удастся, но некоторые общие закономерности судеб наших Психотерапевта и Возлюбленной отчётливо видны. Если наш Психотерапевт, ещё не став таковым, лишил некрофилок фригидности (в том числе и имевших прежде обширный сексуальный опыт) способом, если можно так выразиться, *непосредственным*, то Возлюбленная, прежде чем ею стала, лечила некрофилов от импотенции иначе, почти что одним своим присутствием. Разобраться, как она это делала, поможет — удивительно, правда? — художественный гений Льва Толстого.

Если, действительно, Лев Николаевич в борьбе с человеческим холуйством использовал, как пояснительный материал, образ Анатоля, то проблемы Наполеона и Анатоля должны совпадать. У Наполеона была наирастипичнейшая жена властителя — Жозефина, мать шестерых детей от разных любовников. В точности такие же по характеру и по своему влиянию на му-

жей жёны были и у прочих *императоров*: у погибшего от перепоев Александра Македонского (которым помыкала шлюха), у причисленного к лику святых последнего императора российского Николая II (обычно депрессивная, жена его оживлялась только при ампутациях — она была практикующей хирургической медсестрой), у Ирода Антипы, того самого, который «с удовольствием» (Марк 6:20) слушал проповеди Иоанна Крестителя, его обличения в сожительстве его, Ирода, с женой брата, но разорвать связь с Иродиадой не смог (очевидно, не хотела она), и по её наущению приказал признаваемого им за пророка человека казнить, и т. д. и т. п. Женщины этого типа своей прихотью, но по чьему-либо наущению (российская императрица — Гришки Распутина) ставили и низвергали министров, женщинами этого типа восхищались современники и потомки, мужья же с ними играли роль некой унижаемой прислуги, хотя для страны были императорами. Та же Жозефина любила повторять своему низкорослому супругу:
— У моего маленького такой *маленький-маленький*...

И этой фразой, и собственно отношением к своему мужу — повелителю мира принято объяснять раннюю импотенцию гипнотизёра Наполеона. Мы не знаем, что говорила своему супругу-гипнотизёру Зигмунду Фрейду его жена, но он тоже в том же возрасте (40-41 год) стал импотентом. А блистательнейший во всей плеяде гипнотизёров магнетизёр Месмер и вовсе таким был от начала.

Итак, Анатолий, по всей видимости, угадал в Наташе возможность хотя бы некоторое время получать то, что он не мог надеяться получить от себе подобных, — обезмысленное безусловное восхищение. В сущности, он, хотя бы на подсознательном уровне, догадывался, что его любовницы — барахло. Они, по всей видимости, тоже насчёт него не заблуждались, и у них не всегда

хватало терпения разыгрывать друг перед другом достаточной силы восхищение. Психогенная импотенция, равно как и фригидность, как следует из практики психоанализа, уходит корнями в комплекс Эдипа, в детские взаимоотношения с отцом и матерью. Некрофил живёт не в настоящем и не в будущем, он живёт, вообще говоря, в прошлом, в области не эротика — с матерью или отцом. Реальный же партнёр взрослой жизни проигрывает отцу с матерью отсутствием безусловной любви. А без этого *ничего не получается*. Нет *умершего* прошлого. Оглушённый же некрополем биофил, заблуждаясь относительно сущности его употребляющего некрофила, наилучшим образом имитирует ли-бидозное поле детства. Некрофил, раз испытал оргазм или, хотя бы, обнаружив у себя эрекцию, может добиваться этого вновь, подсознательно возвращаясь к умершему первому — а потому самому яркому — опыту неанального удовольствия. Всё это очень напоминает онанизм, поэтому не вызвать омерзения может только у партнёра, подобного себе, — некрофила (садомазохиста), да и то такого, который не позволил себе вышесказанное перевести на логический уровень. Как можно заниматься онанизмом в присутствии партнёра другого пола, отнюдь не тема нашего исследования — но так есть. Надо только научиться *видеть*. Если же называть вещи своими именами, то два некрофила, жухлые в том числе, именно этим друг с другом в постели и занимаются — онанизмом. Биофил же (в широком смысле) для онанизма не нужен, поскольку в его присутствии нет помрачения ума и отношения с ним не переходят даже в жухлую форму садомазохизма. И использованному биофилу и окружающим внушают, что виноват в ухудшении отношений именно он, и за ненадобностью вышвыривают. Инверсированное проявление импотенции — при-апизм (в первоначальном, уже несколько устаревшем смысле этого слова: это когда не опускается). Тоже пси-

хическое заболевание, тоже форма лишённости нормальных половых взаимоотношений. Какого происхождения подобная «активность», можно догадаться хотя бы по преимущественным маршрутам распространения СПИДа. Повышенное поражение страшной язвой гомосексуалистов объясняется тем, что они совершают коитусы в среднем *в четыре раза чаще*, чем сторонники более традиционных форм. Кроме того, они менее разборчивы в выборе партнёров. И импотентов, и приапистов на самом деле интересует только анальный «секс». Женщина их возбуждает в той и только той мере, в какой она напоминает прелести заднего прохода. Иными словами, чем дерьмовей женщина, тем на больший успех (страстная «любовь») она может рассчитывать у мужчин. (Но только у тех мужчин, у которых ещё есть собственное здоровье. У тех же, у кого его нет, механизм временного восстановления потенции иной — через паразитирование на другом живом организме: не на том, кто вызывает страстную любовь, но на источающем жизнь.) Медицинский термин «приапизм» произошёл от имени античного божества — Приапа, сына богини любви Афродиты и бога специфического веселья и наркомании — Вакха. Афродита изменяла своему первому мужу, да и Вакх, похоже, никогда даже и не слышал слова «половинка». Он менял партнёрш, не замечая того, что они меняются. В этом апофеоз некрофилии: чем меньше в партнёре замечаешь личности, тем менее он *живой*, его как бы нет, он — *мёртв*, труп. Апофеоз — даже не спросить имени. Очень распространённый сюжет восточных сказок. Он, Алладин, идёт по запутанным улочкам города, вдруг открывается в стене дверка, Алладина туда вводят, в бассейне плещутся весёлые девушки, его раздевают... и т. д. Найти эту дверку он в дальнейшем не в состоянии. В русской «любовной» поэзии он просыпается с похмельной головой, смотрит на незнакомую голову рядом на подушке и си-

лится вспомнить имя. «Окультуренный» вариант — любовь с первого взгляда. «Без Вакха Афродита грустна», — подмечали древние тот факт, что без некоторого одурманивания то, что в толпе принято называть «любовью», *не идёт*, А когда достаточно одурманишься, то тогда уже всё равно, *кто*. А это — самое лучшее. Правда, в отличие от своего бога, многие некрофилы (и яркие, и жухлые), как показывают исследования, остаются верны своим некрофильным жёнам, но только потому, что не уверены, *получится* у них что-нибудь с другой или нет. Или выразимся иначе: то, каким образом у них получается с женой, они бы не хотели, чтобы стало известно хотя бы ещё одной даме. Потому что — стыдно. По сути, они замерли на уровне импотенции, на том уровне, когда начинают искать невызревшего биофила (в широком смысле слова, себя не осмыслившего), чтобы уподобиться своему богу и впасть в болезненный приапизм. Очевидно, что психика и дух при таком изменении не меняются. Человек остаётся тем же. Да, действительно, тождественность при близком рассмотрении психологии ярких импотентов и дешёвых бабников (властителей гаремов, «Анатолей») поражает. К осознанию этой тождественности можно прийти только через непосредственное наблюдение, потому что бытующие «теории» только своим невысоким уровнем и смогли завоевать признание широкой публики. Скажем, теория компенсации. Весьма вероятно, что теория эта — создание женского ума. При изучении «любовных треугольников» часто выясняется, что женщины сплошь и рядом изменяют своим если и не идеальным, то, во всяком случае, верным и здоровым супругам с импотентами. Не умея объяснить своё влечение, дамы объявляют своих избранников светлыми, чистыми людьми и рационализируют своё сожительство сразу с двумя мужчинами поисками возвышенной любви. Но такого преклонения от женщин доста-

иваются не только импотенты или бабники, но и прочие извращенцы. Жена Толстого много лет пыталась согрешить с гомиком Танеевым и свою неудачу лечь с ним в постель Льву Николаевичу объясняла тем, что её влекла «чистая, возвышенная любовь».

Многолетние попытки Софьи Андреевны не привели к оздоровлению половой сферы у Танеева. *Не получилось.* А вот у нашего Психотерапевта и Возлюбленной, до того, как они таковыми стали, *получалось.* Что интересно и важно!

Что же происходило с некрофилками, «осчастливленными» будущим П.? Эволюционировали они до зевоты однотипно. Эйфория от вновь обретённого навыка рассеивалась быстро и сменялась неудовлетворённостью в умопомрачении. После неуклюжего повода к расставанию (разводу) и самого развода они однообразно впадали в женский вариант приапизма (не по генитальному типу, а по анальному, хотя и с манипулированием гениталиями), что, как мы уже сказали, то же самое, что и некрофил и ческая фригидность. Конец приапическим увеселениям с однотипной кратковременной остановкой на страстную любовь наступал только как следствие потребности удовлетворить ещё неудовлетворённые потребности: иметь постоянный источник материального содержания, воспроизвести мир «семьи», виденный в детстве, страх перед венерическими заболеваниями и т. п. Находили они партнёра, естественно, на этот раз уже себе подобного. Словом, изменение акцентов с анального на генитальный было лишь временным.

Это из опыта П. А что В.? Что её Центр биоэнергетического целительства, в котором она, если вы помните, лечила импотентов? И не только клиентов, но и того, кто в Центре всем заправлял. Да-да, главный целитель — источник, так сказать, здоровья для клиентов, — тоже импотент, что, однако, не мешало ему установить в Центре порядки, напоминающие гаремные.

8 Сефирот

Возможно, после того как В. «властителя гарема» вылечила от импотенции (как она предполагает, временно), он в этот период некогда платонический (гитлеровского типа) гарем превратил в буквальный. Однако и это сомнительно, ведь «властитель гарема» к тому времени сорокалетний рубеж уже преодолел.

Если наша гипотеза о причине интереса некрофилов к биофилам верна, то тогда появляется возможность объяснить «целительский» успех будущей Возлюбленной без феномена эмоционально-стрессового «лечения». Уважительное отношение, переходящее в подавляющей атмосфере Центра (директора банка, «властителя гарема») в достаточно обезмысленное восхищение, поражало клиентов; восхищение, переходящее в безусловное, бережный массаж спины (кстати говоря, психоэнергетические травмы половой сферы обнаруживаются в области поясницы), сниженный уровень подавления, злоба к клиенту не большая, чем индуцированная прочими сотрудниками Центра, — всё это позволяло импотенту рядом с будущей В. *догадаться*, что он не законченное барахло, а если дерьмо, то не абсолютное. Следовательно, он что-то *может*. Он — по-тент. С психического уровня эта догадка переходила на физический, и человек становился пригоден к женитьбе.

За подобные догадки люди держатся. Держатся крепко, держатся вопреки очевидному и, порой, вопреки возможности выжить. И это обособление от действительности и позволяет перейти к другой форме импотенции — приапизму. И его онанистическим подвидам. Как, скажем, групповщине (среди умопомрачающих индивидов), практикуемой в целительстве.

Кроме того, классический приём в целительстве заключается в том, что целитель создаёт мыслеформу больного органа. Если у клиента болят почки, то создаётся мыслеформа *здоровой* почки. При этом предполагается, что целитель с этим больным органом работает, изменяет баланс энергии, дурную энергию отсасы-

вает, а здоровую, наоборот, вливает. По этой методике учили работать и будущую Возлюбленную. Следовательно, когда она работала с импотентами, то представлять ей приходилось *здоровый* орган. А что, скажите, должно произойти со *здоровой* женщиной, когда она представляет мужской соответствующий орган, да ещё *здоровый*? Да, она возбудится. Естественно, что для целителя — директора банка или какого иного явного или тайного мага — это новый опыт. Прежде все оказывавшиеся рядом с ним женщины не возбуждались, а впадали в транс, забывались или влюблялись до умопомрачения; словом, всё что угодно, но только не возбуждались. Разумеется, оказавшись впервые рядом с возбуждённой женщиной, маг вдруг обнаружит, что его вялый орган примет пусть слабое, но подобие создаваемой мыслеформы. Именно этим механизмом можно объяснить, почему многочисленные попытки других целителей вылечить «властителя гарема» оказались безуспешными, а нашей героине это удалось.

Анатоль был глуп. Но мы, читая, этого не замечаем. Анатолий производит впечатление справляющегося с этой жизнью, и это впечатление настолько яркое, что начинает казаться, что *он* хозяин этой жизни; По внешним атрибутам он, как и «властитель гарема», неутомимый любовник, отнюдь не страдающий от комплекса неполноценности. Анатолий изображён так, как он того хотел бы, чтобы его воспринимали — почти что идиолом для поклонения. Но мы мыслью проникаем в истинную сущность вещей и вместе с Толстым постигаем, что Анатолий — глуп.

А ещё Анатолий нуждался в услугах обманутой био-филки, поскольку на генитальные взаимоотношения был попросту неспособен.

Читающий — да разумеет.

Глава девятнадцатая ТАК КОГО ЖЕ ЛЮБИЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ?

Лев Толстой женился в 34 года, прожил с женой, не изменяя, 48 лет, из которых тридцать три последних года мечтал от неё сбежать. Жена Соня (детское прозвище — «фуфела») бежать никуда не собиралась, наоборот, чувствовала себя в имении Толстого полновластной хозяйкой, контролировала всё, вплоть до часов работы великого писателя. Дело доходило до того, что Лев Николаевич не имел права, чтобы сосредоточиться, закрывать дверь в кабинет, потому что Соне хотелось видеть то, чем он занимается. Писателю по роду работы необходимо, чтобы новые впечатления не рассеивали внимание и, в особенности, необходимо, чтобы не менялась в кабинете обстановка, но Соня могла без согласия мужа снять висящий в кабинете портрет и заменить его другим, а то и вовсе ворваться и разорвать его в клочья.

Свою многолетнюю мечту сбежать Лев Толстой воплотил только в 82 года. Ночью (ночью!) он тихо разбудил верных ему в доме людей, стараясь не шуметь, они собрались и почти без вещей крадучись ушли из усадьбы. Толстой хотел убежать куда-нибудь далеко-далеко, так, чтобы супруга его там найти не могла, и для этого он со спутниками менял поезда (на каждой узловой станции заново брали билеты) и всячески старался оставаться незаметным. Однако организм Толстого не выдержал — всё-таки 48 лет совместной жизни с некрофилкой! — и величайший из писателей простудился и умер на станции Астапово.

Как могло случиться, что величайший писатель-психолог мог жениться на *такой* женщине? Можно было бы ещё понять, если бы женился он, скажем, лет в 19 или в 22, но в 34! Казалось бы, к этому возрасту, кроме глубоких познаний о противоречивости человеческого естества и лживости высказываемых мнений,

могло бы прийти и самообладание. Как он мог ввести в свой дом *такую* женщину, да и любил ли он её? А если не любил Соню, то, в таком случае, кого?

У Сони было ещё две сестры: Лиза (старше Сони на год) и Таня (младше Сони на три года).

Толстой ещё задолго до женитьбы был вхож в этот дом. Однажды он сказал своей сестре Марии: — Машенька, семья Берс мне особенно симпатична, и, если бы я когда-нибудь женился, то только в их семье.

Мария Николаевна такое умонастроение брата одобрила и обратила внимание его на старшую, Лизу:

— Прекрасная жена будет, такая солидная, серьёзная, и как хорошо воспитана! — высказала своё мнение будущая монашка, спавшая не только с И. Тургеневым,

Разговор их подхватили, донесли до Лизы и уверили её, что граф её обожает и собирается жениться. Лиза, прежде равнодушная, размечталась и за графа идти замуж собралась. Она стала подолгу сидеть перед зеркалами, изменила причёску. По этому поводу Соня, в то время влюблённая в Поливанова, как могла издевалась над своей старшей сестрой и среди прочего говорила, что нежности, в которые та пустилась, ей не к лицу.

Лев Толстой записал в дневнике 22 сентября 1861 года: «Лиза Берс искушает меня; но это не будет. — Один расчёт недостаточен, а чувства нет».

Из этой записи мы, между прочим, узнаём, что в свои 34 года писатель, выделявшийся психологизмом своих произведений, так же, как и жеманные девицы того времени, считал, что самые важные в жизни взаимоотношения должны строиться на *чувстве*. Оставалось только дожидаться, когда *чувство* это ему *сделают*.

Как мы уже знаем, кроме Лизы в семье Берс были ещё две невесты: Соня и Таня. Это были два совершенно разных человека. Можно сказать, прямо против-

положных, хотя и воспитывались в одинаковых условиях, по одним и тем же книгам, и манер от них ожидали одних и тех же. Мужчины, которые начинали рассматривать Таню как объект своих вожделений, оставались спокойными, те же, которые выбирали Соню, влюблялись страстно (то, что в женщину страстно влюбляются, — её позор!!!) — с хватанием в отчаянии за голову, с ощущением себя рядом с ней недостойными, с рыданиями, сочинениями стихов и т. п. Реакции на ухаживания у Сони и Тани в одном и том же возрасте были также различны. Когда осмелевший молодой человек взял Ткню за руку, она не посмела её отдернуть, боясь его обидеть. Соня же не только отдернула, но и брезгливо (морщась?) стала вытирать руку платочком, отчего молодой человек, почувствовав всю свою ничтожность, в отчаянии схватился за голову. В одной и той же ситуации Таня (будущий прообраз Наташи Ростовской, если вообще можно говорить о прообразе) находила повод для радости, а Соня — повод почувствовать себя несчастной. Словом, характеры достаточно целостные, чтобы предсказать с достаточной степенью точности, у которой из двух сестёр будут сны о расчленении младенцев; кто будет возбуждаться от вида испражнений; у кого будет страстное влечение отправиться в больницу целовать у больных гнойные язвы (было и такое!); и краткосрочная потребность (ввиду определённых психологических трудностей) в биофильном мужчине; и невозможность с такого рода мужчиной ужиться; и даже стремление первенствовать во всём, даже по пустякам, а уж тем более среди сестёр в деле замужества. На что особенно обращает внимание в своих воспоминаниях Таня (а она хорошим языком написала книгу «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»), так это на то, что в присутствии Льва Николаевича все становились жизнерадостней, оживлённей, и у всех появлялось желание справиться со своими проблемами. Это чрез-

вычайно важное свойство биофилов уже тогда, до свадьбы с Соней, было Льву Николаевичу присуще. С возрастом это его свойство только усилилось.

Ещё Льва Николаевича легко обманывали, он об этом знал, но гипнабельным себя признать, чтобы от болезненных зависимостей защититься, не сумел. (Он говорил, что воспринимает людей *особенно, физически*, но склонен был видеть в этом только одну сторону, считая это преимуществом.) Раз взялся Лев Николаевич (уже после свадьбы) выращивать каких-то уж совсем особенных свиней японской породы (очень он восхищался выражением их, как он говорил, *лица*), нанял человека за ними ухаживать, а тот их всех переморил. Не по недосмотру или небрежности, а осознанно, потому что *нравилось убивать*. Этот человек потом хвастал, как изошрённо он этих свиней «сделал». Лев Николаевич же ничего не понял и считал, что свиньи передохли из-за хвори, но не понял не потому, что медленно соображал, а потому, что яркий некрофил простодушному (гипнабельному) Толстому *мог внушить, что хотел...* Скажем, внушить своему нанимателю чувство, что, несмотря на то, что свиньидохнут, — всё хорошо.

Таких примеров множество. Даже в старости Лев Николаевич не изменился. Личный его врач и последователь Д. П. Маковицкий в дневнике записал:

«24 июля 1909 г. Когда бывал Чертков, Л. Н. бывал в возбуждённом состоянии, как бы несвободный, загипнотизированный, такой возбуждённо-невменяемый почти, как сам Владимир Григорьевич».

Итак, влюблённая в Поливанова Соня, увидев, что старшая сестра «нежничает» с Львом Николаевичем, и похоже первая (какое нахальство — первая!) выйдет замуж, вдруг тоже обратила своё внимание на графа. Лиза возмутилась было, что у неё отбивают жениха, но было уже поздно: Лев Николаевич сделал Соне предложение, которое и было немедленно принято. «Сделала»

она Льву Николаевичу чувство быстро чрезвычайно — через четыре недели он оказался даже повенчанным. Была у него попытка вырваться, но Соня прикинулась несчастной — дескать, её восемнадцатилетняя жизнь кончилась, — навалилась и родня Сони, — и она вышла победительницей: из сестёр первая вышла замуж, доказав тем свою принадлежность к «императорам».

Толстой все события, связанные с женщинами, записывал в дневник. Первая запись о Соне (видимо, тогда она впервые за него взялась) была сделана *23 августа 1862 года*: «Ночевал у Берсов. Ребёнок! Похоже! А путаница большая. О, коли бы выбраться на ясное и честное кресло!.. Я боюсь себя: что ежели и это желание любви, а не любовь? Я стараюсь глядеть только на её слабые стороны и всё-таки оно. Ребёнок! Похоже».

16 сентября — предложение.

23 сентября — свадьба.

В период жениховства всё было похоже: цветы, подарки, объяснения, из которых следовало, что жених рядом с невестой *чувствовал себя недостойным*. Он ей объяснялся в любви и объяснял своё *чувство не-ким* родовым влечением. Заметьте! «Похоже», — записал в дневнике писатель, тот самый, который ещё лет десять назад в одном из своих произведений сказал, что чем более «похожи» проявления каких-либо чувств, тем более они ложны. Но вряд ли бы в те недели и даже в ближайшие годы Лев Николаевич смог бы поверить, что, спустя 48 лет, он тайком от жены ночью с верными людьми выберется из своего родового имения, а через несколько дней умрёт на станции Астапово. Но вот такую смерть описать художественно он, видимо, смог бы во всех деталях уже тогда, в августе-сентябре 1862 года.

Но в доме Берсов была ещё дружба со свояченицей, то есть с сестрой невесты, тогда ещё пятнадцатилетней Таней. Здесь царило взаимопонимание: он повышал настроение ей, она — повышала настроение

ему. Дружба; лишь отчасти сохранённая для нас временем в их оживлённой переписке, продолжалась на протяжении последующих пяти лет до замужества Тани. Он был для неё всем: учителем, другом, советчиком и даже врачом. Да, это может показаться странным, но Лев Николаевич, который во всех своих произведениях утверждал, что в болезни люди выздоравливают не *благодаря* врачам, но *вопреки* им, для Тани, для милой своей свояченицы, был ещё и врачом. Её исцеляло уже само его присутствие. Это заметил и описал отец Тани, сам по профессии медик (письмо от 25 января 1867 года):

«Беда только та, что с ней очень трудно ладить. Она верит только одному доктору в мире: это — Л. Н. Толстому, который совершенно её избаловал, а сам, бедный, измучился со своим романом». Да, действительно, в это время Лев Николаевич работал над «Войной и миром». Многие из домашних Толстого узнавали в персонажах себя, и это вызывало у них оживление. При первом чтении выяснилось, что любимейший герой Толстого — Пьер (а в сущности, он — если не сам Лев Николаевич, то его о себе мечта, ведь невозможно же писателю не отождествлять душу лучшего из своих героев со своей) не понравился никому, в том числе и Соне, а понравился *одной только Тане*. «Люблю таких», — записала она.

Угадать с первых страниц романа большую душу Пьера -г- тоже надо иметь сердце, ведь вначале поступки Пьера целиком и полностью определялись вожделениями тех подлецов, которые обладали достаточной силой некропомем, чтобы подавить критическое мышление Пьера. *Угадать удалось одной Тане..*

А теперь — любимейшая героиня. Лев Николаевич начал писать «Войну и мир» вскоре после свадьбы, ещё в те времена, когда на логическом уровне его жило убеждение, что жизнь его семейная удалась, а сцены, которые жена устраивать ему начала уже с первой не-

дели их супружеской жизни, он терпеть ещё мог. Казалось бы, счастливейший из смертных, новобрачный, который, правда, себя считал своей невесты недостойным и полагал, что овладел ей именно он, счастливец, — а счастливец потому, что молодая жена говорит ему слова о любви и целует ему руки, его же убеждение в том, что он любит именно её, как будто калёным гвоздём вбито в основание черепа, — казалось бы, подобный счастливец не может не воспевать в главной своей героине — супругу Сонечку, Соню, Софью Андреевну.

Однако главной героиней становится не она, Соня, а её сестра Таня. Воспевается как лучшая из женщин почему-то не жена, а свояченица. Как это можно совместить с его собственной супруге объяснениями в любви и лишь братским общением с Таней?

«Всё что разумно, то бессильно; всё, что безумно, то творчески производительно», — сказал Толстой как раз в период ласкового созерцания образа Наташи. Позднее, 26 марта 1870 года, он записал эту фразу в дневник и далее пояснил: «Это значит — другими словами, что то, что есть сама сущность жизни, непостижимо разумом».

Следует уточнить: его, Льва Николаевича, разумом непостижимо. И не потому, что глуповат, а потому, что поддался искушению поселить рядом носителя злой воли.

Величайшие произведения создаются отнюдь не сознанием, а *подсознанием*, — эта мысль уже привычна в современной культуре, понимал это и Лев Толстой. Иными словами, сознанием и чувствами пользуются для того, чтобы написать не имеющие ценности литературные поделки и чтобы вступать в торгашеский брак (тип «игра»), а подсознанием — чтобы написать такие произведения, как «Война и мир», или вступить с женщиной во взаимоотношения совсем иного рода. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Пьер (Толстой), влюблённый в Наташу (Таню), женится на

подавляющей личности Элен (Софье), мучается от отсутствия чего бы то ни было с ней общего и, наконец, после смерти Элен и «обновления нравственной физиономии» всё-таки с Наташей соединяется. Пьер умнее Толстого, во всяком случае, в том отношении, что 15 лет своей жене в любви не объясняется и находит в себе мужество признаться, что это была ошибка, глупость, соблазн, несчастье, которое есть следствие дурного состояния души. Толстой стал прозревать (на логическом уровне) приблизительно на 15-м году семейной жизни. Но только спустя 22 года, в 1884 году, Лев Николаевич впервые собрал мешок и вышел в сторону Тулы. До Тулы 10 вёрст, и с полдороги Толстой повернул назад.

Обращаясь к своему сознанию и, как он того ждал, к обрётённым *чувствам*, Толстой «узнаёт», что до безумия любит ту, от которой не он первый сходит с ума. Уединяясь же с пером в руках и входя в особое творческое (*изменённое*) состояние, он узнавал, что биофил, подобный Пьеру, достоин на своём жизненном пути соединиться с биофилкой, подобной Наташе, а некро-филке (Элен) лучше всего умереть. Но это только в особом, *изменённом*, творческом состоянии... (Не зря впоследствии Соня не позволяла ему закрывать дверь в кабинете: интуитивно она понимала, что ей это не на пользу! Лучше сказать, он молился, потому что писание — был его способ приобщения к истине.)

Впрочем, это ещё вопрос, которое из состояний сознания следует считать *изменённым*, — то, в котором мы находимся постоянно и не можем верно оценить происходящее вокруг, или то особенное, творческое, в котором создаются «выдуманные» произведения, подобные «Войне и миру», и передвигаются, если на то есть воля Божья, горы. То, в котором ищущий в состоянии максимально близко приблизиться к пониманию, что же с ним происходит реально, и какая из женщин на самом деле *его*.

Однако Пьер в результате психоэнергетической нахлобучки оказался, с благословения жреца госрелигии, повенчанным с Элен, избавиться от которой можно было только с её смертью, в чём ей, смерти, Лев Толстой и не препятствовал. В своей эволюции к смерти Элен проходит стадию обращения в для неё ещё более истинную и государственную, чем православие, религию — католическую, и, наконец, умирает от неопасной болезни, кажется, инфлюэнцы. Наташа также оказывается после смерти князя Андрея свободной и, наконец, обретает своё счастье под гостеприимной крышей биофила Пьера, который в противоположном от Элен движении проходит через стадию чисто понятого *сектантства* в форме масонства, которое он, естественно, тоже перерастает. (И это всё *до* религиозных исканий самого Толстого!)

Так что же прототип Наташи? Какова её судьба? И в какой степени её судьба совпадает с судьбой Наташи?

Да, Анатолий был, фамилия его была Шостак, он был русский, но звали его *Анатолем*, то есть именем подчёркнуто нерусским, что указывает на отсутствие самобытности, поскольку *подражающий* формам чужой культуры не может быть самобытным, а следовательно, и высоконравственным. *Анатоль* Курагин был таким же. Но если в судьбе Наташи Анатолий был высшей точкой череды болезненных зависимостей, после которой она обрела «обновлённую нравственную физиономию», то не так было у Тани.

Замуж-таки Таня вышла, но в возрасте 20 лет, то есть в возрасте, для девушки, по понятиям того времени, для вступления в брак достаточно почтенном. Вышла она после нескольких бурных романов, за своего двоюродного брата Сашу Кузминского, который был Таниной «первой любовью» (правда, романтично, как в бульварном романе?). Вышла, как уверяла, не из расчёта, а потому что бывшее чувство «стало оживать». Из этих слов очевидно, что Таня во всех своих несчас-

тях отдавалась чувствам одного и того же рода и, отдаваясь *тем* же чувствам, которые и прежде составили несчастье её жизни, вышла замуж, жила с мужем, рожала детей, некоторых схоронила, схоронила наконец и своего мужа, а потом умерла и сама. Но всё это было после. Прежде была надежда, были возможности, свобода и «непохожие» взаимоотношения между ней и Львом Николаевичем.

Когда Толстой работал над первыми томами «Войны и мира» и когда публиковал их, Таня, с которой Лев Николаевич списывал целые страницы, замужем ещё не была, поэтому Кузминский попадает в роман под именем Бориса, тоже близкого родственника. Действительно, Наташин первый поцелуй был с ним, была и кукла, но в романе Борис такую женщину, как Наташа, разумеется, не получает.

Итак, первый роман Тани — с двоюродным братом Кузминским. Затем она в себе обнаруживает *ещё более сильное чувство*, на этот раз к подленькому Анатолю, и решает, что на этот раз *это* и есть *настоящее*. Интересно, что — так же, как и Наташа, — Таня хочет выйти замуж за обоих. (Учитывая чувствительность Тани, это может означать существование двух психоэнергетических травм.) Сила чувства Тани к хлыщу Анатолю скорее всё-таки напоминает чувство Наташи к князю Андрею, чем к Анатолю Курагину. Но, тем не менее, и такой силы «любовь», по мнению Толстого-родственника, была ужасна — Лев Николаевич хватался за голову и переубеждал Таню, пользуясь тем, что *она относилась к нему как ко второму отцу*. (Письмо Тани от 25 ноября 1865 года: «...Искренна я с тобой всегда и прежде была, и теперь буду... Ты мне и *лучший друг, и второй отец*, и всегда это так будет, и я тебя очень, очень люблю, и где бы я ни жила и ни была, это никогда измениться не может».) Переубедить он её отчасти смог и Анатоля из Ясной Поляны выпроводил. Восприимчивая Таня несколько пришла в себя, повеселела, но

тут на неё навалилось чувство ещё большее, и, как вы уже догадываетесь, последний источник чувства (Сергей Николаевич) поступил с Таней подлее всех предыдущих. Но поступил он с ней так не потому, как объяснили бы это современные девицы, что *просто* она позволяла, а позволяла потому, что *просто* сильно любила, и потому он мог позволить себе всё. Вовсе нет. Он просто был подонок, говнюк. Сильным, побуждающим к страстной любви некрополем обладают лишь люди с определённой нравственностью.

Влюбилась Таня, как и Наташа, рядом с Элен (простите, с Соней!!!), потому что Соня вообще во многом определяла Танины воззрения на жизнь. Таня так до конца и не смогла изжить почитания Сони как главной подруги. Близость с Соней подготавливала (отрицала) интеллект Тани к страстной любви. А объектом был — как бы вы думали, кто? Впрочем, вы уже знаете — брат Льва Николаевича, Сергей Николаевич. Как и своей женой Соней, Лев Николаевич братом своим восторгался — и не удивительно: как Соня отличалась от своей сестры Тани, тдк и Сергей от Льва. Лев же вообще объявлял лучшими людьми тех, рядом с которыми впадал в гипнотический транс: Соню — как лучшую из женщин, Черткова — как лучшего из друзей, Сергея Николаевича — как лучшего из братьев. Пытаясь объяснить своё восхищение братом-мизантропом, Лев Николаевич, не найдя в нём качеств положительных, договорился до того, что причиной восхищения Сергеем Николаевичем назвал... исключительный его эгоизм. Мысль, абстрактно-логически совершенно правильная, но не приведшая Льва Николаевича к «обновлению нравственной физиономии», и он позволил себе восхищаться братом и дальше. В отношениях с братом Льва Николаевича не могли защитить даже его профессиональные знания. 20 октября 1896 года он записал в дневнике: «В художественном произведении главное душа автора. От этого из средних произведений женские лучше,

интересней. Женщина нет-нет, да и прорвётся, выскажет самое тайное души — они и нужны, видишь, что она истинно любит, хоть и притворяется, что любит другое. Когда автор пишет, мы — читатели — прикладываем ухо к его груди и слушаем и говорим: дышите. Если есть хрипы, они скажутся. И женщина не умеет скрывать. А мужчины выучатся литературным приёмам и его уже не увидишь из-за его манеры, только и знаешь, что он глуп, а что у него за душой — не увидишь». Именно такой стиль был у «красного папы» В. Г. Черткова, чьи письма о ненасилии можно читать, только делая насилие (над собой), и, в сущности, такой же стиль был и у Сергея Николаевича. Итак, положение: по законам того времени венчать брата и сестру уже существующей супружеской пары было запрещено, позволялось только по особому разрешению церковных властей. Прекратить эту связь Таня была не в силах, всё определял болезненный человеконенавистник. Но Сергей Николаевич не посчитал необходимым это сделать. Он выбирал. Дело в том, что как раз в то время, как Сергей Николаевич ухаживал за Таней, объяснял ей в любви и делал ей предложение, свою сожительницу Машу, певичку из цыганского хора, с которой он незаконно жил уже пятнадцать лет, он забрюхатил четвёртым ребёнком. Выбирал, с кем остаться, он долго, мучительно долго — мучительно, естественно, прежде всего для Тани — и выбрал, разумеется, цыганку. Таня, наша жизнерадостная Таня, которая, в отличие от своей сестры Сони, всегда во всём находила хорошие стороны и повод порадоваться жизни, пропитанная духом Сергея Николаевича, поступила так же, как поступали и все без исключения любовницы некрофила Гктлера: она совершила попытку самоубийства — отравилась. К счастью, всё вовремя открылось, ей успели дать противоядие, но она очень долго после этого болела. И на этот раз спас её не кто иной, как Лев Николаевич, вернее, больную

спасло её отношение к нему как ко второму отцу. Доверие тому, что на этой земле есть ради чего жить. Вера в неисчерпанность жизни.

Теперь Таня, по понятиям того времени, была «с прошлым», то есть, как существо достаточно совестливое и стыдливое, она не могла себе представить, что в этой жизни на что-то необыкновенное в супружестве может ещё рассчитывать. За ней начинает ухаживать овдовевший пожилой Дьяков (но не старше Сергея Николаевича!). Дьяков был другом Льва Николаевича, а известно, что мужчины в такого рода дружбе сходятся по родству душ. Однако Тане то, что она испытывала к Дьякову, ни в коей мере не напоминало чувств, которые она испытывала прежде к Кузминскому, Анатолю, Сергею Николаевичу. Она не догадывалась (Соня не сказала, не приказала), что возможны и другие чувства, и Дьякову отказала. Она решает выйти замуж за Кузминского, объявив, что прежде к нему чувство у неё вновь проснулось. Что она и делает после того, как Лев Николаевич (!) находит священника, который соглашается венчать брата и сестру.

Судьба порой берётся подсказать нечто важное, для непокаявшейся души очень болезненное, даже в день венчания: на сельской дороге встретились два экипажа, и в обоих сидели готовившиеся вступить в брак, которым пришлось похлопотать, чтобы найти священников, которые бы согласились незаконно их венчать. В одном экипаже ехала Таня с братом Кузминским, который, пока Таня переходила из рук в руки, коротал время с замужней графиней, а в другой Сергей Николаевич со своей певичкой. И Таня, и Сергей Николаевич одновременно выглянули из окон экипажей и — узнали друг друга. Эта символическая встреча потрясла их обоих. Стала ли она для Тани дополнительной психоэнергетической травмой, неизвестно, но и предыдущих ей вполне хватило для того, чтобы она, прежде не мыслившая, как можно обидеть человека хоть

словом, и в силу своей чувствительности умевшая в общении найти верные слова и верную интонацию, та самая Таня, так напоминающая нашу Наташу, могла сказать своему мужу, Саше Кузминскому, что самая сильная у неё любовь была (а следовательно, есть) с Сергеем Николаевичем. Обвенчавшись с Кузминским, она с ним жила, пока он наконец не скончался. Но, несмотря на множество схожих деталей, судьба Тани судьбу Наташи Ростовой лишь напоминает. Наташе хватило нравственных сил, чтобы разобраться в своих взаимоотношениях с людьми и мужчинами. Она обратила повороты своей судьбы в ступени, по которым взбиралась всё выше и выше, — в борьбе с Богом победила саму себя. Танины же любовные истории неотличимы одна от другой и разнятся лишь силой «чувства». Наташа победила ещё и потому, что победителем был и её Пьер. Чего нельзя сказать о Танином супруге. Но если Лев Николаевич не смог *сознанием* понять, кем же для него могла бы стать Таня, то это понятно: он, как ему казалось, занимался вопросами вселенской значимости. Но почему же сама Таня не смогла понять, кем для неё мог стать Лев Николаевич? Ведь именно женщины упорно внушают друг другу, что кто, как не они, являются знатоками любовных взаимоотношений? Почему они оба столь одинаково не смогли разобраться в достаточно простой ситуации? Для решения которой достаточно критического мышления средней силы? Было ли это следствием того, что они оба, безусловно, находились под влиянием одного и того же человека — Сони? Или на самом деле женщина, когда речь заходит не о болезненных зависимостях, а о светлом, о встрече *половинок*, самостоятельно не может ничего? Или, наоборот, не может мужчина? Или не могут ни те, ни другие, но только Господь? Тогда что же Таня? С кем она советовалась? Кого называла своим «другом»? Кто контролировал её разум? Кто всё время был рядом с Таней и дома, и в Ясной Поляне?

Кому снились расчленения младенцев? Кто возбуждался при виде испражнений? Кого Таня называла любимой сестрой и любезным другом? Со всей очевидностью выяснить все детали возможно было методами психокатарсиса только при жизни самой Тани. Но и со смертью Тани возможность полностью не утрачена.

Можно обратиться к подсознанию самого Льва Николаевича, благо он позволил себе записывать так называемые фантазии, самое, как выясняется, ценное и единственно достоверное в человеке. Роман говорит сам за себя: Пьер — это сам Толстой, Наташа — *как бы* Таня; Пьера контролировала Элен, Наташу тоже зомбировавшая признанная красавица и умница (на самом деле тупица) Элен-Соня.

Но кто же такая Наташа, если Таня только *как бы*? Кто она, если Таня не более чем прототип, и списана с неё лишь плотская её составляющая — то, что она *обворожительна*, эмоционально-подвижна, жизнелюбка и воспринимает жизнь не только общепринятыми способами, но и иными, теми, которые в наше время называются экстрасенсорными. У Тани же взяты особенности речи (одни эмоции и никакого смысла) и некоторые случаи из биографии. Но по плоти ли Наташа — *Наташа*? Откуда Толстой взял не реализовавшиеся в жизни Тани движение души, возрастание до таких высот, которых не достигли остальные героини «Войны и мира»?

Спустя много лет после завершения работы над романом Софья Андреевна заявила, что Лев Николаевич взял Таню, взял её, Соню, перемешал, и получилась Наташа. Действительно, Наташа не есть просто Таня, даже в самую лучшую пору её жизни, но нечто гораздо более прекрасное. А поскольку Софья Андреевна была непоколебимо уверена, что она, Софья, есть само совершенство, то, следовательно, Наташа есть Таня, дополненная ею, Софьей. Многие исследователи в это поверили. Мнения Софьи, не понимавшей своего мужа, вообще до странности для литературоведов ав-

торитетны, в особенности так было после смерти Льва Николаевича и до её смерти в 1919 году, когда признание её как специалиста в области биографии, характера и образа мышления Льва Николаевича достигло апогея. Её признали *ведущим* специалистом. Логического к тому основания — нет.

Писатель может написать только то, что может написать. На бумаге могут воплотиться только те образы, которые в состоянии вместить его душа. Скажем, Достоевский был великим художником всяческих садомазохистских извивов человеческой души, но положительного героя он создать так и не смог. Не нашлось в его душе такого уголка, из которого здоровые биофиль-ные герои могли появиться. А вот у Толстого появились. В конечном счёте, всякий литературный герой, будь то мужчина или женщина, — это, прежде всего, *сам* автор, *его* душа во всей своей нищете или богатстве. *На-таша* — это *сам Толстой*, и это естественно. Но одновременно Наташа — это Наташа, жизнь её самостоятельна, самобытна *и не от мира сего* (Иоан. 18:36). Таня же — лишь прототип, а Толстой — лишь автор, и, кто знает этих гениев, не заглядывал ли он, созерцая Наташу, в будущее? К тем, у кого *получается*..

Лев Николаевич с женой Софьей Андреевной жил плохо, гадко. Работа над «Войной и миром», пребывание в той области разума, которая оказалась вне контроля тех, кто хотел бы вообще всегда ближних контролировать, работа в том же пространстве сознания, в котором работали, освобождаясь, П. и В., и такая работа Льва Николаевича над собственным освобождением не могла не принести плодов прозрения. Снести такое Софья Андреевна была не в силах, и обычная враждебность, естественно, усилилась. Начались ссоры; некоторые часто гостившая в их доме Таня описала в своих воспоминаниях. Как и положено некрофилу, Соня в столкновениях оставалась более невозмутимой или, правильной сказать, в выражении своей ненависти бо-

лее мертвенно-неподвижной. Чувствительный же и непосредственный Лев Николаевич индуцированную на него злобу проявлял, как у людей подобного рода и бывает, активно, открыто. Он мог схватить поднос с кофейником и чашками и разбить об пол, сорвать со стены барометр и тоже — об пол. Странно, если бы было иначе: ведь в такие минуты человеку в особой мере отключали контролирующее сознание. А у фуфелы-Со-фочки всё было в порядке. Годы шли, Лев Николаевич обучался противостоять злу, что проявлялось в большей сдержанности, а вот прекрасно умеющая владеть собой Соня (а это умение собой владеть отмечают все наблюдавшие её врачи) распускалась всё больше и больше — с определённой целью. Естественно, поскольку самообладание Льва Николаевича означало независимость, то, чтобы увлечь его в нужное ей состояние, Софье Андреевне требовались большие усилия. Она кричала, визжала и каталась по полу, стреляла под дверями, «шутила», что выпила смертельную дозу опиума, рассказывала про свою «чистую» любовь к Танееву; она грезилась, что дом охватывает понос и рвалась в больницы целовать гноящиеся язвы у умирающих...

Так Лев' Николаевич прожил 48 лет, до тех пор, пока ночью с верными ему людьми из дома не сбежал, однако, с тем только, чтобы через несколько дней умереть на небольшой, случайной, в общем-то, на его жизненном пути железнодорожной станции Астапово. Но умереть свободным, хотя бы напоследок полной грудью вдохнув воздуха свободы, ему не удалось. Вопреки его воле Софочка настигла его и там. Но не с тем, чтобы просить прощения, и если уж покаяться, то не как апостолы, но как Иуда...

Помните запись Льва Николаевича в дневнике?
«Лиза Берс искушает меня; но этого не будет. — Один расчёт недостаточен, а чувства нет». Он хотел чувства — он его получил, он искал долго, но в самом главном оказался выразителем духа

даже не времени, а всей истории планеты после грехопадения. И это тем более обидно, что рядом была другая девушка, которая относилась ко Льву Николаевичу как к учителю, врачу, другу, *как к отцу*, и о котором писала: «Один только Лёвочка и понимает меня». И которую он воспел в своём великом романе.

Дело сделано, жизнь прожита и остаётся только уповать на Воскресение. Почему так случилось? Могло ли быть иначе? Скажем, если бы человек, который к моменту своей женитьбы уже более десяти лет писал на нравственные и психологические темы, выбирал в притягивавшей его семье (не Таня ли его притягивала?) не, как водится, между расчётом и «Чувством», а вспомнил, что есть ещё нечто иное, третье — дух, вера. Та самая вера, особое состояние ума, о которой в Новом Завете написано: «*Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» (Евр. 11:1). И не в этом ли пренебрежении верой уже тогда было заложено основание его, Льва Николаевича, религиозным метаниям накануне смерти?

Соня врывалась. Соня вечно была недовольна. Соня грезилась всеобщим поносом и вознёй в этом поносе. Соня визжала. Соня заставляла под угрозой самоубийства делать что ей хочется, она угрожала повеситься, отравиться морфием, броситься под поезд, утопиться. И даже имитировала всё это. Соня даже определяла, кого из своих знакомых этот несносно добрый граф, который отказался от слуг, собственности и обслуживал себя сам, имел или не имел права видеть. И она чувствовала моральное на то право. Ещё бы! Ведь Лев Николаевич, величайший художник, был отлучён от государственной церковности, а она, Соня — нет. И это естественно! Она была предана и государству, и приемлемой для *подавляющего большинства* религии. Она даже регулярно посещала то, что в этой системе церковности называется богослужением, и предписанные обряды исполняла.

И ещё одна деталь. В те времена у всех на слуху был один феномен. Оказалось, что помещикам, которые обирали своих крестьян, в своих поместьях вовсе не обязательно было иметь врачей. Достаточно было дать болевшим крестьянам какое-нибудь лекарство — и те выздоравливали. «Какое-нибудь» называется плацебо, то есть пустышка, обман, подкрашенная водичка или порошок соды. При этом достаточно сказать, что он, крестьянин, непременно выздоровеет — и он в большинстве случаев выздоравливал. Разумеется, те, которым подобное лечение не удалось, не могли признаться в собственной «неполноценности» и придумывали тому феномену разнообразные объяснения. Но у некоторых помещиков или у их жён это получалось. И занимались они этим с удовольствием. Получалось это и у Сони. Крестьяне из Ясной Поляны, да и из более дальних мест предпочитали не ходить в город к врачам, а предпочитали обращаться к «своей».

— Уж лучше вы нас, — говорили они, обращаясь к Софье Андреевне, зная, что *помогает*. То есть — вы не поверите! — выражаясь современным языком, Соня, Софочка, Софья Андреевна — была биоэнергетиком, биотерапевтом, астротерапевтом, биоэнергосуггестологом, или попросту — народным целителем!!!

Глава двадцатая НЕИЗВЕСТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТОЛСТОГО

Все бытующие мнения о Софье Андреевне можно свести, в сущности, к трём основным.

1. Софья Андреевна — ангел-хранитель Льва Николаевича, что следует из того, что она была верная жена

(в чужой постели её никогда не заставляли), близкая мужу душа (Лев Николаевич ей объяснялся в любви: не мог же он — он! — ошибаться в её необыкновенности; что же касается его высказываний о том, что Софочка — нравственный урод, так это не более чем слова, сказанные в запальчивости), добродетельная мать (у неё не умерло до совершеннолетия восемь человек детей, а всего было шестнадцать беременностей), идеальная хранительница очага (если бы не она, Лев Николаевич раздал бы всё голодающим, и сыновьям было бы невозможно подбирать лошадей в масть: что же касается того, что её накопительские усилия оказались напрасными — всё равно семья была ограблена большевиками, — так это историческая случайность, и детям, которым пришлось в результате революции самим зарабатывать, от неследования принципам отца (неприученности к труду) пришлось сложнее — *случайно*). К этому растиражированному мнению — «верная жена, близкая мужу душа, добродетельная мать и хранительница очага» — довлеют преимущественно женщины, свободно чувствующие себя в иерархиях, и плохо ухоженные женатые мужчины, — словом, большинство населения.

2. Софья Андреевна — исчадь ада, и правильно к концу жизни сказал про неё Лев Николаевич, что её, мягко выражаясь, *проделки* вовсе не следствие болезни, а проявление нравственной нечистоты. Этого мнения придерживаются лишь немногие, знавшие семейство Толстых. Среди них Гольденвейзер (его воспоминания, в отличие от воспоминаний тех, у кого Софья Андреевна предстаёт как образец нравственной женщины, не переиздавались с 1923 года), Феокритова (её воспоминания о том, что она видела, живя в доме Льва Николаевича, до сих пор не выпускают из стен архивов), Чертков (а его книги о Толстом вы разве можете где-нибудь купить?) и вообще все толстовцы.

3. Софья Андреевна не была ангелом (а кто из живущих ангел?), но она была выдающейся женщиной по

сравнению с окружающими (переписывала работы мужа, писала сама (пусть и против мужа), была художницей — разве не сам Лев Николаевич насчитал у неё 19 талантов?), а если в чём и отставала от мужа, так это *естественно* — ведь муж у неё был *гением*, разве за таким женщине угнаться? Это мнение высказывают люди начитанные, которые даже на вопрос, идёт дождь или нет, постараются ответить уклончиво. А уж если речь зайдёт о вопросах нравственных, то готовы на время рассуждений подушку... В сущности, по особенностям своего мышления они ближе или даже совпадают с первой группой.

Защитники Софьи Андреевны свидетельство Гольденвейзера устраняют «легко»: дескать, у него взгляд предвзятый, односторонний и вообще не согласующийся с мнениями детей Льва Николаевича, его внуков да и самой жены. И вообще всё это — *мнения*... Мнение вообще есть нечто эфемерное... *Хорошая* была Софья Андреевна, а вот Лев Николаевич на словах проповедовал одно, а договориться с женой не мог. Сам такую её воспитал, нехор-р-роший человек. Подумаешь, невидаль: какашками она восторгалась, а не идеями мужа! Сколько женщин так живут!

Грустно огорчать корпус толстоведов, но не сообщить, что мы обнаружили и цифровые свидетельства нравственной нечистоты Софочки, мы не можем. Из них следует не только то, что Софья Андреевна — дрянь, но и то, что на Льва Николаевича на удивление упорно многие клеветают. Мы постараемся этим клеветам положить конец!

Дети выдают секреты своих родителей. Нет, не словесно, а образом своей жизни. Рассматривая особенности их судеб, можно выявить подсознательные или даже скрываемые вождения родителей. Чаще матерей, ведь именно они, как известно, оказывают на ребёнка влияние большее, чем отец. На практике отец

лишь даёт фамилию, определяет словарный запас своих детей и то ремесло, с которого они начинают зарабатывать на жизнь. Да, ещё, разумеется, генетические особенности: внешность, рост, тип телосложения.

Если детей в семье много, то это удача для исследователя: ведь среди них есть особенные, заведомо отличающиеся от остальных — любимый ребёнок, нелюбимый ребёнок, забытый ребёнок, а также старший и младший.

У Софьи Андреевны было шестнадцать беременностей, родилось тринадцать детей, четверо умерли во младенчестве, один (последний) в семилетнем возрасте, а восьмерым удалось пережить своё совершеннолетие. Вот они:

Сергей Львович (1863—1947), умер в возрасте 84 лет.

Татьяна Львовна (1864—1950), умерла в возрасте 86 лет.

Илья Львович (1866—1933), умер в возрасте 67 лет.

Лев Львович (1869—1945), умер в возрасте 76 лет.

Марья Львовна (1871—1906), умерла в возрасте 35 лет.

Яетя(1872), не прожил и 1 года.

Николенька (1874—1875), жил несколько месяцев.

Варенька, родилась и умерла 13(1) ноября 1875 года.

Андрей Львович (1877—1916), умер в возрасте 38 лет.

Михаил Львович (1879—1944), умер в возрасте 65 лет.

Алёша (1881—1885), прожил 4 года.

Александра Львовна (1884—1979), умерла в возрасте 95 лет.

Ваничка (1888—1895), не дожил до 7 лет.

По продолжительности жизни из девятерых детей выделяются трое: Александра — 95 лет, Марья — 35 лет и Андрей — 38 лет. Чем же они отличаются от остальных детей и друг от друга?

Оказывается, что Александра — *единственный ребёнок, которого грудью Софья Андреевна не кормила!*

Марья — была *самым нелюбимым* ребёнком Софьи Андреевны!

Андрей — был *самым любимым* ребёнком Софьи Андреевны!

Вот это результат! Оказывается, что для того, чтобы ребёнку быть здоровым, ему необходимо только одно — быть от своей «любящей, добродетельной матери» подальше!

Оказывается, что для того, чтобы ребёнку умереть быстро, необходимо, чтобы мать ему уделяла большее, чем другим детям, внимание! При этом неважно: «боготворит» ли она его, как Андрея, или по всякому поводу шпыняет, как Машу Но, в сущности, ничего удивительного в этом нет: не важно, какая на лице некрофила сетка морщин — «любви» или «ненависти», излучаемое им некрополе всё равно остаётся орудием умерщвления.

Менее других внимания, как мы уже говорили, достаётся от матери старшему ребёнку — для неё более привлекателен младенец, но отнюдь не потому, что не-крофилка заботится о *его* нуждах, а потому, что он более беспомощен и ей сопротивляться не может. Напротив, для отца старший ребёнок наиболее привлекателен, потому что мужчина-мыслитель прежде всего ищет *собеседника*, личность, независимо мыслящую. Сколько же жил старший ребёнок Льва Николаевича и Софьи Андреевны — Сергей?

Он жил 84 года, то есть *дольше* всех остальных пяти своих *братьев*! И это несмотря на то, что жизнь его сложилась тяжелее прочих его братьев: в результате катастрофы ему ампутировали ногу, и он единственный из сыновей остался в коммунистической России.

Таким образом, мы, рассмотрев судьбу уже четвёртого ребёнка, вновь приходим к выводу, что чем меньше ребёнок в младенчестве общался с Софьей Андреевной, тем дольше он жил. Сергею особенно повез-

ло: во-первых, он родился у юной ещё Софьи Андреевны, которая как некрофил ещё только матерела; во-вторых, уже на следующий год родилась сестра Таня, которая и приняла на себя «любовь» матери.

Пренебрежённые Софьей Андреевной дети отличались от остальных ещё и характером: в 1910 году, когда отец ночью бежал из дома, только Сергей и Александра нашли в себе мужество осудить мать за её над отцом издевательства. Сергей Львович тогда сказал Софье Андреевне: «Если ты считаешь себя больной, то тебе надо лечиться, если же ты считаешь себя здоровой, то тебе надо опомниться и иначе себя вести. Если ты будешь продолжать так же мучить отца, то мы соберём семейный совет, вызовем врачей, устраним тебя от ведения дел по изданию и от хозяйства и заставим разъехаться с отцом». Софья Андреевна, разумеется, «успокоилась». Но не изменилась.

Остальные дети более открыто приняли сторону матери и поносили отца вслух. Особенно усердствовал маменькин сынок Андрей Львович. Мы не верим в *случайные* совпадения, но когда мать умирала^ 1919 году, рядом оказались вовсе не «любящие» мамочку детки — их не было, разумеется, по очень «уважительным» причинам, — рядом, помогая матери, оказались всё те же Сергей и Александра.

Был ещё один особенный ребёнок, Ваничка, который был вынужден умереть в шесть лет. Чем он отличался от остальных детей? *Он был самым любимым ребёнком Льва Николаевича.* Несложно догадаться, что если Софья Андреевна во всём мужу перечила, то её «сладкие» по отношению к младшенькому Ваничке чувства могли оказаться разве только более некрофи-личными. И ребёнок умер, не дожив до семи лет.

Лев Николаевич даже Сергея считал обладателем кастрированного, как у матери, ума. И только в Ваничке Лев Николаевич сразу угадал носителя такого же, как у него самого, мышления — и, к сожалению, этого

от жены не скрыл. Действительно, Ванюшка был удивительным ребёнком — он *видел* жизнь и имел мужество её оценивать. Необычайность его интеллекта замечали все. Разве мог ребёнок с ненавистным матери неавторитарным мышлением рядом с ней выжить?

Впрочем, можно не обращаться к анализу *чувств* отца (и, как следствие, у матери противоположных), а обратиться с сухим цифрам. Почти все дети Льва Николаевича были *младшими* не более двух лет (до рождения следующего ребёнка), Ванюшка же был *младшеньким* (наибольшее со стороны матери внимание) более всех других — *шесть лет*. Софья Айдреевна, разумеется, горько над его гробиком плакала. Очень убедительно убивалась. А какие трогательные слова по поводу смерти «любимого Ванюшки» записала она в книге о себе! Противно цитировать. Тем более что эти её слова часто приводят почитающие Софью Андреевну как верную жену и любящую мать.

Следующим особенным (в смысле внимания матери) ребёнком, который был дольше других младшеньким (пять лет), была Маша, та самая Маша, которая умерла раньше других — в 35. Как не хочется умирать в 35 лет! (Ненависть Софьи Андреевны к Маше объясняют послеродовым воспалением роженицы. Обязаны ли мы верить в подобное объяснение?)

Нужны ли ещё какие цифры? Мудрые и даже просто умные всё поняли ещё на полпути, а глупцам (в том смысле, в каком это слово употребляется Соломоном) всё без пользы.

Впрочем, можно было бы порассуждать и о на первый взгляд странной последовательности смертей маленьких детей — Пети, Николенки и Вареньки. Почему-то маленькие дети у Софочки взялись умирать подряд именно после рождения нелюбимой Маши (Марии Львовны). Но именно здесь всё отчётливо закономерно: Софья Андреевна их вынашивала, одержимая ненавистью к своей дочери. Не каждый ребёнок способен

перенести столь сильное некрополе. Вот они быстро и умерли. После трёх смертей подряд родился Андрей, который потому, видимо, и стал любимым, что всей своей садомазохистской жизнью показал, что вынашивали его в некрополе более сильным, чем Софье Андреевне было обычно присуще. Он его принял, не воспротивился и стал воплощением скрываемых женщиной, истово верующей в государственную религию, пороков: крал, играл в карты, убивал, изменял, не пропускал православных «богослужений», узнавал, что из-за него кончали жизнь самоубийством, и т. д. и т. п.

Итак, у «идеальной матери, верной жены и честной женщины» (загляните в толстенную Книгу отзывов выставки «150 лет со дня рождения Софьи Андреевны Толстой» — и вы эти слова найдёте на каждой странице!), как в то, сами не зная почему, начинали верить не только дети и внуки, но и большинство оказывавшихся в доме Толстых знакомых, дети умирали тем быстрее, чем больше она уделяла им своей «любви», выживали же ею заброшенные — они же выросли наиболее нравственно здоровыми.

Итак, первыми умерли как ненавистные Ваничка и Маша, так и любимец Софьи Андреевны и блудливых женщин Андрей. (Умерших младенцев, как не успевших проявить свой характер, мы из рассуждения исключаем.)

В толстоведении повсеместно считается, что дети Толстого свои дурные черты, например, страсть к картам, унаследовали от отца: ведь не Софья же Андреевна в них играла, а Лев Николаевич (в молодости)! В карты, вообще говоря, играют по-разному Одни из корысти — и всегда выигрывают, *это не сложно*. Другим нравится *сам процесс* — его маятниковая периодичность: то при выигрыше достигается положение «императора», когда проигравший партнёр корчится от ощущения собственного ничтожества, от бессильной зло-бы, то в противофазе достигается ощущение полного

своего ничтожества — когда осанку «императора» принимает выигравший партнёр. Именно ввиду психологических особенностей этих положений определённому типу людей играть *приятно*. Это канализирование (воплощение) садомазохистских потребностей — унаследованных или приобретённых. Дети Софьи Андреевны выигрывали и тут же проигрывали огромные суммы — и требовали от родителей денег на уплату долгов, что причиняло боль отцу и несло желанные пощёлки от милой мамочки. Ярче всего эта страсть проявилась в характере маменькиного сынка Андрея, того самого, к которому Льву Николаевичу в доступе полностью было отказано. И наоборот: Сергею, единственному воспитаннику отца, *карты были скучны*. Таким образом, наличие страсти к картам, как и прочих садомазохистских воспалений у молодого Льва Николаевича и преданных Софье Андреевне детей, говорит лишь о том, что Софья Андреевна была тождественна по основным чертам характера матери Льва Николаевича. Что и привело к некоторой общности занятий детей этого сорта дам: Льва Николаевича, его братьев и его сыновей. Лев Николаевич жил в доме, полученном по наследству от предков и его хозяйственными трудами и литературными заработками благоустроенном, но в нём не находилось уголка, в котором он мог бы почувствовать себя хозяином и в который бы не врывается со злобными истериками «верная жена». В этом доме жило много народу: супруга, её дети и внуки, но не было ни одного человека (после смерти Ванички), который мог бы Льва Николаевича понять. Лев Николаевич мучился от одиночества, страдал очень...

Это наказание, но за какое такое страшное преступление?

Преступление же состояло в том, что Лев Николаевич не только *позволил себе страстно влюбиться*, не только позволил невесте и её родне увлечь себя в брак

с женщиной, в которую вообще влюбляются, но и родил от неё детей. Неужели он не знал, что его дети будут не *его*? Сомнительно, чтобы он не знал этого *вообще*, ведь ещё в самые первые годы своего брака он, работая над «Войной и миром», Пьера в браке с Элен оставил бездетным, а её и вовсе вскоре умертвил. Так что, хотя бы в *изменённом состоянии*, Лев Николаевич *знал и понимал*. И потому в том и заключается самое страшное преступление Льва Толстого, что для сожительства, содержания и рождения детей он выбрал себе женщину вовсе не генитального типа (иначе все дети его были бы как Ванюшка, лучше даже, и не умерли), а анально-на-копительского. Да и не любовь это была вовсе, а приступ некрофилии.

Лев Николаевич в «Крейцеровой сонате» глумился над музыкантом, главная характерологическая черта которого была — *развитый зад*, да и в понятийной речи гениальный писатель наверняка осуждал гомо-* сексуалистов за противоестественность взаимоотношений, но разве сам он поступал лучше? От гомиков хотя бы не рождаются ни дети, от «любви» к которым убивают себя окружающие, ни от этих детей внуки, носители авторитарного мышления и продолжатели дела отцов. А от Толстого рождались, и потому тот подвид некрофилического секса, который он выбрал, — страстная любовь — сто крат хуже гомосексуализма.

— И что теперь? — может не согласиться кто-то из читающих. — Как же вступать в брак? С кем в постель ложиться? Ведь кругом одни некрофилки, пусть, в лучшем случае, и жухлые. Оставшиеся 0,38 %? Полноте, таких столь мало, что человечество вымрет!

Когда Лев Николаевич мучительно искал причину случившегося с ним семейного несчастья, одним из тупиковых решений был призыв к всеобщему девству, невступлению в брак. Многочисленные оппоненты Льва Николаевича над ним потешались и для словес-

ного выражения своей с Львом Николаевичем противоположности ничего более умного не смогли придумать, как возразить, что в таком случае люди вымрут. Неужели, дескать, ему не жаль человечества?

На это Лев Николаевич отвечал: «А для чего оно должно жить-то, *такое* человечество?»

Наказание Льва Николаевича заключалось не только в горестном созерцании состояния своих детей и их жалких судеб — браки со шлюхами, успешное чиновничество, военные награды, страсть к картёжному-ству, анальность (кастрированность) умов. Наказание заключалось ещё и в том, что Лев Николаевич поставил себя в затруднительное положение и как проповедник. Трудно обличать государственную церковь, социалистов-революционеров и столь же авторитарный царизм, если не затрагивать основание, их производящее, — размножение от женщин анально-накопительского типа. Ведь это именно их дети формируют сталинщину, гитлерщину и прочие государственные религии. И не случайно, что во всех этих системах есть культ некрофилической матери — какое тысячелетие ни возьми. Свидетели — иконы Астарт, Ашер, Кибел, Артемид, также и современные. Не отличался от культов прошлого, как показала история, и атеистический режим. И возвеличивал он не только трактористок-ударниц и парашютисток с актрисами, но и таких дам, как Софья Андреевна. Это получалось не намеренно, а *естественно*, произвольно. Бесполезно разоблачать государственные авторитарные веры, если не затрагивать основания: срубленные головы дракона вновь отрастут на сохраняющейся шее.

Да, конечно, из художественных произведений Льва Николаевича («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Отец Сергей» и другие) следует, что страстная любовь есть зло. Но в письмах Толстого к своим детям и в публицистических произведениях — словом, на уровне понятийном — отношение уже явно

двойственное, противоречивое, нерешительное. Как и сами его многолетние потуги уйти от жены. Что это как не наказание для человека, который мечтал целостно мыслить?! Ведь именно приближение к целостному мышлению и давало его уму возможность опереться на землю обеими ногами, а что это для биофила, как не удовольствие? Как может мышление быть целостным, если человек бросал курить семь лет, а уходил от жены не одно десятилетие? Разве не он до глубокой старости любил впадать в транс от ритмичной музыки (в последние годы всё-таки освободился и от этого) и называл Софью — *любимой*, Черткова — *лучшим другом*, а брата Сергея — *самым близким человеком!*? Что же он в таком случае огорчился *последствиям* своих преступных предпочтений — дурным судьбам своих детей?

* * *

Мы уже рассказывали о жизни Андрея — кумира матери, которого она *почувствовала* от рождения, назвав в честь своего отца — *модного доктора* (!). Теперь желательно рассмотреть особенности психики самой *нелюбимой* дочки Софьи Андреевны — Маши. Все три дочери Софьи Андреевны — Таня, Маша и Александра — были и остались, прежде всего, маминными дочками, хотя и вели себя неодинаково — в мелочах. Тожественность материнскому мышлению следует отнюдь не из одного только утверждения Льва Николаевича о кастрированности умов *всех* своих детей (кроме Ваночки). Это проявилось также и в том, что *все дочери*, видя неприятие Львом Николаевичем авторитарной государственной религии, тем не менее, пожелали умереть, как и не добившая их мать, по православному обряду. Это вернейший признак — авторитарного, магического мышления. Также характерно и то, что на троих дочерей Софьи Андреевны приходится всего только *одна* внучка!! Разве это не преданность подсознательной ненависти матери к детям? Как бы инверсированно и по-актерски даровито в этом отношении она ни представлялась?!

9 Сефирот

Дочери были похожи — в главном (бездетность, смерть по православному обряду, садомазохистские отношения с мужчинами, ненависть к матери при её жизни и т. д.), но нелюбимая выделялась. Мы не знаем, на какие документы опирался французский подданный, медик Сергей Михайлович Толстой (может быть, это были только семейные предания?), но он поставил Маше диагноз — таша ап§Исапа. Каковы характерные особенности поведения людей с таким диагнозом? Прежде всего, подобный человек делает вовсе не то, что ему-выгодно и даже не то, что он хочет, а то, что от него требуют. Он также принимает облик того человека, во власть которого он отдался.

Это экспериментально доказано ещё в XVIII веке, ещё в те времена, когда гипноз назывался «животным магнетизмом». Подобно тому, как кусок железа при прикосновении к нему постоянного магнита намагничивался и тем уподоблялся индуктору поля, так и человек, отдавшийся во власть гипнотизёра (вольно или полувольно), становился как бы его копией. После знаменитых докладов 1784 года целых двух комиссий, назначенных по приказу Людовика XVI, в которых опыты по магнетизёрству осуждались, центр подобных упражнений переместился в Великобританию (Брейд), и для конспирации «животный магнетизм» стали называть «гипнотизмом» или «гипнозом». Но и в Англии основной феномен гипноза — исчезновение личности гипнотизируемого и появление в нём индивидуальных черт гипнотизёра — естественно, сохранился. Целителями они себя стали называть уже в следующих поколениях — в конце XIX века. В эпоху дохристианскую они называли себя магами.

Механизм возникновения таша ап§Исапа (а в терминах нашей книги просто гипнабельности) прозрачен и формируется в детстве: что бы нелюбимый ребёнок ни сделал — *всё* плохо, за всё следует наказание в виде, как минимум, энергетического удара. В результате затрав-

ленный, запуганный ребёнок полностью отказывается от своей воли и, спасаясь от боли, начинает *угадывать* настрой карающей матери и, как следствие этого настроения, те поступки, которые могут вызвать несколько меньший её гнев. *Слова* матери не имеют значения, потому что такого рода матери всегда врут. Но даже если вдруг они и захотят сказать правду, то ввиду нецелостности мышления, в основании которого стоит нереальная самооценка и разнообразнейшие восторги, всё равно получится враньё. Совершенствование этого свойства угадывать и делает такого ребёнка сверхчувствительным, экстрасенсом (в современной популярной терминологии), а неизбежно сопутствующее отсутствие воли — игрушкой в руках некрофилов. Что отнюдь не делает самого ребёнка подавляющим.

Маша ап§Исапа Маши Толстой проявилась, среди прочего, в том, что пока она была в семье детства, то, спасаясь от ненавистной матери рядом с отцом, она свою «любовь» к матери проявляла в инверсированной форме — делая всё наоборот, чем та от неё требовала. Тем, как ей казалось от рассмотрения *поступков*, которые она совершала, искренне следовала учению своего отца. Люди иного, чем у Льва Николаевича, ума именно такой её и воспринимали, ещё бы: она вела простой суровый образ жизни без роскоши, «работала сельскохозяйственные работы», помогала отцу. Но стоило ей выйти замуж за Н. Л. Оболенского, совершенно противоположного отцу человека, она вытребовала свою долю наследства, от которой ранее во всеуслышанье отказалась, и свой новый дом стала обставлять максимально роскошно. На основании этого поверхностные наблюдатели делают вывод, что образ её мыслей полностью изменился. Но это не так. В обоих случаях она оставалась истинно маменькиной дочкой. Сам Лев Николаевич *никогда Машу своей последовательницей не считал*.

Маша Толстая много и беспрестанно влюблялась. Причём в людей, совершенно ей чуждых (явно не в ана-

9*

логов отца, скорее в аналогов своего младшего брата Андрея, или попросту — в дрянных людей), поэтому Льву Николаевичу, уже более-менее научившемуся разбираться в людях, всё время приходилось отговаривать её от болезненных браков. Про внешность Маши говорили, что она «не очень красива», из чего можно сделать вывод, что она была «красива, но не очень». На самом же деле внешне она относилась к тому типу женщин, про который откровенные люди говорят — «без слёз не взглянешь». Тем не менее, в Машу страстно влюблялись десятки мужчин, причём беспрестанно (даже когда она была якобы «толстовкой»). Из одних только этих многочисленных влюблений можно догадаться, что по направлению ума, сердца и духа она была мамина. (В Машину сестру Таню тоже страстно влюблялось десятки мужчин, а Александра и вовсе во время Первой мировой войны была удостоена звания *полковника* и награждена тремя Георгиевскими крестами за храбрость. Последнее, кстати, и является причиной, из-за которой *сама* она не влюблялась. Подход здесь следующий: известен следующий вид травм военного времени — солдат, оказавшийся в опасной ситуации, хочет позвать на помощь, но не может. Замечено, что после этого он становится гипнабельным: если же трагический эпизод вновь прорабатывается на уровне ассоциативно-образного мышления, гипнабельность пропадает. Александра не была труслива — *потому* страстно и не влюблялась!)

Была ли Маша счастлива? А может ли быть счастливой женщина не просто авторитарная, но способ существования которой — принимать облик того, рядом с кем она оказалась? Мало того, находясь в зависимости от мужа, она не смогла компенсироваться во властолюбии на своих детях: ни одна из её беременностей не привела к рождению ребёнка. Умерла Мария Львовна рано — в 35 лет. Что и говорить, преступен тот отец, который позволяет себе рожать дочерей от женщин, подобных Софье Андреевне.

А ведь как невинно всё начиналось! Всего лишь с восторга перед чистой-чистой невестой Сонечкой! В которую столь многие восторженно влюблялись. А что это за излюбленное в народе чувство — *восторг*?

Скажите, а что могут так любить некрофилы — яркие и жухлые? Восторг — то состояние, в которое некрофилы впадают перед другими некрофилами: актёрами, императорами и прочими танеевами. Это — предсмертное состояние! Естественно, достигается восторг не только с помощью химикатов наркотического действия, как то практикуют малочувствительные говнюки, но и психоэнергетически. Но каковы бы ни были приёмы, желанное для обывателя состояние — предсмертное. А какое другое состояние может быть излюбленным у некрофилов?!!

Индивиды иерархо-магического мышления, которые всеми правдами и неправдами добиваются признания оправданности своего присутствия при агониях как можно большего числа сограждан, — врачи-реаниматоры, священники — для деструктурирования *своей* защитной логической оболочки и, как следствие, увеличения её проницаемости для некрополя, для усиления своего анального удовольствия (кайф, восторг) рядом с агонизирующими, придумали хитрый психологический приём: неизбежное для умирающего состояние восторга они определяют не как естественный этап отмирания организма, а перетолковывают примерно так: восторг — это высшее наслаждающееся состояние, самое Прекрасное из всех возможных, которое появляется в том числе и перед смертью, потому что труп видит *тот* свет, который прекрасен, им и восторгается. А раз так, то восторгайтесь, восторгайтесь, обыватели, и при вашей якобы жизни. Нам ваш восторг в удовольствие. Как при агонии вам подобных.

Послушно восторгался перед Софьей Андреевной и Лев Николаевич. И ладно он был бы *как все*, но ведь это был человек, который хоть лишь и к концу жизни,

но понял, что недостижение женщиной интеллектуального уровня мужа, в частности, Софьей Андреевной — его Льва Николаевича, — вовсе не следствие половых, генетических или социальных причин, а следствие всего лишь нравственного выбора. И чем ближе к концу жизни был Лев Николаевич, тем отчётливей он это начинал понимать — и высказывать. Но явно генитальная мысль эта, как можно судить по публикуемой о семье Толстых литературе, совершенно недоступна тысячам исследователей, развлекающимся или зарабатывающим на творчестве непонятого гения.

Так что, начиналось всё у Льва Николаевича, как и у многих, мило: с восторгов. А закончилось тоже гнусно: судьбами дочерей — такими же, как и у многих.

Но и брачные судьбы сыновей лёгкого чувства не вызывают. К примеру, можно рассказать об Илье Толстом. Его последняя жена Надя была теософкой, корыстной и вульгарной. Наученная каким-то индусом, она своего болеющего мужа заставляла следовать вегетарианской диете (полноценной ли?), из которой были исключены даже яйца, жиры и соль. Она готовила отвратительные настои из экзотических трав и заставляла мужа их пить. Сама же принципиально питалась молоком, апельсинами и не брезговала ни индейкой, ни рыбой. Она всё время пилила своего мужа, рассуждала о возвышенности своей души, а в комнатах было невообразимо грязно. Эта Надя, несмотря на близость смерти мужа, уехала в Нью-Йорк, оставив Илью на руках у Александры Львовны.

Вот как описывает его смерть врач-реаниматор Сергей Михайлович Толстой (опираясь на записи своей тётки Александры Львовны):

«...Предчувствуя его конец, Саша вошла в его комнату, зажгла лампу в изголовье и стала читать молитвы. Он стонал, в груди клокотало. Вдруг он коснулся иссохшей рукой лба, потом его рука опустилась на грудь. Сестра закончила за него знамение креста. Он широко

раскрыл свои большие, глубокие, синие глаза. На лице >его выразилось такое удивление, такой восторг, казалось, он увидел что-то такое, что было недоступно простым людям». (С. М. Толстой. «Дети Толстого».)

Можно сказать несколько слов и о внуках. Скажем, о том же СМ. Толстом, из книги которого мы только что привели выдержку. Во Франции подобно своему прадеду (отцу Софьи Андреевны) он, выучившись, стал модным доктором. Свою бабушку Софью он считал если не ангелом-хранителем своего мужа, то, несомненно, верной женой, заботливой матерью и хранительницей семьи. Общаясь со своими дядями и тётями, он кастрированности ума у них не заметил, напротив, считал их очень талантливыми, необыкновенными. Именно поэтому, как ему казалось, деда Льва Николаевича в его оценках детей и жены называл несправедливым. В качестве доказательства одарённости детей Софьи Андреевны и их независимого мышления С. М. Толстой приводит в пример, разумеется... Андрея! Тем более что Андрей Львович более других детей был ограждён матерью от какого бы то ни было влияния отца.

«Он (Андрей) очень любил мать, которая его обожала и прощала ему всё. Он любил отца, но боялся его: это не мешало ему с самых юных лет отстаивать свои взгляды. Так, в тринадцать лет во время обеда отец ему сказал, что нехорошо пить слишком крепкий кофе. Андрей отвернулся, не говоря ни слова, а философ Н.Н. Страхов, сидевший за столом, заметил, что это для его же блага. "Нельзя же делать всё, что говорит папа", — возразил Андрей». [СМ. Толстой. «Дети Толстого».)
Занятно. Но не скрывающему свою антипатию к деду С. М. Толстому надо всё-таки отдать должное: хотя бы невероятную жестокость Андрея он не отнёс к чертам, унаследованным им ото Льва Николаевича. А мог бы, ведь заботу Льва Николаевича о своих дочерях, для которых он не желал замужества с чуждыми им людьми, СМ. Толстой, намекая на то, что слышал имя

Фрейд, трактует как усилия ревнивца, желающего поиметь своих дочерей самому! Совершенно закономерно, что человек с таким интеллектом не только был модным французским доктором и истовым православным, но и возглавил во Франции «Общество друзей Толстого». Нелишне вспомнить, что кастрированного ума полковник Александра Львовна возглавляла в Америке Толстовский фонд, а в России Софья Андреевна после смерти мужа была признанным экспертом по его философии! Стоит ли удивляться, что толстовцы (способные понимать идеи Толстого) и эти «толстовские» общества, и все российские музеи в честь гениального писателя обходят десятой дорогой!

Итак, Лев Николаевич — преступник. Его обвиняют, что, хотя он в соответствии со своей нравственно-философской системой призывал к любви и непротивлению злу *насилием*, сам, тем не менее, никоим образом навстречу Софье Андреевне не шёл, плохо её воспитывал, давил и её, и своих детей, средства отдавал нуждающимся, словом, именно по его вине супруги не могли договориться. (А потому, дескать, мысли и идеи его — пустое.) Но с копрофилками *договориться* невозможно — это медицинский факт, им можно только приказывать и *внушать*. Лев Николаевич не обладал к тому способностями — слава Богу! — и виноват совершенно в противоположном: что слишком много Софье Андреевне позволял над собой вытворять и от этого, среди прочего, рождались дети. С *такими* судьбами. И с *таким* умом (кастрированным или, что то же самое, — обыденным, авторитарным). Не в его силах было повлиять на своих детей, но в его власти было выбрать для них другую мать, Генитальную, верную, здоровую.

Побег до станции Астапово надо было совершить ещё в августе 1862 года, до венчания. Лев Николаевич этого не сделал, и в этом его величайшее жизненное преступление.

Послесловие издателей

Согласитесь, даже из прочитанного со всей ясностью следует, что Алексей Меняйлов — явление в российской литературе. Хотя только что прочитанный Вами текст относится к его, так скажем, ранним произведениям.

«Явление» — это ещё умеренная оценка.

Не будем останавливаться на достоинствах стиля и особой ответственности автора перед каждым словом, что отмечают профессиональные филологи. Но попробуйте-ка найти какого-нибудь современного автора, который бы так «глубоко копал». Хотя бы приблизительный аналог? То-то. Так что сами ищите вместо «явление» то слово, которое появится в народных некрологах — да отдалится этот момент как можно больше.

Многие из тех, кто соприкасался с текстами Алексея Меняйлова, верно, задавались вопросом: а почему, собственно, о таком авторе нигде в прессе нет ни слова, ни полслова?

Ответ на этот вопрос на поверхности, мы же для углубления чувства негодования расскажем вам историю для непосвящённых скрытую, но каждым легко проверяемую.

После выхода «Утончённых приёмов скрытого управления» мы обратились в одну из самых популярных газет, позиционирующую себя как патриотическая. Говорим: хотим опубликовать в вашей газете скрытую рекламу под видом статьи. Тема — ваша. Счастливые выражение на лицах сотрудников. Нам тут же сообщают, что стоимость полосы у них — три тысячи долларов,

оплата — пропорциональна площади. И опять улыбки и приглашающие движения.

«Договорились», — говорим мы и вынимаем текст о «Записках...». Текст этот напоминает начало «Предисловия», только несравнимо более обтекаемый и нейтральный. Просто есть, дескать, и другой способ мышления, приводящий к достижению поставленной цели.

«Очень хорошо, интересно, такое можно и бесплатно публиковать», — прочтя, улыбается ещё шире начальница отдела.

«Что вы, что вы», — вежливо говорим мы.

А потом она высказывается в том смысле, что на всякий случай надо бы проконсультироваться. Дескать, оставьте текст и перезвоните через неделю.

Через неделю же выясняется, что ничего не нужно ни за деньги, никак.

Проконсультировалась.

И такие «консультанты» во всех изданиях, куда мы обращались.

Почему мы рассказали именно о «патриотической» газете?

Некоторая часть населения у нас ворует — но эмоции разные категории воров вызывают у нас разные. Особенный гнев и неприязнь вызывают ворующие священнослужители. Обычные воры хотя бы ни на что не претендуют; да, дескать, сволочь я, но иначе не могу. А всякие разные «посланцы неба» ещё и требуют поклонения им, ибо они, как посланцы небес, есть воплощения неземной чистоты.

Аналогично и пресса. Демократические и тому подобные издания хотя бы не скрывают, что в наше время без «спонсора» не может выжить ни одно периодическое издание, соответственно, не скрывают и мёртвую привязку своего «акцента» — их кромешное молчание о *теории стаи* закономерно и всплеска эмоций не вызывает. Но так называемые патриотические издания, тоже не способные выжить без «консультанта», это

скрывают и имеют наглость выдавать себя за «посланцев небес»!

Так что о «Записках зятя главраввина» вы можете узнать только через добрых своих знакомых. А о том, кому на самом деле служит газета, которую вы читаете, вы можете выяснить, обратившись в редакцию. Сначала предложите опубликовать информацию о «Записках...» бесплатно. Потом — за деньги. Если вдруг — о, чудо! — они готовы и не боятся, то пусть свяжутся с нами.

Хорошее дело сделаете, полезное.

Теперь второй пакет возможных вопросов.

«Сефирот» — это урезанный в 4,5 раза «Катарсис-1. Подноготная любви». Ясно, что «Подноготная любви» — это качественно иная книга, чем «Сефирот». Совсем иной уровень венчающих идей.

Напрашивается вопрос: а почему, собственно, книга, в течение первого года выдержавшая три издания, вопреки экономическим законам из учебников, переиздаваться вдруг перестала?

Почему с появлением новых книг автора крупные книгораспространительные базы вдруг утратили интерес к творчеству автора «Утончённых приёмов скрытого управления»?

Мы, публикующие «Записки...», —издательство небольшое; как следствие, с ограниченной сбытовой сетью. К тому же и книги у нас почему-то получаются более дорогие, чем у издательств-монстров, обласканных «консультантами».

Но в процессе книгораспространения есть и вторая сторона.

У автора есть заветная коробочка писем от читателей. Во многих из них говорится, что к автору письма экземпляр «Подноготной...» дошёл через многие руки. Рекордное в этом отношении письмо пришло из Астрахани в 2000 году. Сотрудница кафедры психологии Астраханского университета пишет, что она больше двух

лет простояла в библиотеке в очереди, прежде чем получила «Подноготную любви» на десять дней.

Автору, конечно, приятно: ну какая книга в последнее десятилетие может похвастаться такой судьбой?

А у нас, корыстных издателей, чувства иные. Вот если бы все те, кто терпеливо месяцами, а то и годами ждали бесплатной «Подноготной...» пошли бы в магазин и купили себе по собственному экземпляру, то тогда бы и мы со своей ограниченной распространитель-ской сетью могли бы выпускать не только недорогие «Записки...», разлетающиеся так, что любо дорого, но и все тома «Катарсиса». Полные. С совершенно иным уровнем венчающих идей.

Мы не выступаем в роли обвинителей. Мы понимаем, что постоянные читатели Меняйлова и в плане интеллекта выше среднего и в плане благородства тоже выше. Но именно эта категория населения нашей страны в наше время всеми силами подталкивается к вымиранию, а при случае и истребляется. Что под ел а-ешь, в очередь читать толстые книги их вынуждают. Словом, всё как во времена Льва (Лейбы) Троцкого (Лейбы Кровавого), чьи злодеяния нынешние СМИси-тели взваливают на Сталина.

Всё происходящее вокруг закономерно — по *теории стаи*. Ведь в мире идёт борьба вовсе не идей, как то вкушают нам все СМИ, а борьба иерархий из исполнителей, объединённых общим психотипом.

Проще говоря, борются три стаи (друг с другом и с *неугодниками*), и любая из них легко, со скоростью смены овечьей шкуры, переходит от одной лозунговой идеи к другой. А корневая психология остаётся.

Но и обречённость на роль лишь исполнителя в стае — тоже.

Впрочем, это вопросы глобальные. На уровне же индивидуальном важно иное: если не мы, так другие люди время от времени тома «Катарсиса» будут Всё-таки переиздавать. Достойные, не утрачивайте свой

шанс! Потому что распродадут, и опять будет долгий перерыв.
Требуйте их в тех местах, где купили выпуски «Записок...», а то оптовики как огня боятся толстых книг, на которые не было в СМИ рекламы.
И последнее. Почему Меняйлова до сих пор не убили, как неоднократно грозились, или не заморили как-нибудь ещё? Ведь ясно же было после его книги «России: подноготная любви», что бывший зять главравви-на вышел на тропу войны с «дурилкой»?
А он себя обезопасил.
Не дурак-с.
И даже более того.
Дочь выбирает отца, а он был зятем главраввина. Своеобразный знак качества.
И ещё: не удивляйтесь ничему. Наше поколение, похоже, ждёт неожиданная радость.

СЛОВАРЬ

(вполне достойный чтения сам по себе, в особенности для тех, кто обладает интуицией)
АВТОРИТЕТ — подавляющий индивид (непроизвольный гипнотизер), оценки которого, оформленные ли в словах или даже невысказанные, для толпарей убедительны; более того, одна только его близость вызывает у гипнабельных индивидов ощущение ВОСТОРГА. Всякий психоэнергетический авторитет непременно яркий НЕКРОФИЛ, отличающийся от добровольно подчиняющихся ему жухлых некрофилов более преступным прошлым (преимущественно предков, см. СВЕРХВОЖДЬ).

АДЕКВАТНОСТЬ — полное соответствие. Адекватное поведение

— конструктивное поведение, полностью соответствующее всей совокупности сложившихся обстоятельств. Адекватным поведением в опасной для жизни ситуации, в которой единственно верный путь к спасению — бегство, будет бегство, а не, как это часто бывает, состояние оцепенения. Причина неадекватного поведения — или не-крофилические стадные влечения, или невроты.

АКАДЕМИКИ, АКАДЕМИЧЕСКИЙ - эти слова в «КАТАР-СИСе-1» употребляются в хвалебном смысле, а в «КАТАРСИСе-3»

— уже в противоположном, ругательном. Словом, совсем как в древних языках. Хвалебная интонация связана с опытом работы в сфере естественных наук — работники отраслевых НИИ на фоне академических учёных в профессиональном отношении смотрелись просто наглыми дебилами, во всяком случае, в моё время так было в химии. Соответственно, эпитет «академический» — высшая из возможных похвал. Со временем выяснилось, что назначение реальных гуманитарных «наук» то же, что и у карателей — подчинять исполнителей иерархии. В гуманитарных «науках» «расслабились» академики в арабском смысле этого слова («путаник»), подхалимствующие обманщики, отсюда и новая ругательная интонация в «КАТАРСИСе-3».

АУТИЧНОСТЬ (от английского слова *out* — вне) — устойчивое нарушение связи с действительностью. Если нормальному ребёнку вы предложите «поиграть в игру «в какой руке», то предыдущие свои занятия он оставит, и станет играть с вами. Аутичный же по-прежнему останется погружённым в себя. Такие дети часто рождаются у

подавляющих родителей, реагируют только на подавляющих и с воз- • растом сами становятся подавляющими — к примеру, начальниками или обитателями психиатрических лечебниц.

БИОФИЛИЯ — любовь к жизни в высоком смысле этих слов; при внимательном взгляде на людей выясняется, что, вопреки представлениям, навязанным нам **АВТОРИТЕТАМИ** и **АКАДЕМИКАМИ**, умение наслаждаться жизнью в прямом смысле — приобретение лишь малой доли населения, о чём, кстати, говорится и в обоих Заветах Библии. Термин «биофил» введён в «КАТАРСИСе-1», синонимичен введённому в «КАТАРСИСе-2» термину *НЕУГОДНИК*.

БИОФИЛЫ (*био* — жизнь, *филео* — любить) — те, кто любит жизнь во всех неразрушительных её формах. Редкий на нашей планете род людей.

«БОЛОТО». В отличие от односторонних **«ВНЕШНИКОВ»** или **«ВНУТРЕННИКОВ»**, «болото» — индивиды равнопреступные, то есть они исполнители того рода, у которых при замене сверхвождя одного психотипа на сверхвождя другого психотипа внутренний строй психики меняется скачкообразно (и притом произвольно): меняется система ценностей, «знаки могущества», любимые символы и т. п. Словом, «внешник» становится «внутренником». Этот переход происходит, естественно, только внутри массы.

«ВНЕШНИК» — один из психотипов толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи они не способны ни на какие суждения; сверхвождь-«внешник» одержим невротической потребностью убивать и подавлять не только через бессознательное, но и через внешние слои человеческого естества (скажем, посредством пыток, угроз, морения голодом или маршировок на плацу), рядовые же исполнители суть продолжение некрофилической воли вождя, отсюда и часть их бытовых специфически «внешнических» неадекватностей. Выяснить, к какому типу принадлежит индивид — к «внешникам» или к «когорте», часто нет смысла; тогда используется более корневой термин — «внешник».

«ВНУТРЕННИК» — психотип толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи они не существуют; сверхвождь одержим невротической жадностью, рядовые же исполнители субстаи суть продолжение его некрофилической воли, отсюда и их специфически-«внутреннические» неадекватности, будь то бытовые, религиозные или иные. Иногда нет смысла выяснять, кем является индивид — «внутренником» или «иудо-внутренником»; тогда используется термин «внутренник».

ВОСТОРГ (ВОСХИЩЕНИЕ) — предсмертное состояние. Наблюдается не только при интоксикациях разного рода (наркомания, токсикомания, яды и т. п.) и на смертном одре, но и в присутствии любого яркого некрофила (актёров, политиков, жуликов, военачальников, императоров, жрецов и т. д.). По одному тому, что состояние восторга есть основное эмоциональное состояние, к которому на практике стремится обыватель, мы уже можем считать существующие земные культуры некрофилогенными.

ГЕНИТАЛЬНЫЙ ТИП ХАРАКТЕРА - по Фрейду, наивысший из возможных типов характера. Достигается он, по мнению Фрейда, лишь немногими, да и то после завершения психоанализа. Это весомое ограничение — ведь психоанализ своей души не удалось завершить никому. В нашем понимании, генитальный тип характера не определяется состоянием гениталий и даже их наличием — пророк Даниил был евнухом, но деструктивным (анальным) не был. Характерная черта истинно генитального характера — приближение к *половинке* (по двум маршрутам: во-первых, в смысле личного превращения в *половинку*, и, во-вторых, разыскание единственного на планете биоэнергоритмического своего дополнения).

ГОСУДАРСТВЕННИКИ. Императоры (правители) с давних времён подметили, что управлять толпой проще, если она является носителем одной, общей для всех идеологии. Желание императоров, даже не высказанное, подхватывается людьми, мнящими себя независимо мыслящими — энтузиастами. В любом народе э*ги энтузиасты объединяются в иерархии, и среди прочего утверждают, что именно их нации Бог открыл истину особенно глубоко: Они начинают травить инакомыслящих во имя блага нации. К примеру, Христос был распят во имя благоденствия, в понимании первосвященников, народа. Гонители пустить слезу по поводу того, что их «антихристы» гонят — дескать, на них, *на целый народ*, десятки миллионов индивидов, воздвигают ужасающие гонения и плетут немыслимые заговоры *два десятка* так называемых отщепенцев.

ДЕМОКРАТИЯ. Толпары не сомневаются, что это способ сосуществования, при которых поступки есть продолжение принятых коллективно логических решений. На самом же деле демократия — это эффективный образный способ пропаганды оболванивающей веры в СУВЕРЕНИТИЗМ. Демократия всегда *охлократия* (см. «КА-ТАРСИС-2», *охлос*— толпа), всегда психоэнергетически управляемая иерархия из толпарей. Демократия — высшая (законченная) форма стадности. Тирания «внешников» духовно более гуманна, поскольку на внутренние слои человеческого естества не претендует. Троцкий любил, чтобы ему поклонялись непосредственно, вне зави-

симости от занимаемой им должности — квинтэссенция демократии. Иуда, видимо, тоже был законченным демократом.

ДЕСТРУКТИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ - отключение рациональных функций сознания, утрата объектом способности *критически* оценивать происходящее, вследствие чего объект становится более гипнабельным (подверженным внушениям). Способы деструктурирования многообразны, и ими владеют вожаки всяческих иерархий: «религиозных», преступных, военных и т. п. К этим методам относятся: собиранье в толпу (скажем, под видом хорового пения), различного рода ритмические движения (маятник, кадило, поклоны, однообразная жестикация, «эротические» движения), употребление в закрытых помещениях курений, многочасовые монотонные проповеди и т. п.

ЗЕРКАЛО (ЧЕЛОВЕК-ЗЕРКАЛО). Людям свойственно угадывать свои пороки в других. Есть профессионалы, выучившиеся угадывать (на психоэнергетическом уровне) истинные пороки людей, но и они, профессионалы, ошибаются, вглядываясь в человека со сниженным психоэнергетическим подавлением: всматриваясь в него, они как в зеркале видят себя.

Интересный для изучения тип людей.

ЖУХЛЫЙ, ЖУХЛЫЙ НЕКРОФИЛ - термин обозначает большинство населения, — они мечтают быть выше других, но их опережают те, кто в отвержении благочестия в высоком смысле этого слова выработали в себе подавляющие способности, сильное некрополе.

ИЕРАРХИЯ (гр. *ἱεραγία* < *ἱερός* священный + *αἰσθε* власть) — 1) расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему; 2) расположение служебных званий, чинов в порядке их подчинения (иерархическая лестница). Если же высказаться проще, то иерархия — это способ существования некрофилов по принципу: «ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак». Подсознательное одобрение таких взаимоотношений приводит к углублению, усилению уже существующего стремления к смерти, а в сексе — к садомазохизму, бесполом, в сущности, взаимоотношениям. *

ИЗМЕНЁННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ - состояние ума, отличное от обыденного. Состояния эти могут быть различными. Гипнотическое (в просторечии — *транс*) весьма близко к обыденному. Творческое — редкость, но позволяет познавать действительность.

ИНВЕРСИИ ПРИНЦИП — принцип, согласно которому фиксация на определённой проблеме у *однотипных* людей приводит к

диаметрально противоположным манерам поведения. Скажем, девушка, подруга которой намного опередила её с браком, может повсюду, не скрывая, говорить, что страстно хочет замуж, жаль только, никто не берёт, или *напротив*, томно будет говорить, что замуж не хо-о-очет, да и вообще, мужчины все проти-и-ивные. Некрофил-ка может превратить свою квартиру в помойку или, напротив, оберегая «стерильную» чистоту помещений, отравит существование мужу. Человек, который допустил травмы половой сферы, будет страдать импотенцией или гиперсексуальностью негенитального типа. Не стоит удивляться и тому, что популярный актёр «вдруг» займётся «духовной» практикой, требующей ухода от людей, чем в очередной раз лотрясёт своих поклонников.

ИНДИВИД - не ЛИЧНОСТЬ (см.).

ИНДУЦИРОВАННЫЙ БРЕД (от лат. *тёисЦо* — возбуждение, наведение). Если в семье у матери развивается бесосновательный бред, что у неё, скажем, сифилис, то весьма вероятно, что вскоре такой же бред появится и у дочери.

ИСПОЛНИТЕЛЬ (синонимы: НЕКРОФИЛ, ТОРЧОК, ИНДИВИД, ТОЛПАРЬ, садомазохист, элемент иерархии) — любой харизматический начальник всегда торчок: чтобы подчинять, надо самому раствориться в подчинении.

ИСТЕРИКА. По традиции, уходящей во времена античности, считается, что это — «бешенство матки». Однако истерики бывают и у мужчин, и тоже анально-накопительского типа. Поэтому, по нашему мнению, если бешенство связывать с каким-либо органом, то это — «бешенство ануса». «ИУДО-ВНУТРЕННИК» — воспроизводящийся от поколения к поколению психотип толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи «иудо-внутренники» не существуют. Вождь одержим невротической потребностью воспроизводить своего прапредка-«внутренни-ка», модифицировавшегося при соучастии в Казни Бога. В организацию, возглавляемую вождём-«иудо-внутренником», кроме жухлых «иудо-внутренников» относительно бесконфликтно могут входить и «внутренники» с «когортой». Картина вкусов этой психотипически разнородной иерархии получается более пёстрой, чем в случае «внут-реннической» или «внешнической» субстай.

«КОГОРТА» — воспроизводящийся в поколениях психотип толпаря, вне стаи они не существуют; вождь этого типа одержим невротической потребностью воспроизводить своего наиболее некрофиличного

прапредка, «род» которого тянется от соучаствовавшего в Казни «вне-шника». При наличии сверхвождя-«иудо-внугренника» «когорта» в конечном счёте служит ему (против *неугодников*), несмотря на демарши независимости (эта амбивалентность — составная часть невроза).

КОД — приказ, часто словесный, внедрённый жертве на уровень подсознания, никоим образом жертвой непосредственно не осмысливаемый и на который чисто рациональным мышлением жертва воздействовать не может (функции разных полушарий мозга). Люди, причём все без исключения, являются носителями большего или меньшего числа кодов. У человека, свыше не рождённого, коды — единственное содержание сознания. Людей кодируют в бессознательном состоянии (отключена критическая функция интеллекта) — в беспамятстве, под наркозом, увлечённых *захватывающим* телевизионным сюжетом, при сдавливании в чреве матери. Если, предположим, во время беременности папа ударил маму сапогом в живот (случай, описанный в книге американца Хаббарда, — как он утверждает, нередкий), или она просто переела и при этом сказала: «Ой, я не могу в это поверить!» — то ребёнок, повзрослев, всегда будет сомневаться и притом во всём: в возможности жизни на Марсе, в существовании положительного знания, обоснованности цены купленной вещи, в том, что произойдёт с ним завтра. Коды вычищаются методом психокатарсиса.

КОПРОФИЛИЯ — любовь к испражнениям. Копрофилки весьма ценят минет и тому подобное.

ЛАТЕНЦИЯ, ЛАТЕНТНЫЙ ПЕРИОД - период, в который полученный невроз себя не проявляет. Он может простирается на десятилетия до события, которое его «разбудит», рестимулирует некогда (и теперь) болезненную ситуацию, и человек «проваливается» в ситуацию далёкого прошлого и начинает себя вести неадекватно, невротически.

ЛИЧНОСТЬ — человек, который встал на путь освобождения от манипулирования им некрофилами.

ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ — определение дать затрудняемся. Нечто, что отсутствует почти всегда у женщин, в особенности во время истерик. Часто отсутствует и у мужчин. Скорее всего, это та область сознания, которая оперирует не образами, а понятиями (словами, терминами).

ЛОГОС. Сколь бы человек ни был логичен, но если в рассуждениях он опирается на ложный изначальный постулат, а тем более на целую из них систему, то, запутавшись в неверных выводах, он,

дезориентированный, будет психоэнергетически послушным инструментом того или иного субвождя, а тем более сверхвождя. Нынешнее жалкое положение жителей нашей планеты как в браке, так и в бесталанной трудовой деятельности — прямое следствие веры в суверенитизм, стержень которого — сокрытие законов родовой (генетической) памяти. В этом томе частная основополагающая мысль обозначается словом «логос» (со строчной буквы), а полнота логосов — Логосом. Только принятие Логоса и притом в сердце может освободить человека.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ — принуждение окружающих к поступкам или эмоциям, выгодным для принуждающего. Манипулирование может осуществляться разнообразно: путём создания «имиджа», на основании которого неопытный человек принуждён сделать выгодный для манипулирующего вывод (переодевание), путём словесной игры (враньё), и наиболее эффективно — энергетическим воздействием некрополя.

МЕТАНАЦИЯ — народ (нация, этнос), внутри которого собираются *неугодники* из разных народов. *Неугодники* ассимилируют, но только в языковом, бытовом и отчасти культурном отношении — не сливаясь в духовно-психологическом отношении. Иными словами, метанация состоит как бы из двух народов, *взаимовлияющих друг на друга*. Метанацией были евреи в эпоху от Авраама до Христа; сейчас из самых заметных — русские и сербы (теме духовно-психологического расслоения народов посвящен «КАТАРСИС-2»).

Своеобразный трагизм метанации в том, что матричным этносом управляют функционеры иерархий, планетарные центры которых территориально с метанацией никогда не совпадают, отсюда и её бедствия. Два примера XX века. При сверхвожде-«внешнике» Сталин порой был марионеткой Гитлера, отсюда и страшный разгром лета 1941-го. А при мировом сверхвожде-«иудо-внутреннике» разграбление России и геноцид русских в посткоммунистический период был при правителях-«иудо-внутренниках» закономерен.

НАРЦИССИЗМ — самолюбование, черта непременно присущая некрофилам любой степени яркости или жухлости. Скрывать эту черту характера в некрофилогенной культуре считается хорошим тоном. Термин произошёл от имени Нарцисс. Юношу с таким именем прокляла богиня любви Венера за его равнодушие к влюбившейся в него нимфе. Проклятие включало предсказание того, что Нарцисс сам познает, что есть неразделённая любовь. И действительно, Нарцисс, наклонившись над зеркальной поверхностью воды, увидел своё отражение, в него влюбился и от безответной любви исчах. На месте его смерти у берега ручья вырос цветок — нарцисс. Нарцисс был отнюдь не глуп — он прекрасно понимал, что влюбился в *своё* изображение.

НЕВРОЗ — повреждение человеческого естества, первоначально на психическом уровне.

Невротические состояния свойственны всем без исключения людям и проявляются в обессиливании и неадекватности поведения. Неврозы бывают: ситуации, характера, народа и человеческой расы как целого. Кодирование матерью приводит к неврозу характера, а кодирование случайным индивидом — к неврозу ситуации. Освобождение от неврозов в общем случае — в молитве, в некоторых лёгких случаях — с помощью лечебного психокатарсиса.

НЕКРОЗ — отмирание.

НЕКРОПОЛЕ — энергетическое поле, несущее смерть. Победа сатаны в этом мире проявляется ещё и в том, что ему через все возможные каналы «культуры» удалось внушить, что некрополе есть высшее проявление жизненной силы. Термины тоже придумывают привлекательные: скажем, холуйство с использованием гениталий называют страстной любовью. Практически всегда некрополе выдаётся за *биополе*, на том двусмысленном основании, что носителем его являются «живые» люди. Некрополе — это то поле, поддавшись которому, человек становится объектом *манипуляций*.

НЕКРОФИЛ — человек, излучающий некрополе. Некрофиличность человека можно идентифицировать, рассматривая любую сферу его существования. Стаден и этого, как правило, не замечает. Верует в СУВЕРЕНИТИЗМ. Противоположность некрофилов — *биофилы*.

НЕКРОФИЛИЯ — любовь к смерти. Свойственна подавляющему большинству населения. Бывает явная, бывает скрытая. Наиболее распространены две формы: буквальное желание умереть и ужас пред моментом смерти, который суть момент предстания перед ненавистной Истиной.

НЕУГОДНИК— человек, которому чужды стайи всех типов. Он, будучи личностью, обладает положительной динамикой развития критического мышления, и он, так или иначе, ищет свой *талант*. На втором системном языке мозга «*неудодник*» означает «критик, обладатель критического мышления» (Н. Н. Вашкевич).

ПАРТНЁРЫ (в сексе, супружестве) — некрофилическая профанация изначального (от сотворения первых людей) феномена *половинок*. Видимость взаимодополняемости и сочетаемости достигается

путём подавления воли менее некрофилического партнёра — он становится всего лишь *дубликатом* «наездника». Расплата за профанацию — хотя бы уже в ограниченности восприятия мира партнёрами: постижение мира идёт не двумя сознаниями, а, по сути; только одним — только женским или только мужским. Партнёрство — потуги изготовления «половинки» своими силами. *Половинки* же появляются *только* по сотворению — силой Божьей. И непременно *НЕУГОДНИКИ*, обладающие *талантом* (см. «Катарсис-3»)

*ПОЛОВИНКА. Тема *половинки* обширна и требует, несмотря на естественность, значительного умственного напряжения. Некрофи-логенная культура подмяла под себя все и вся знания о подобной для биофилов возможности — потому и усилия. *Половинки* не просто союз двух разнополюх биофилов, но единственно возможное биоритмическое взаимодополнение, кстати, с точки зрения теории вероятности совершенно невозможное: и двадцатикратного увеличения численности нашей планеты недостаточно, чтобы *половинка* родилась случайно. Тема рассмотрена в «КАТАРСИСе-1» на конкретном примере, что, видимо, может облегчить решение этой проблемы ищущему Истину *НЕУГОДНИКУ*.

ПРИЗНАННЫЕ — яркие некрофилы, авторитеты, индукторы некрополя.

ПСИХОКАТАРСИС (*психо*— душа, *катарсис*— очищение). По-пытке разобраться, что это такое, и посвящен весь «Катарсис-1». Вполне возможно, что и само это слово уже имеет хождение в каких-то системах психотерапии.

ПСИХОМИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ТРАВМА. Травма физического тела лишает человека здоровья, сил, возможностей. Аналогично и травма психомировоззренческая. Всякое заблуждение не нейтрально — оно обессиливает, причём методами психокатарсиса можно оценить, в какой степени (или в процентах). Заблуждение — это несчастье, именно поэтому оно — травма.

ПСИХОГЕННЫЕ СОМАТИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ (греч. бепоз — род, происхождение). В прежние времена болезни, рассматриваемые как болезни исключительно тела, как впоследствии выяснилось, часто коренятся в травмах души.

ПСИХОЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТРАВМА - устойчивое искажение энергетического поля человека. Такие травмы не только приводят к обессиливанию и болезням, но и к неадекватности поступков. Методами психокатарсиса могут быть вылечены быстро и эффективно.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (лат. гаНопаНз — разумный) — в психологии логическое оправдание и обоснование правильности неадекватного поведения. Скажем, если на сцене человеку, не имеющему ни малейшего отношения к технике, в состоянии гипноза внушить, что у него украли чертежи с ценнейшим изобретением, а затем его из состояния гипноза вывести, то человек впоследствии «вспоминает», *что* это были за чертежи, *сколько* было листов и *какого* формата. Он даже «вспоминает», при *каких* обстоятельствах эти чертежи у него похитили и тем объясняет обоснованность своего враждебного отношения к «похитителю». Люди в жизни сплошь и рядом «вспоминают». После падения советской власти комсомольцы хором «вспомнили», что они всегда уважительно относились к «идею Бога».

РЕСТИМУЛЯЦИЯ — возврат в болезненную ситуацию, некогда способствовавшую искажению энергетического поля человека. Поводом к возврату может послужить любой, на первый взгляд даже нейтральный предмет, скажем, особой формы стул, потому только, что подобный стул был в поле зрения в момент получения психоэнергетической травмы. Рестимуляторами могут быть запахи (скажем, ладана), звуки, и даже температура в комнате.

СВЕРХВОЖДЬ — вождь той из ряда равноомерзительных стай, которая временно подчинила все прочие на большей части планеты. Сверхвождями были Александр Македонский, Гитлер и, видимо, в рамках Европы, Троцкий. Сверхвождь — источник вождистской энергии — в преступном опыте, во-первых, прижизненном, во-вторых, суммарном предков, причём последний более значим. Молодой Гитлер участвовал в магических обрядах, убийствах и прочих мерзостях, но выше уровня ефрейтора подняться не мог. И только инициация в Хофсбургском музее посредством «копья могущества» «включила» в нём родовую память убийцы миллионов, императора. Всякий толпарь-исполнитель руководим извне иррациональной волей сверхвождя; сверхвождь тоже толпарь, но руководим он изнутри по меха₇ низмам родовой памяти, потому тоже постоянно неадекватен, но не как рядовой толпарь, а на свой манер.

СЕКТА — сформировавшаяся иерархия, независимо от её численности. Любая организация, совместимая с некрофилогенной культурой, неизбежно приобретает характерные черты секты.

СЕФИРОТ — древо жизни, произрастающее на почве тайного, то есть доступного не всем, знания.

СЕМЬЯ. Как утверждают исследователи, в реальных семьях (не *половинок*. — А. М.) или муж, или жена доминирует над вторым

супругом. Любой из этих вариантов семей можно рассматривать как секту, выродившуюся (или ещё не разросшуюся) до сверхмалого числа членов.

СТАЯ — иерархический способ существования некрофилов. *Теория стай* — предмет рассмотрения «КАТАРСИСа-2» и «КАТАРСИСа-3». См. *ТЕОРИЯ СТАИ*.

СТРАХ — состояние души, в котором человек становится более гипнабельным. Человек в состоянии страха не только непременно беззащитен перед подавляющей волей «вожака» и непременно оказывается в его стае (стаде, иерархии), но, главное, сам жаждет в этой чужой воле забыться.

СТРЕСС (от англ. *stress* — напряжённое состояние) — совокупность защитных физиологических реакций, наступающих в организме животного или человека в ответ на воздействие неблагоприятных факторов (стрессоров) — холода, голода, психических и физических травм, облучения, кровопотери, инфекции и т. п.

СУВЕРЕНИТИЗМ — поглотившая уже всю планету вера в то, что люди друг от друга психоэнергетически независимы и их поступки по большей части плод информационных потоков общества.

СЧАСТЬЕ. Термин несёт в себе два совершенно противоположных смысла: общеизвестный (счастье в некрофильском понимании) и биофильный.

«СЫН» — психотип толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи они не существуют; вождь одержим невротической потребностью воспроизведения преданности духовному предку — однородному сыну Великой Матери; эта субстая в конце времён породит антихриста и будет почитаться толпарями за сообщество истинных учеников Христа.

ТЕЛО ПАМЯТИ — условное обозначение пространства, в котором можно наблюдать психоэнергетические травмы, нанесённые извне. Это пространство, видимо, существенно превышает буквальное тело человека, но, поскольку наиболее значимые для человека травмы всё-таки обнаруживаются внутри него, то термин «тело» нам кажется достаточно уместным. Слово «памяти» указывает на вторжение в настоящее прошлого, которое часто для настоящего является обузой. Понятие введено автором.

ТЕЛО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ТЕЛО СОЗНАНИЯ) несёт в себе уродства, которые человек *нанёс себе сам*, делая противные Истине умозаключения. Образы тела мировоззрения конкретны, и подсознание человека в состоянии непосредственно оценить долю переживаемой этими уродствами энергии. Понятие введено автором.

ТЕЛО ФИЗИЧЕСКОЕ — определение дать затрудняемся, но, видимо, оно должно быть сходно с тем, как определил человека Сократ: «Человек — это на двух ногах, без перьев и с плоскими ногтями».

ТЕОРИЯ ЖИЗНИ. В частности, отвечает на вопрос: состоялась ли ваша жизнь или нет?

ТЕОРИЯ СТАИ— соединение идеи бессознательно-иерархической структуры общества с осмыслением источника авторитетности (преступного прошлого, как индивидуального так родового). Все следствия *теории стаи* адекватно описывают действительность и часто противоположны суверенитетским построениям.

ТОРЧОК — синоним ИСПОЛНИТЕЛЯ, подчёркивает ту его сторону, что наивысшее для торчка удовольствие — полный кайф (предсмертное состояние), когда исчезают даже следы критического мышления.

ФИКСАЦИЯ — непрекращающаяся ориентация в переживаниях, мыслях и действиях на некую установку, код, травму.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА — некий общий для значительной группы людей (народ, вся популяция) *символ подсознания*, обозначающий индивидов, деградировавших до опасного для окружающих уровня некрополя. Символ раскрывает сущность, подчас скрываемую. На первый взгляд может показаться неожиданным, что через этот символ подсознание многих людей раскрывает тех, о которых так много пишут и кем принято восхищаться: властителей, артистов, врачей, чемпионов, целителей, трупорезчиков, преступников, национальных героев. Но подсознание небезосновательно часто оценивает этих индивидов как лишённых признаков *личности*. Наиболее близкие символы — человек в маске или вообще без головы.

ЭВФЕМИЗМ (греч. ειρηνισμός — хорошо говорю) — более мягкое слово ИЛИ выражение вместо грубого или непристойного, напр. «не сочиняйте» вместо «не врите». Привычка изъясняться эвфемизмами была уже у древнегреческих риториков и философов. Это было созвучно всем прочим их антихристианским убеждениям, таким как

превозношение «хороших» домоправителей, которые умеют держать в узде большие массы рабов и при случае подавлять их восстания. Для объявляющих подавление добродетелью всякое корректное, точное слово, как и вообще всякая истина, чуждо, им больше нравится матерщина, «канцелярит» и язык дамских журналов (инверсированная матерщина). Именно борьбой за чистоту нравов объясняли средневековые католики запрет читать Библию: их оскорблял точный язык пророков. Однако эвфемизмы не более чем форма сквернословия. Представьте себе, что очередной Гитлер начинает сколачивать штурмовые отряды, чтобы захватить власть, — проливает кровь миллионов людей и при этом увлекает ещё большее число миллионов лживыми посулами, а некто, всё понимающий, толпе, в последний раз ещё готовый внять голосу разума, вместо того чтобы говорить прямо и честно, начинает тянуть: «Э-э-э Приукрашивает Э-э-э» Это сквернословие. Гитлер врал.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-СТРЕССОВЫЕ (ЭМОЦИОНАЛЬНО-АФФЕКТИВНЫЕ) СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ. «Лежи и не вставай!» -было внушено некогда человеку, который в настоящий момент парализован, — он и не встаёт. Приходит другой гипнотизёр, который делает другое внушение: «Не обращай внимания на предыдущий приказ! Встань и ходи!» — и несчастный встаёт и ходит. Несчастный же он потому, что теперь два приказа искажают целостность его энергетического поля. Ходить-то он ходит, но обмен веществ у него нарушен вдвойне, что неминуемо приводит к болезни внутренних органов: почек, печени и т. д. Эти способы используются или в явной форме (целители) или в скрытой (фитотерапия, уринотерапия, мануальная терапия, психоанализ, лечение с помощью плацебо и т. п.).

ЯРКИЙ НЕКРОФИЛ — некрофил, способный подчинить себе и заставить восхищаться собой других некрофилов, во всяком случае, большее количество, чем может подчинить индивид среднестатистический

АЛЕКСЕЙ МЕНЯЙЛОВ

Сефирот

(УТОНЧЕННЫЕ ПРИЕМЫ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ) ЗАПИСКИ ЗЯТЯ ГЛАВРАВВИНА 2

Редактор *Е. Лазарев*

Верстка *О. Волкова*

Дизайн обложки *Сергей Степанов* (e-таИ:с1е218пег@пагос1.ги)

Подписано в печать 03.02.02. Формат 84x1081/32 Бумага офсетная. Гарнитура Букман. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 5 000 экз. Заказ >*> 876.

ООО Издательство «Крафт+»

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.

129343 г. Москва, проезд Серебрякова, 14

Тел.: 186-93-78, 363-68-73

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
на ФГУИПП «Вятка».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.